63
184

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Карлъ Каутскій.

ПУТЬ КЪ ВЛАСТИ.

Переводъ съ нѣмецкаго
подъ редакціей **Н. Л. Мещерякова.**

Изд. „ВОЛНА".

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.—1918 г.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

HX276
.K38317
1918

Карлъ Каутскій.

ПУТЬ КЪ ВЛАСТИ.

PUT'
K
VLASTI

Переводъ съ нѣмецкаго
подъ редакціей Н. Л. Мещерякова.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Изд. „ВОЛНА".

МОСКВА.—1918 г.

Московская Синодальная Типографія. Никольская, 5.

Предисловіе автора.

Новое разсмотрѣніе вопроса о политической революціи, о великихъ политическихъ сдвигахъ кажется мнѣ своевременнымъ какъ разъ теперь, когда борьба противъ личнаго режима и вопросы государственнаго устройства интересуютъ весь міръ. Велика опасность, что трудности положенія приписываются отдѣльной личности, и что на ней концентрируется все вниманіе. Потому важно указать на болѣе глубокія соціальныя отношенія, которыя обусловливаютъ современныя безпокойство и неувѣренность и которымъ нужно приписать, что случайная особенность единичной личности можетъ вызвать движенія, глубочайшимъ образомъ потрясающія наши политическія условія и прокладывающія путь къ ихъ преобразованію.

Если эта ситуація является внутреннимъ побужденіемъ для настоящаго произведенія, то внѣшнимъ поводомъ послужила полемика, на которую вызвали меня нападенія Мауренбрехера и которая велась въ „Neue Zeit“. Уже тамъ въ виду современныхъ условій я почувствовалъ себя вынужденнымъ подробнѣе развить свои взгляды на революцію. Подъ вліяніемъ требованій съ разныхъ сторонъ, сдѣлать мои соображенія доступными широкимъ кругамъ, собравъ ихъ въ отдѣльномъ очеркѣ, я взялся за обработку ряда статей въ брошюру. Всю направленную спеціально противъ Мауренбрехера полемику, я, конечно, опустилъ, потому что эта личная сторона дѣла не имѣетъ общаго интереса. Поэтому введеніе было полностью вновь переработано. Но съ другой стороны форма брошюры освободила меня отъ соображеній объ ограниченномъ мѣстѣ въ „Neue Zeit“ и о рамкахъ полемики. То, чего я только бѣгло могъ коснуться въ моей заключительной главѣ—современная ситуація и особенности ея задачи—все это я смогъ теперь развить подробнѣе, и это стало главной темой настоящаго сочиненія. Изъ девяти главъ только третья и четвертая, а также вторая половина второй представляютъ собой изложеніе ряда статей въ „Neue Zeit“, а остальное написано наново.

Все въ цѣломъ представляетъ собой дополненіе къ опубликованной мной въ 1902 году брошюрѣ о соціальной революціи.

Такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что полемика, породившая это произведеніе, почерпнетъ изъ нея новую пищу, я хочу здѣсь заявить, что за мои выводы, поскольку они не основываются на нашей программѣ и рѣшеніяхъ нашихъ партейтаговъ, отвѣтственна не моя партія, а только я лично.

Это разумѣется само собой при всякомъ выпускѣ изданія, которое не исходитъ официально отъ партіи, но не излишне на это указать, въ особенности, критикамъ и полемистамъ.

Карлъ Каутскій.

1. Завоеваніе политической власти.

Друзья и недруги соціалъ-демократіи сходятся на томъ, что она партія *революціонная*. Но представленія о революціи, къ сожалѣнію, весьма разнообразны, а потому далеко расходятся и взгляды на революціонный характеръ нашей партіи. Немало изъ ея противниковъ хотятъ видѣть въ революціи не что иное, какъ анархію, кровопролитіе, грабежи и поджоги. Съ другой стороны, есть товарищи, которымъ надвигающаяся соціальная революція представляется только, какъ весьма постепенное, едва замѣтное, хоть и въ концѣ концовъ глубокоидущее измѣненіе общественныхъ отношеній, по образцу тѣхъ измѣненій, которыя были вызваны паровой машиной.

Все же ясно, что соціалъ-демократія, какъ защитница классовыхъ интересовъ пролетаріата, есть партія революціонная. Ибо пролетаріату въ капиталистическомъ обществѣ невозможно добиться сносныхъ условій существованія. Ибо его освобожденіе требуетъ уничтоженія частной собственности на капиталистическія средства производства и управленія, путемъ ихъ обобществленія и замѣны частно-хозяйственнаго производства общественнымъ. Пролетаріатъ можетъ найти удовлетвореніе только въ общественномъ строѣ, глубоко отличномъ отъ современнаго.

Но соціалъ-демократія революціонна и въ другомъ смыслѣ: она признаетъ, что государственная власть есть орудіе классоваго господства, болѣе того—самое сильное его орудіе, и что соціальная революція, къ которой стремится пролетаріатъ, не можетъ быть проведена, пока онъ не завоевалъ политической власти.

Этимъ убѣжденіемъ, обоснованнымъ въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ Марксомъ и Энгельсомъ, соціалъ-демократія отличается отъ такъ называемыхъ утопическихъ соціалистовъ первой половины прошлаго столѣтія, какъ напримѣръ, приверженцевъ Оуэна и Фурье, а также и отъ послѣдователей Прудона, которые либо мало цѣнили политическую борьбу, либо вовсе отвергали ее и думали, что экономическое преобразованіе въ интересахъ пролетаріата можетъ быть проведено мѣрами чисто хозяйственнаго регулированія безъ измѣненія и захвата государственной власти.

Въ своихъ указаніяхъ на необходимость захвата политической власти Марксъ и Энгельсъ сходятся съ *Бланки*. Но въ то время, какъ послѣдній полагалъ, что государственная власть можетъ быть завоевана и подчинена служенію пролетарскимъ интересамъ путемъ заговора, путемъ бунта незначительнаго меньшинства, Марксъ и Энгельсъ считали, что революціи нельзя дѣлать по произволу, но что онѣ неизбѣжно возникаютъ при опредѣленныхъ условіяхъ, и что онѣ невозможны, пока нѣтъ на лицо этихъ лишь постепенно создающихся условій. Только тамъ, гдѣ высоко развитъ капиталистическій способъ производства, есть экономическая возможность посред-

ствомъ государственной власти замѣнить капиталистическую собственность на средства производства общественной; съ другой стороны, возможность завоеванія и прочнаго удержанія за собой государственной власти представляется для пролетаріата только тамъ, гдѣ онъ выросъ въ значительную массу, въ экономически неотъемлемую часть общества, гдѣ онъ въ большей своей части крѣпко организованъ и имѣетъ ясное представленіе какъ о своемъ классовомъ положеніи, такъ и о сущности государства и общества.

Эти условія все болѣе создаются развитіемъ капиталистическаго способа производства и проистекающими отсюда классовыми битвами между трудомъ и капиталомъ; подобно тому, какъ капитализмъ въ своемъ постоянномъ развитіи неизбѣжно и неудержимо шествуетъ впередъ, и пролетарская революція, какъ рѣшительное выступленіе противъ него, неизбѣжна и неудержима.

Она неудержима, ибо растущій пролетаріатъ неизбѣжно берется за оружіе противъ капиталистическаго грабежа, организуется въ профессіональные, кооперативные и политическіе союзы, пытается завоевать лучшія условія труда и существованія и большаго политическаго вліянія. Всюду пролетаріатъ слѣдуетъ этимъ способамъ дѣйствія, будь онъ соціалистически настроенъ или нѣтъ. Задача соціалъ-демократіи заключается въ томъ, чтобы объединить различныя выступленія пролетаріата противъ его эксплоатаціи въ единое цѣлеосознанное дѣйствіе, которое найдетъ свою высшую точку въ великихъ и рѣшающихъ битвахъ за завоеваніе политической власти.

Это воззрѣніе, основа котораго заложена въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, усвоено теперь соціалистическимъ движеніемъ всѣхъ странъ. На немъ покоится международный соціализмъ нашего времени.

Это воззрѣніе не могло восторжествовать, не встрѣтивъ сомнѣвающихся и критиковъ внутри самой соціалъ-демократіи.

Тѣмъ не менѣе дѣйствительное развитіе приняло именно то направленіе, которое предсказали Марксъ и Энгельсъ. И побѣдоносное шествіе международнаго соціализма одновременно съ развитіемъ капитализма, а съ нимъ и пролетарской классовой борьбы, болѣе всего обязано выявленному Марксомъ и Энгельсомъ глубокому проникновенію въ условія и задачи этой борьбы.

Но они ошибались только въ *одномъ: революція казалась имъ слишкомъ близкой.*

„Коммунистическій манифестъ“ (въ концѣ 1847 года) говорилъ такъ:

„Особенное вниманіе коммунисты обращаютъ на Германію, потому что она стоитъ наканунѣ буржуазной революціи, и потому что въ ней этотъ переворотъ совершится при далеко продвинувшихся впередъ условіяхъ европейской цивилизаціи и при гораздо болѣе развитомъ пролетаріатѣ, чѣмъ въ Англіи XVII и Франціи XVIII вѣка. Такимъ образомъ нѣмецкая буржуазная революція можетъ быть только *непосредственной прелюдіей пролетарской революціи*“.

Манифестъ съ полнымъ основаніемъ ожидалъ германской революціи, но онъ ошибался, полагая, что она будетъ непосредственной прелюдіей пролетарской революціи.

Ближе намъ по времени другое предсказаніе, которое Энгельсъ высказалъ въ 1885 году въ своемъ введеніи ко 2-му изданію брошюры Маркса о кельнскомъ процессѣ коммунистовъ. Онъ тамъ сказалъ, что ближайшее европейское потрясеніе „скоро послѣдуетъ—промежутки европейскихъ рево-

люцій—1815, 1830, 1848—52, 1870—въ нашемъ столѣтіи достигаютъ 15—18 лѣтъ" (стр. 14 нѣм. изд.[1]).

Это ожиданіе также не сбылось, и до сего дня не свершилась предсказанная тогда революція.

Но почему это такъ? Былъ ли неправиленъ методъ Маркса, на которомъ покоились эти ожиданія? Ни въ коемъ случаѣ. Но одинъ факторъ былъ неправильно учтенъ, его значеніе было слишкомъ преувеличено. Уже десять лѣтъ тому назадъ я писалъ объ этомъ: „Оба раза революціонная, оппозиціонная сила *буржуазіи* была переоцѣнена" (Neue Zeit, XVII, 2, стр. 45).

Въ 1847 году Марксъ и Энгельсъ ожидали въ Германіи революціи огромнаго размаха,—революціи, подобной великой французской катастрофѣ, начавшейся въ 1789 году. Вмѣсто этого дѣло дошло лишь до жалкаго возстанія, которое почти тотчасъ же отпугнуло всю буржуазію и бросило ее въ объятія правительствъ, такъ что послѣднія опять окрѣпли, между тѣмъ, какъ быстрое развертываніе силъ пролетаріата было задержано. Буржуазія предоставила отдѣльнымъ правительствамъ заботиться о дальнѣйшемъ развитіи революціи, поскольку послѣдняя еще ей была нужна, и именно Бисмаркъ былъ тѣмъ великимъ революціонеромъ, который, по крайней мѣрѣ отчасти, объединилъ Германію, низвергъ нѣмецкихъ князей съ ихъ престоловъ, способствовалъ объединенію Италіи и лишенію свѣтской власти папы, уничтожилъ имперію и возстановилъ республику во Франціи.

Въ такихъ формахъ протекала нѣмецкая буржуазная революція, скорое наступленіе которой Марксъ и Энгельсъ предсказали въ 1847 году, и которая завершилась только въ 1870 году.

Несмотря на это, Энгельсъ и въ 1885 году еще ожидалъ „политическаго потрясенія" и считалъ что „мелко-буржуазная демократія еще теперь является той партіей", которая „въ Германіи, безусловно, должна первой стать у кормила правленія".

И на этотъ разъ Энгельсъ вѣрно предсказывалъ наступленіе „политическаго потрясенія", но онъ опять ошибся, ожидая чего-то отъ мелко-буржуазной демократіи. Она рѣшительно уклонилась отъ выступленія, когда рухнулъ режимъ Бисмарка. И потому паденіе канцлера, происшедшее по рѣшенію одной династіи, не имѣло никакихъ революціонныхъ послѣдствій.

Все болѣе становится очевиднымъ, что революція возможна только какъ *пролетарская* революція; что она невозможна, пока организованный пролетаріатъ не образуетъ силы, достаточно большой и компактной, чтобы при благопріятныхъ условіяхъ увлечь за собой народныя массы. Но если только пролетаріатъ представляетъ собой единственный революціонный классъ націи, то, съ другой стороны, отсюда слѣдуетъ, что всякое крушеніе современнаго строя, будь оно моральнаго, финансоваго или военнаго характера, означаетъ собой банкротство всѣхъ буржуазныхъ партій, которыя за все это отвѣтственны, и что единственный выходъ изъ создавшагося тупика есть установленіе власти *пролетаріата*.

Однако эти выводы дѣлаютъ не всѣ товарищи. Нѣкоторые изъ того факта, что нѣсколько разъ ожидавшаяся революція еще не наступила, никакъ не хотятъ сдѣлать надлежащаго заключенія о томъ, что условія и формы грядущей революціи благодаря капиталистическому строю будутъ совершенно иныя, чѣмъ это думали на основаніи опытовъ бывшихъ до сихъ поръ буржуазныхъ революцій. Они дѣлаютъ выводъ, что революціи при измѣнившихся условіяхъ вообще болѣе нельзя ожидать, что она не необходима и даже вредна.

---

[1]) По русскому изданію „Молота" 1906 г., стр. 20. *Прим. перев.*

Съ одной стороны, они допускаютъ, что дальнѣйшее развитіе уже достигнутыхъ завоеваній — законовъ объ охранѣ труда, профессіональныхъ союзовъ и потребительныхъ обществъ, достаточно, чтобы выбить классъ капиталистовъ постепенно изъ всѣхъ его позицій и незамѣтно его экспропріировать безъ политической революціи, безъ измѣненія существа государственной власти. Эта теорія постепеннаго экономическаго врастанія въ государство будущаго представляетъ собой модернизированіе стараго антиполитическаго утопизма и прудонизма. А съ другой стороны, они считаютъ возможнымъ, что пролетаріатъ достигнетъ политической власти безъ революціи, т.-е. безъ значительнаго государственнаго переворота, просто посредствомъ мудрой тактики совмѣстнаго дѣйствія съ близко стоящими къ пролетаріату буржуазными партіями; въ коалиціи съ послѣдними онъ образуетъ власть, на созданіе которой не способна ни одна изъ участвующихъ партій въ отдѣльности.

Этимъ путемъ хотятъ избѣгнуть революціи, которая представляетъ собой весьма устарѣлый, варварскій способъ, не имѣющій мѣста въ нашъ просвѣщенный вѣкъ демократіи, этики и человѣколюбія.

Эти построенія, будучи доведены до логическаго конца, совершенно уничтожаютъ соціалъ-демократическую тактику, обоснованную Марксомъ и Энгельсомъ. Эти построенія съ нею несовмѣстны. Конечно, нѣтъ основанія считать ихъ напередъ ошибочными, но вполнѣ понятно, что каждый, кто послѣ зрѣлаго размышленія призналъ ихъ ложными, рѣзко выступитъ противъ нихъ, такъ какъ дѣло идетъ не о незначительныхъ разногласіяхъ, а о побѣдахъ и неудачахъ борющагося пролетаріата.

Но при обсужденіи этихъ разногласій легко попадаютъ на ложный путь, когда недостаточно точно устанавливаютъ границы спорныхъ вопросовъ.

Поэтому, какъ это уже часто дѣлалось раньше, здѣсь необходимо указать, что рѣчь идетъ не о томъ, нужны ли и полезны ли профессіональные союзы и кооперативы, законодательство по охранѣ труда и прочіе законы, издающіеся въ интересахъ пролетаріата. По этому вопросу среди насъ нѣтъ двухъ мнѣній. Оспаривается только взглядъ, что эксплоатирующіе классы, обладающіе государственной властью, могутъ допустить такое развитіе этихъ факторовъ, которое означало бы освобожденіе отъ капиталистическаго гнета, не оказавъ при этомъ со всей мощью государственнаго аппарата такого сопротивленія, которое можетъ быть преодолѣно только путемъ рѣшительной битвы.

Далѣе, рѣчь идетъ не о томъ, должны ли мы использовать въ интересахъ пролетаріата разногласія между буржуазными партіями. Недаромъ Марксъ и Энгельсъ постоянно оспаривали правильность выраженія „реакціонная масса“, потому что оно слишкомъ затушевываетъ противорѣчія между различными фракціями имущихъ классовъ, противорѣчія, которыя зачастую становятся очень важными для интересовъ пролетаріата. Какъ законы объ охранѣ труда, такъ и расширеніе политическихъ правъ болѣе всего обязаны этимъ противорѣчіямъ.

Оспаривается только возможность для пролетарской партіи образовать въ обычныхъ условіяхъ одно *правительство* или одну *правительственную партію* совмѣстно съ буржуазными партіями, не попадая при этомъ въ неразрѣшимыя противорѣчія, которыя должны привести ее къ крушенію. Государственная власть есть органъ классоваго господства. Но классовыя противорѣчія между пролетаріатомъ и имущими классами настолько сильны, что пролетаріатъ никогда не можетъ править въ государствѣ совмѣстно съ однимъ изъ имущихъ классовъ. Имущій классъ постоянно будетъ доби-

ваться и по своимъ интересамъ долженъ добиваться, чтобы государственная власть продолжала держать пролетаріатъ въ порабощеніи. Напротивъ того, пролетаріатъ будетъ постоянно требовать отъ правительства, въ которомъ участвуетъ его собственная партія, чтобы государственная власть приходила ему на помощь въ его борьбѣ съ капиталомъ. Поэтому всякое пролетарско-буржуазное правительство должно потерпѣть крушеніе.

Пролетарская партія въ буржуазномъ коалиціонномъ правительствѣ будетъ постоянно отвѣтственна за дѣйствія, направленныя къ угнетенію пролетаріата. Эти дѣйствія, заставивъ пролетаріатъ отвернуться отъ нея, все же не принесутъ ей довѣрія ея буржуазныхъ братьевъ по блоку и сдѣлаютъ невозможной всякую плодотворную работу. Подобная политика можетъ привести не къ усиленію пролетаріата—на это не пойдетъ ни одна буржуазная партія; она можетъ только скомпрометировать пролетарскую партію, а пролетаріатъ сбить съ толку и расколоть.

Какъ разъ тотъ моментъ, который, начиная съ 1848 г., постоянно выдвигала революція—политическое небытіе буржуазной демократіи—онъ то и исключаетъ всякое успѣшное совмѣстное выступленіе съ нею для завоеванія и общаго пользованія политической властью.

И какъ ни стояли Марксъ и Энгельсъ за то, чтобы использовать разногласія между буржуазными партіями для успѣховъ пролетарскаго дѣла, какъ они ни боролись противъ самаго понятія „реакціонная масса“, все же они выковали понятіе *диктатуры пролетаріата*, которую Энгельсъ въ 1891 году незадолго до своей смерти упорно отстаивалъ,—понятіе о политическомъ единовластіи пролетаріата, какъ единственной формѣ, въ которой онъ можетъ осуществлять государственную власть.

Но если буржуазно-пролетарское коалиціонное правительство не можетъ быть средствомъ развитія пролетарской власти и если успѣхъ соціальныхъ реформъ и экономическихъ организацій пролетаріата имѣетъ свои границы при данномъ соотношеніи силъ, то ненаступленіе политической революціи до сихъ поръ не даетъ ни малѣйшаго основанія заключить, что революціи отошли въ прошлое и что ихъ больше не будетъ.

Другіе сомнѣвающіеся въ возможности революціи не настолько категоричны. Они считаютъ возможнымъ, что еще одна революція будетъ, но наступленіе ея они относятъ къ отдаленному будущему. По крайней мѣрѣ на протяженіи еще одного человѣческаго вѣка она невозможна и для нашей практической политики она не можетъ быть принята въ разсчетъ. Въ ближайшія десятилѣтія мы должны основываться на тактикѣ мирнаго врастанія и буржуазно-пролетарской коалиціонной политикѣ.

И все же какъ разъ теперь выплываютъ факты, которые болѣе чѣмъ когда-либо даютъ намъ основаніе признать это воззрѣніе ложнымъ.

2. Предсказаніе революціи.

Чтобы дискредитировать ожиданіе марксистами грядущей революціи, насъ часто упрекаютъ, что мы любимъ ее предсказывать, но проявили себя плохими пророками.

Мы уже видѣли, почему ожидавшаяся Марксомъ и Энгельсомъ пролетарская революція до сихъ поръ не наступила. Но если не обращать вниманія на эти несбывшіяся ожиданія, то нужно поражаться не тому, что не все исполнилось изъ ожидавшагося ими; приходится изумляться тому, что такъ много изъ ихъ предсказаній сбылось.

Мы, напримѣръ, уже видѣли, что „Коммунистическій манифестъ“ въ ноябрѣ 1847 года возвѣстилъ наступленіе революціи 1848 года. Это произошло въ то самое время, когда Прудонъ доказывалъ, что время революцій навсегда миновало.

Марксъ былъ первымъ соціалистомъ, указавшимъ на значеніе профессіональныхъ союзовъ для классовой борьбы пролетаріата въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ Прудона „Нищета философіи“ 1846 года. Во время своей работы надъ „Капиталомъ“ онъ уже въ шестидесятыхъ годахъ предвидѣлъ современныя акціонерныя и картельныя предпріятія. Во время войны 1870—71 годовъ онъ предсказывалъ, что отнынѣ центръ тяжести соціалистическаго движенія перенесется изъ Франціи въ Германію. Въ январѣ 1873 года онъ предсказывалъ кризисъ, который наступилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя и т. д.

Точно такъ же обстоитъ дѣло съ Энгельсомъ.

И даже тамъ, гдѣ они ошибались, въ ихъ заблужденіяхъ заключалось значительное зерно истины. Вспомните о томъ, что было сказано выше объ ожиданіи Энгельсомъ въ 1885 году политическаго потрясенія въ ближайшіе годы.

Какъ разъ здѣсь умѣстно выступить противъ одной легенды, грозящей упрочиться. Въ своемъ „Рабочемъ вопросѣ“, вышедшемъ теперь 5-ымъ изданіемъ, берлинскій профессоръ Г. Геркнеръ при изложеніи отчета о Ганноверскомъ партейтагѣ 1899 г. пишетъ:

„Каутскій въ пылу полемики позволилъ себѣ такъ далеко зарваться, что онъ заклеймилъ какъ идіотство всякую надежду на быстрое наступленіе осуществляющей всѣ чаянія катастрофы и такимъ образомъ оспаривалъ это еще болѣе рѣзко, чѣмъ это сдѣлалъ самъ Бернштейнъ. Если бы Энгельсъ дѣйствительно предсказывалъ на 1898 годъ великій клядерадатшъ (переворотъ), говоритъ Каутскій, то онъ былъ бы не тѣмъ великимъ мыслителемъ, которымъ онъ былъ, а былъ бы такимъ идіотомъ, что ни одинъ изъ избирательныхъ округовъ не избралъ бы его своимъ делегатомъ на партейтагъ. Энгельсъ только полагалъ, что въ 1898 году возможно крушеніе нынѣшней политической системы въ Пруссіи.

Пусть установлено, что̀ думалъ Энгельсъ. Но слова Бебеля на эрфуртскомъ партейтагѣ 1891 года, что только немногіе члены этого конгреса не доживутъ до осуществленія конечной цѣли, не допускаютъ никакого спасительнаго истолкованія. Эти слова были идіотскими, если выражаться, какъ Каутскій въ 1899 году. Въ этомъ эпизодѣ съ ясностью, не оставляющей желать ничего лучшаго, нашла свое выраженіе перемѣна, наступившая въ умахъ поклонниковъ старой тактики (стр. 379).

„Къ сожалѣнію, ясность господина профессора заставляетъ желать очень многаго. Ни однимъ словомъ я не опредѣлялъ „надежду на скорое наступленіе катастрофы, осуществляющей всѣ чаянія(!)“, какъ идіотство по той простой „причинѣ, что о такой катастрофѣ не было рѣчи. Впрочемъ, я былъ бы во всякомъ случаѣ совершенно правъ, если бы я назвалъ идіотствомъ надежду на катастрофу, *осуществляющую всѣ чаянія*. Я избралъ выраженіе „идіотство“ для взгляда, что Энгельсъ твердо установилъ 1898 годъ, какъ *опредѣленную дату* для революціи. Такого рода предсказаніе казалось мнѣ во всякомъ случаѣ идіотскимъ. Но Энгельсъ никогда этимъ не грѣшилъ. И такъ же мало повиненъ въ этомъ Бебель. На Эрфуртскомъ партейтагѣ 1891 года онъ не указалъ опредѣленнаго года для наступленія революціи.

Уже тамъ пошучивали надъ его „предсказаніями“. Онъ на это отвѣтилъ:

„Пусть смѣются и издѣваются надъ предсказаніями; мыслящіе люди безъ нихъ не обходятся. Фольмаръ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ чуждъ нынѣшней холодно-пессимистической трезвости. Оспариваемый имъ Энгельсъ въ 1844 совершенно вѣрно предсказалъ революцію 1848 года. И развѣ то, что Марксъ и Энгельсъ предсказали во время возстанія коммуны въ извѣстномъ адресѣ Генеральнаго Совѣта Международной Рабочей Ассоціаціи о грядущемъ положеніи вещей въ Европѣ, развѣ это не осуществилось вплоть до точки надъ і? (Совершенно вѣрно!). Либкнехтъ, который тоже немного насмѣхался надо мной, самъ много пророчествовалъ. (Смѣхъ). Онъ подобно мнѣ въ 1870 году въ рейстагѣ предсказалъ то, что теперь вполнѣ сбылось. Прочитайте мои и его рѣчи 1870—71 годовъ и вы найдете подтвержденіе этому. Приходитъ Фольмаръ и кричитъ: молчите объ этой старой исторіи и оставьте пророчества. Но онъ самъ тоже пророчествуетъ. Разница между нами та, что онъ обладаетъ удивительнымъ оптимизмомъ по отношенію къ нашимъ противникамъ, но страшнѣйшимъ пессимизмомъ по отношенію къ принципіальнымъ стремленіямъ партіи и ея будущему. (Протоколъ стр. 283).

Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ сбывшихся предсказаній Бебеля является предсказаніе, сдѣланное имъ въ 1873 году, что число депутатскихъ мѣстъ партіи центра въ рейхстагѣ скоро возрастетъ съ 60 до 100, что культуркампфъ Бисмарка будетъ имѣть плачевный конецъ и приведетъ къ его паденію.

Недавно мнѣ оказали честь, поставивъ меня рядомъ съ этими „пророками“. Я не могу найти для себя лучшаго общества.

Меня упрекаютъ, что я въ серіи своихъ статей „Allerhand revoluzionäres“ въ„ Neue Zeit“[1]), а также въ предисловіи къ моей „Этикѣ“ сказалъ о русской революціи нѣчто такое, что основательно опровергнуто историческимъ опытомъ.

Такъ ли это?

Въ предисловіи къ „Этикѣ“ я писалъ!

„Мы идемъ навстрѣчу періоду, когда кто знаетъ, какъ долго для всякаго соціалъ-демократа будетъ исключена возможность спокойной работы, когда вся наша дѣятельность будетъ непрерывной борьбой... Какъ разъ теперь полицейскіе защитники царизма напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобъ сравняться съ Альбами и Тилли религіозныхъ войнъ XVI и XVII вѣковъ, но сравняться не военными подвигами, а звѣрствами и поджогами. Западноевропейскіе поборники культуры, порядка и прочихъ священныхъ благъ человѣчества восторженно привѣтствуютъ эти дѣянія, какъ возстановленіе законнаго порядка. Но какъ наемникамъ Габсбурговъ, несмотря на кратковременный успѣхъ, не удалось вновь окатоличить Сѣверную Германію и Голландію, точно такъ же казакамъ Романовыхъ не удастся возстановить абсолютистскаго режима. Этотъ режимъ обладаетъ еще силой для опустошенія страны, но не для управленія ею.“

„Во всякомъ случаѣ русская революція еще не кончилась. Она не можетъ кончиться, пока не удовлетворены русскіе крестьяне. Чѣмъ дольше она продолжается, тѣмъ больше возбужденіе пролетарскихъ массъ Западной Европы, тѣмъ ближе опасность финансовыхъ катастрофъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что и въ Западной Европѣ наступитъ эпоха обострениой классовой борьбы“.

---

[1]) Русскій переводъ подъ заглавіемъ: „Революціонныя перспективы“.

Что въ этихъ словахъ, написанныхъ въ январѣ 1906 года, такого, чего я долженъ былъ бы стыдиться? И развѣ можно думать, что русская революція закончилась, и что въ Россіи возстановились нормальныя отношенія? И развѣ весь міръ съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вышеприведенныя строки, не пришелъ въ состояніе величайшаго безпокойства?

Далѣе, о моемъ „злополучномъ пророчествѣ“ въ статьѣ „Allerhand revolutionäres“. Я тогда полемизировалъ съ Люсней, который совершенно исключалъ возможность, что война за Корею можетъ привести въ Россіи къ революціи, и который думалъ, что я преувеличиваю, говоря, что русскіе рабочіе представляютъ собой гораздо болѣе реальный политическій факторъ, чѣмъ англійскіе. На это я въ первыхъ числахъ февраля 1904 года, въ началѣ русско-японской войны, отвѣчалъ:

„Нѣтъ сомнѣнія, что Россія въ своемъ экономическомъ развитіи далеко отстаетъ отъ Германіи и Англіи, и что россійскій пролетаріатъ гораздо слабѣе и менѣе зрѣлъ, чѣмъ германскій или англійскій. Но все относительно, относительна даже революціонная сила класса.“

Я показалъ, почему россійскій пролетаріатъ обладалъ тогда необыкновенной революціонной силой, и далѣе заключалъ:

„Эта борьба тѣмъ скорѣе разрѣшится не въ пользу абсолютизма, чѣмъ энергичнѣе Западная Европа будетъ отказывать послѣднему въ поддержкѣ. Дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобъ насколько возможно дискредитировать царизмъ,—вотъ наиболѣе важныя задачи для международной соціалъ-демократіи“...

Между тѣмъ борьба противъ самодержца всея Руси растетъ воочію, несмотря на цѣнную для него дружбу всей Западной Европы. Война съ Японіей можетъ сильно ускорить побѣду революціи въ Россіи... То, что произошло послѣ русско-турецкой войны, повторится на этотъ разъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ! Это будетъ могучая вспышка революціоннаго движенія“.

Обосновавши это, я продолжалъ:

„Прежде всего, революція въ Россіи не можетъ положить начало соціалистическому строю. Для этого не созрѣли еще экономическія условія страны. Революція можетъ прежде всего призвать къ жизни демократическій строй. За нимъ будетъ однако стоять сильный, неукротимый, стремящійся впередъ пролетаріатъ, который добьется значительныхъ уступокъ.“

„Такой режимъ долженъ будетъ оказать могучее вліяніе на сосѣднія съ Россіей страны. Онъ вызоветъ оживленіе и воодушевленіе въ пролетарскомъ движеніи, которое, получивъ вслѣдствіе этого сильный толчокъ, предприметъ наступленіе противъ политическихъ препятствій, стоящихъ на пути истинной демократіи и прежде всего противъ трехклассной системы выборовъ въ Пруссіи. Тогда наступитъ и разрѣшеніе разнообразныхъ національныхъ вопросовъ Восточной Европы“.

Это я писалъ въ февралѣ 1904 года. Въ октябрѣ 1905 года русская революція стала дѣйствительностью, а пролетаріатъ ея передовымъ борцомъ. Сейчасъ же сказалось и вліяніе на сосѣднія страны. Въ Австріи борьба за всеобщее избирательное право пріобрѣла непреодолимую силу, и побѣда была вскорѣ достигнута; Венгрія очутилась на краю форменнаго возстанія; германская соціалъ-демократія признала всеобщую забастовку и со всей силой бросилась въ борьбу за всеобщее избирательное право, которая въ Пруссіи уже въ январѣ 1908 года привела къ уличнымъ демонстраціямъ, какихъ не видалъ Берлинъ со временъ 1848 года. А въ 1907 году произошли поразительные готтентотскіе выборы и полнѣйшій крахъ нѣмецкой демократіи.

Если я при этомъ ожидалъ свободнаго развитія національныхъ движеній Восточной Европы, то эти ожиданія были превзойдены быстрымъ пробужденіемъ всего Востока—Китая, Индіи, Египта, Марокко, Персіи и Турціи,—пробужденіемъ, которое въ двухъ послѣднихъ странахъ привело къ побѣдоноснымъ революціоннымъ подъемамъ.

И въ связи съ этимъ передъ нами постоянное обостреніе международныхъ противорѣчій, которыя уже два раза, сперва изъ-за Марокко, затѣмъ изъ-за Турціи, поставили Европу передъ возможностью войны.

И если сбылось какое-нибудь „прорицаніе будущаго", если употребить это слово, то это было предсказаніе, которое ожидало наступленія русской революціи и, какъ слѣдствія ея, періода повышеннаго политическаго возбужденія и обостренія всѣхъ соціальныхъ и національныхъ противорѣчій.

Я, правда, не предсказывалъ временнаго пораженія русской революціи. Но развѣ тотъ, кто предсказывалъ въ 1846 году наступленіе революціи 1848 года ошибался, и только потому, что она потерпѣла пораженіе въ 1849 году?

Конечно, мы при всякомъ крупномъ движеніи и подъемѣ должны разсчитывать и на возможность пораженія. Дуракъ тотъ, кто наканунѣ предстоящей борьбы чувствуетъ себя увѣреннымъ, что побѣда у него уже въ карманѣ. Между тѣмъ мы можемъ только подвергать изслѣдованію, идемъ ли мы навстрѣчу великимъ революціоннымъ битвамъ. Объ этомъ можно судить съ достаточной степенью вѣроятности. Объ исходѣ же подобнаго рода битвъ напередъ ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Но мы были бы жалкими людьми, даже прямыми измѣнниками своего дѣла и неспособными къ какой бы то ни было борьбѣ, если бъ мы заранѣе были увѣрены въ неизбѣжности пораженія и не считались съ возможностью побѣды.

Конечно, не каждое ожиданіе можетъ воплотиться въ дѣйствительность. Кто выдаетъ себя за непогрѣшимаго пророка или требуетъ отъ другихъ безошибочныхъ предсказаній, тотъ долженъ предположить въ человѣкѣ сверхъестественныя силы.

Каждый политикъ долженъ разсчитывать на возможность неисполненія его ожиданій. Тѣмъ не менѣе „пророчество" представляетъ собой не праздную игру, но осторожно и методично проводимую неустанную дѣятельность для каждаго мыслящаго и дальновиднаго политика. На это указалъ уже Бебель.

Только глупый рутинеръ удовлетворяется вѣрой, что впредь все пойдетъ по старому. Политикъ, являющійся въ тоже время и мыслителемъ, при каждомъ наступающемъ явленіи взвѣситъ всѣ возможности, которыя оно таитъ въ себѣ, и продумаетъ самыя отдаленныя его послѣдствія. Конечно, сила косности въ обществѣ неимовѣрно велика; въ девяти случаяхъ изъ десяти рутинеръ, вѣроятно, будетъ правъ, если онъ пойдетъ по проторенной дорожкѣ, и не дастъ себѣ труда задуматься надъ новыми ситуаціями и возможностями. На все же когда-нибудь наступитъ явленіе, достаточно могучее для того, чтобы преодолѣть силу косности, которая была уже внутренне потрясена предыдущими происшествіями, хотя съ внѣшней стороны все осталось по старому. Вдругъ развитіе прокладываетъ себѣ новые пути. Всѣ рутинеры при этомъ теряютъ голову, устоятъ только такіе политики, которые допускали новыя возможности и ихъ послѣдствія.

Но вовсе не слѣдуетъ думать, что глупый рутинеръ даже при обычномъ ходѣ вещей превосходитъ учитывающаго будущее или „прорицающаго" политика. Это могло бы случиться только тогда, когда политикъ считалъ бы тѣ возможности, послѣдствія которыхъ онъ продумалъ, за реальность

и по ней тотчасъ же строилъ бы свои практическія дѣйствія. Неужели можно утверждать, что Энгельсъ, Бебель и прочіе „прорицающіе“ политики, о которыхъ идетъ рѣчь, когда-нибудь высказывали свои предсказанія именно въ такомъ смыслѣ?

Безмозглый рутинеръ никогда не почувствуетъ себя вынужденнымъ изучать дѣйствительность, представляющуюся ему простымъ повтореніемъ уже знакомыхъ ситуацій, въ которыхъ онъ до сихъ поръ находился. Кто, напротивъ, продумываетъ при данной ситуаціи всѣ возможныя послѣдствія, тотъ можетъ это выполнить только путемъ изученія даннаго соотношенія силъ; онъ вынужденъ болѣе всего обратить вниманіе на вновь зарождающіеся и мало еще оцѣненные факторы.

То, что кажется какому-нибудь филистеру безцѣльнымъ гаданіемъ на кофейной гущѣ, на самомъ дѣлѣ является результатомъ глубокаго изслѣдованія и потому сопровождается усиленнымъ познаніемъ дѣйствительности. Только тогда можно было бы съ правомъ напасть на Энгельса и Бебеля за ихъ „прорицанія“, если бы они выказали себя чуждыми дѣйствительности фантазерами. На самомъ дѣлѣ пролетаріатъ во всѣхъ своихъ тяжелыхъ положеніяхъ никогда не получалъ лучшихъ и болѣе цѣлесообразныхъ совѣтовъ, чѣмъ тѣ совѣты, какіе давали ему какъ разъ эти „пророки“, и именно потому, что они посвящали себя „пророчеству“. Кто до сихъ поръ слишкомъ часто велъ борющіеся классы по ложному пути, такъ это не тѣ политики, которые всегда стремились къ широчайшимъ горизонтамъ, а тѣ „реальные политики“, которые видятъ не дальше собственнаго носа, считаютъ за реальность только то, на что они натыкаются носомъ, и объявляютъ великимъ и непреодолимымъ всякое препятствіе, о которое они разъ раскровянили себѣ носъ.

Но есть еще другой способъ „пророчества“, отличный отъ описаннаго. Развитіе общества въ конечномъ счетѣ обусловливается развитіемъ способа производства, съ законами котораго мы въ настоящее время уже достаточно знакомы, для того, чтобы съ нѣкоторой увѣренностью опредѣлить направленіе неизбѣжнаго общественнаго развитія и сдѣлать отсюда выводы о неизбѣжномъ ходѣ политическаго развитія.

Этотъ способъ пророчества часто смѣшивается съ обрисованнымъ выше, и все же они глубоко различны между собой. При первомъ изъ этихъ способовъ рѣчь идетъ о весьма многообразныхъ возможностяхъ, таящихъ въ себѣ особые результаты или особую ситуацію, вѣроятными послѣдствіями которыхъ мы должны руководиться. При второмъ способѣ рѣчь идетъ о неизбѣжномъ единственно возможномъ направленіи развитія, къ познанію котораго мы должны стремиться. При первомъ способѣ мы касаемся опредѣленныхъ конкретныхъ фактовъ, второй же способъ можетъ намъ указать лишь общія тенденціи, не говоря ничего опредѣленнаго о тѣхъ формахъ, въ которыя онѣ выльются. Эти оба способа изслѣдованія не надо смѣшивать даже тогда, когда они даютъ, повидимому, одинаковые результаты.

Если кто-нибудь, напримѣръ, говоритъ, что война между Франціей и Германіей приведетъ къ революціи, а другой утверждаетъ, что возрастающее обостреніе классовыхъ противорѣчій въ капиталистическомъ обществѣ ведетъ къ революціи, то послѣднее утвержденіе будетъ, повидимому, такимъ же предсказаніемъ революціи, какъ и первое. И все же каждое изъ этихъ утвержденій означаетъ нѣчто иное. Когда я говорю о войнѣ между Франціей и Германіей, то война въ этомъ случаѣ не есть событіе, наступленіе котораго можно предсказать съ вѣроятностью закона природы. Такъ далеко наука еще не зашла. Война есть только одна изъ многихъ возможностей, которыя могутъ наступить. Но, съ другой стороны, революція, которая можетъ

развиться изъ войны, связана съ опредѣленными формами. Можетъ случиться, что въ той изъ обѣихъ воюющихъ націй, которая окажется слабѣйшей, стремленіе освободить всѣ силы народа для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ поставитъ во главѣ націи самый рѣшительный и энергичный классъ—пролетаріатъ, подобно тому, какъ это Энгельсъ считалъ возможнымъ для Германіи въ 1891 году, если-бъ она вела войну одновременно съ Франціей, тогда еще не такъ далеко отставшей въ численности своего населенія, и съ Россіей, еще не побѣжденной и не потрясенной революціей.

Революція, какъ слѣдствіе войны, можетъ произойти также изъ возстанія народныхъ массъ, когда армія сломлена и устала нести лишенія войны, и когда правительство низвергнуто не для того, чтобы энергичнѣе продолжать войну, а для того, чтобы положить конецъ безцѣльной и губительной бойнѣ и заключить миръ съ врагомъ, который тоже не желаетъ ничего лучшаго.

Наконецъ, революція можетъ произойти, какъ слѣдствіе войны, изъ всеобщаго возмущенія противъ позорнаго и связаннаго съ большимъ урономъ мирнаго договора,—возмущенія, которое соединяетъ армію и народъ противъ правительства.

Для приведеннаго здѣсь случая опредѣленныя формы революціи даны напередъ; напротивъ того, картина революціи довольно неопредѣленна, если я разсматриваю ее, какъ слѣдствіе возрастающаго обостренія классовыхъ интересовъ. Я могу вполнѣ категорически утверждать, что революція, которую приноситъ война, вспыхиваетъ либо во время войны, либо непосредственно послѣ нея. Если я, напротивъ того, говорю о революціи, какъ о результатѣ возрастающаго обостренія классовыхъ противорѣчій, то я тѣмъ самымъ ничего не говорю о моментѣ ея наступленія. О революціи, какъ о слѣдствіи войны, я могу съ опредѣленностью утверждать, что она является актомъ однократнымъ. О революціи, которая проистекаетъ изъ возрастающаго обостренія классовыхъ противорѣчій, по этому поводу ровно ничего нельзя сказать. Она можетъ представлять собой очень длительный процессъ; революція же, какъ слѣдствіе войны, можетъ играть лишь роль эпизода. О революціи, какъ о слѣдствіи войны, нельзя напередъ съ опредѣленностью сказать, что она будетъ успѣшна. Напротивъ того, революціонное движеніе, вытекающее изъ обостренія классовыхъ противорѣчій, можетъ потерпѣть временныя пораженія, но въ концѣ концовъ должно побѣдить.

Но съ другой стороны, война—предварительное условіе революціи въ первомъ случаѣ, какъ мы уже видѣли, можетъ наступить или не наступить. Никто не вздумаетъ сказать по этому поводу что-нибудь опредѣленное. Напротивъ того, обостреніе классовыхъ противорѣчій вытекаетъ съ необходимостью изъ законовъ капиталистическаго способа производства. И если революція, какъ слѣдствіе войны, только одна изъ многихъ возможностей, то какъ слѣдствіе классовой борьбы, она неизбѣжна.

Ясно, что каждый изъ обоихъ способовъ „прорицанія“ имѣетъ свой особенный методъ, требуетъ особеннаго изслѣдованія, и что отъ глубины этого изслѣдованія зависитъ значеніе прорицанія; люди, которые не имѣютъ никакого представленія объ этихъ изслѣдованіяхъ, являются пустыми фантазерами.

Было бы глубоко ошибочно думать, что только мы, марксисты, одни „пророчествуемъ“. Даже буржуазные политики, которые шагаютъ по твердой почвѣ настоящаго, не обходятся безъ заглядыванія въ далекое будущее. Вся сила колоніальной политики, напримѣръ, зиждется, на этомъ. Если бъ рѣчь шла только о современной колоніальной политикѣ, то съ нею было бы легко

справиться. Она для всѣхъ странъ, исключая Англію, представляетъ собой убыточное предпріятіе. Но колоніальная политика образуетъ единственную область, на которую въ предѣлахъ капиталистическаго общества, повидимому, еще возлагаются большія надежды, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Изъ-за этого, изъ-за блестящаго будущаго, которое предсказываютъ наши колоніальные мечтатели, а не изъ-за плачевнаго настоящаго, колоніальная политика дѣйствуетъ какъ приманка на всѣ умы, которые не убѣждены въ наступленіи соціализма. Нѣтъ ничего ошибочнѣе воззрѣнія, что въ политикѣ дѣло рѣшаютъ интересы минуты, что отдаленные идеалы не имѣютъ никакого практическаго значенія, что мы въ нашей выборной агитаціи тѣмъ лучше успѣваемъ, чѣмъ „практичнѣе“, то-есть трезвенніе и мелочнѣе, мы ведемъ себя, чѣмъ болѣе мы говоримъ о налогахъ и пошлинахъ, о полицейскихъ участкахъ, о больничныхъ кассахъ и тому подобныхъ вещахъ и чѣмъ болѣе мы разсматриваемъ наши великія цѣли грядущаго, какъ миновавшую юношескую любовь, о которой въ глубинѣ души охотно вспоминаютъ, но о которой открыто предпочитаютъ не говорить.

3. Врастаніе въ государство будущаго.

Безъ пророчества въ политикѣ никто не обходится. Но тѣ, которые предсказываютъ, что все останется по-старому, не подозрѣваютъ, что они пророчествуютъ.

Конечно, нѣтъ ни одного пролетарскаго политика, который былъ бы доволенъ современными условіями и не стремился бы къ ихъ коренному преобразованію. И нѣтъ ни одного разумнаго политика, независимо отъ направленія, хоть нѣсколько свободнаго отъ предвзятыхъ мнѣній, который не призналъ бы абсурднымъ ожиданіе, что экономическое преобразованіе общества пойдетъ впередъ современнымъ быстрымъ темпомъ, а въ политикѣ еще долго все останется по-старому.

Если политикъ, несмотря на это, ничего не хочетъ знать о политической революціи, т.-е. о рѣзкомъ измѣненіи соотношенія силъ въ государствѣ, то ему только и остается искать такіе пути, при которыхъ классовыя противорѣчія будутъ уничтожены медленно и незамѣтно, безъ великой, рѣшительной битвы.

Либералы мечтаютъ о возстановленіи соціальнаго мира между классами эксплоататоровъ и эксплоатируемыхъ, не уничтожая эксплоатаціи, попросту тѣмъ, что каждый изъ классовъ наложитъ на себя извѣстное самоограниченіе по отношенію къ другому классу и откажется отъ „слишкомъ большихъ завоеваній“ и „чрезмѣрныхъ требованій“. Есть люди, которые полагаютъ, что противорѣчіе интересовъ, существующее между отдѣльнымъ рабочимъ и каниталистомъ, можетъ быть преодолѣно, если рабочій и капиталистъ будутъ стоять другъ противъ друга *организованными*. *Коллективные договоры*, по мнѣнію этихъ людей, должны положить начало соціальному миру. Въ дѣйствительности, организація только концентрируетъ проявленія противорѣчій. Схватки между обоими лагерями становятся рѣже, но сильнѣе, и онѣ гораздо больше потрясаютъ общество, чѣмъ прежнія партизанскія битвы. Само противорѣчіе борющихся интересовъ благодаря организаціи становится гораздо рѣзче, но все болѣе ощущается не какъ *случайное* противорѣчіе отдѣльныхъ *личностей*, а какъ *неизбѣжное* противорѣчіе между цѣлыми *классами*.

Соціалистъ не можетъ раздѣлять иллюзій примиренія классовъ и соціальнаго мира. Какъ разъ отрѣшеніе отъ этой иллюзіи и дѣлаетъ его соціалистомъ. Онъ знаетъ, что не химеричное *примиреніе*, а только *уничтоженіе* классовъ можетъ возстановить общественный миръ. Но если онъ потерялъ вѣру въ революцію, то ему остается только ожидать мирнаго и незамѣтнаго уничтоженія классовъ въ процессѣ экономическаго развитія, роста и усиленія рабочаго класса, который постепенно всасываетъ въ себя всѣ остальные классы.

Это и есть теорія *врастанія* въ соціалистическое общество.

Эта теорія заключаетъ въ себѣ весьма реальное зерно. Она опирается на факты дѣйствительнаго развитія,—на факты, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что мы на самомъ дѣлѣ идемъ навстрѣчу соціализму. Именно Марксъ и Энгельсъ изобразили этотъ ходъ вещей и указали на его естественную закономѣрность.

Съ двухъ сторонъ происходитъ врастаніе въ соціализмъ. Прежде всего черезъ развитіе капитализма и концентрацію капитала. Конкуррентная борьба приводитъ къ тому, что большій капиталъ, превосходя мелкій, угрожаетъ послѣднему, угнетаетъ его и наконецъ вытѣсняетъ. Это обстоятельство, не говоря уже о жаждѣ наживы, гонитъ капиталиста по пути увеличенія его капитала и расширенія его предпріятій. Все крупнѣе становится производство и все большее число предпріятій объединяется въ однѣхъ рукахъ. Мы уже достигли того, что банки и союзы предпринимателей господствуютъ надъ большею частью капиталистическихъ предпріятій различныхъ народовъ и организуютъ ихъ. Такимъ образомъ все больше подготовляется общественная организація производства.

Рука объ руку съ этой централизаціей предпріятій идетъ ростъ большихъ имуществъ, который ни въ коемъ случаѣ не задерживается возникновеніемъ акціонернаго общества. Напротивъ, акціонерное общество не только дѣлаетъ возможнымъ современное господство надъ производствомъ немногихъ банковъ и организацій предпринимателей, но создаетъ еще средство для превращенія мелкихъ и мельчайшихъ имуществъ въ капиталъ и тѣмъ самымъ обрекаетъ ихъ на процессъ централизаціи, свойственный капитализму.

Благодаря существованію акціонерныхъ обществъ, сбереженія мелкаго люда предоставляются въ распоряженіе крупныхъ капиталистовъ, которые пользуются ими, какъ-будто это были ихъ собственные капиталы, и этимъ самымъ еще больше увеличиваютъ концентрирующую силу ихъ собственныхъ крупныхъ имуществъ.

Личность самого капиталиста становится, благодаря существованію акціонернаго общества, совершенно излишней для хода капиталистическаго предпріятія. Устраненіе его личности изъ хозяйственной жизни перестаетъ быть вопросомъ экономической *возможности* или *цѣлесообразности*. Оно становится только вопросомъ *силы*.

Подготовленіе соціализма, благодаря концентраціи капитала, есть одна сторона врастанія въ государство будущаго. Рядомъ съ этимъ внутри рабочаго класса также идетъ развитіе, которое означаетъ собой ростъ по направленію къ соціализму. Съ ростомъ капитала растетъ и число пролетаріевъ въ обществѣ. Они становятся наиболѣе многочисленнымъ классомъ его. Въ то же время растутъ и пролетарскія организаціи. Рабочіе основываютъ кооперативныя общества, которыя устраняютъ торговое посредничество и организуютъ производство для своего собственнаго потребленія; они организуютъ профессіональные союзы, которые обуздываютъ всевластіе предпринимателей и стремятся пріобрѣсти вліяніе на процессъ производства; они

избираютъ депутатовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія и парламенты; эти депутаты стремятся проводить реформы, законы по охранѣ труда, преобразовать государственныя и муниципальныя предпріятія въ предпріятія образцовыя и постоянно увеличивать число послѣднихъ.

Это движеніе развивается непрерывно, и мы, какъ увѣряютъ наши реформисты, уже находимся въ процессѣ соціальной революціи, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, уже въ соціалистическомъ строѣ. Необходимо лишь дальнѣйшее развитіе на данной основѣ, безъ всякой катастрофы, которая можетъ лишь помѣшать процессу врастанія въ соціализмъ. А потому— прочь всякія мысли о ней и давайте сосредоточимся на „положительной“ работѣ.

Конечно, этотъ взглядъ весьма заманчиваго свойства, и нужно на самомъ дѣлѣ обладать дьявольской натурой, чтобы катастрофой помѣшать этому прелестному „постепенному, реформистскому достиженію“. Если бы желаніе было отцомъ нашихъ мыслей, то мы, марксисты, всѣ должны были бы воодушевиться этой теоріей врастанія.

Эта теорія имѣетъ, однако, маленькій недостатокъ: ростъ, который она описываетъ, есть ростъ не одного *единственнаго* элемента, а *двухъ* элементовъ и притомъ двухъ элементовъ, весьма *противорѣчащихъ* другъ другу— капитала и труда. То, что „реформистамъ“ кажется мирнымъ врастаніемъ въ соціализмъ, есть лишь ростъ силы обоихъ противоположныхъ классовъ, которые стоятъ другъ противъ друга въ непримиримой враждѣ; оно только обозначаетъ, что противоположность между трудомъ и капиталомъ, которая вначалѣ была лишь противоположностью между нѣкоторымъ числомъ индивидуумовъ, составлявшихъ меньшинство въ государствѣ, въ настоящее время выросла въ борьбу между гигантскими замкнутыми организаціями, обусловливающими всю общественную и государственную жизнь. Врастаніе въ соціализмъ обозначаетъ такимъ образомъ „врастаніе“ въ великія битвы, которыя потрясаютъ все существо государства, которыя постоянно должны усиливаться, и которыя могутъ окончиться лишь низверженіемъ и экспропріаціей класса капиталистовъ. Ибо пролетаріатъ есть неотъемлемая часть общества: онъ можетъ временами терпѣть пораженія, но онъ никогда не можетъ быть уничтоженъ. Напротивъ того, классъ капиталистовъ сталъ излишнимъ. Первое большое пораженіе въ борьбѣ за государственную власть, которое этотъ классъ потерпитъ, должно повести къ его полному крушенію на долгія времена.

Тотъ, кто не хочетъ признавать этихъ послѣдствій нашего постояннаго врастанія въ соціализмъ, долженъ быть слѣпымъ по отношенію къ основному факту жизни нашего общества—классовымъ противорѣчіямъ капитала и труда. Врастаніе въ соціализмъ есть только другое выраженіе постояннаго обостренія классовыхъ противорѣчій, врастаніе въ эпоху великихъ и рѣшительныхъ классовыхъ битвъ, которыя мы называемъ соціальной революціей.

Ревизіонисты, конечно, не хотятъ этого признавать, но имъ до сихъ поръ не удалось привести ни одного основательнаго довода противъ этого взгляда. Всѣ тѣ факты, которые они приводятъ какъ возраженіе, если эти факты имѣютъ какое-нибудь значеніе и что нибудь доказываютъ, то только не „врастаніе“ въ соціализмъ, а движеніе общества прочь отъ соціализма. Таково, напримѣръ, утвержденіе, что капиталъ не централизуется, а децентрализуется. Это логическое противорѣчіе лежитъ въ основѣ самого существа ревизіонизма: если онъ хочетъ доказать врастаніе въ соціализмъ, онъ долженъ признавать Марксову теорію капитализма, и онъ долженъ отвер-

гнуть эту теорію, если онъ хочетъ представить вѣроятнымъ мирное развитіе общества и смягченіе классовыхъ противорѣчій.

Но при этомъ даже въ головахъ ревизіонистовъ и ихъ единомышленниковъ начинаетъ возникать подозрѣніе, что идея мирнаго врастанія въ государство будущаго таитъ въ себѣ „заковыку“.

Показательна въ этомъ отношеніи статья Наумана о „судьбѣ марксизма“, которую онъ опубликовалъ въ октябрьской книжкѣ „Neue Rundschau“, (1908 г.), а затѣмъ въ „Hilfe“. Прежній руководитель „національ-соціаловъ“ даетъ намъ весьма запутанное представленіе о положеніяхъ марксизма. Онъ мнитъ, что концентрація капитала и образованіе союзовъ предпринимателей представляетъ собой для насъ, марксистовъ, нѣчто неожиданное, нѣчто поразительное и приводящее насъ въ смущеніе. А съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что ревизіонистскіе дѣятели профессіональнаго движенія, въ противоположность марксистамъ, впервые выяснили значеніе законодательной охраны труда и профессіональныхъ организацій. Этотъ милый господинъ представленія не имѣетъ, что Марксъ впервые на европейскомъ континентѣ распространилъ свѣдѣнія объ этихъ двухъ явленіяхъ и призналъ ихъ значеніе, равно какъ и значеніе союзовъ предпринимателей, гораздо раньше, чѣмъ другіе соціалисты.

Но къ неосвѣдомленности этого господина въ данномъ пунктѣ мы привыкли. На это не слѣдовало бы даже обращать вниманіе. Напротивъ того, достойно вниманія, что Науманъ въ своей статьѣ открываетъ превосходство силы концентрированнаго капитала; по его воззрѣніямъ, экономическое развитіе ведетъ не къ соціализму, а къ „новому феодализму съ неслыханно сильными хозяйственными средствами“. Онъ говоритъ, что профессіональнымъ союзамъ и кооперативнымъ обществамъ не угнаться за союзами предпринимателей.

„Веденіе производства въ ближайшій періодъ сосредоточивается тамъ, гдѣ синдикаты работаютъ вмѣстѣ съ банками. Тамъ выросли державы, которыхъ ни одна соціальная революція не можетъ выбить изъ сѣдла, пока ужасныя времена безработицы и голода не вызовутъ массовой ненависти, которая попросту все слѣпо уничтожитъ, не будучи въ состояніи создать что-нибудь лучшее. Идея соціальной революціи рушится ходомъ вещей. Все это очень мучительно для всѣхъ соціалистовъ стараго закала, а также для насъ, соціальныхъ идеологовъ, такъ какъ мы надѣялись на болѣе быстрое развитіе успѣховъ рабочаго дѣла, но мы дѣлу не поможемъ, если мы захотимъ создавать себѣ иллюзіи: ближайшій періодъ принадлежитъ союзамъ предпринимателей“.

Это совсѣмъ не похоже на врастаніе въ соціализмъ и меньше всего на мирное врастаніе. Самъ Науманъ не можетъ указать другого средства для низверженія новаго феодализма, какъ „массовую ненависть“, которая все „уничтожитъ“, т.-е. революцію, но здѣсь онъ продѣлываетъ логическое salto mortale. Сначала онъ признаетъ, что союзы предпринимателей только революціей могутъ быть выбиты изъ сѣдла, но затѣмъ онъ устраняетъ мысль о подобнаго рода революціи простымъ утвержденіемъ, что она должна быть голоднымъ бунтомъ, который „попросту все слѣпо уничтожитъ, не будучи въ состояніи создать что-нибудь лучшее“. Почему это такъ должно случиться, почему революція заранѣе обречена на безплодіе, это остается тайною Наумана.

Но послѣ того, какъ онъ безъ всякаго основанія, однимъ росчеркомъ пера, убилъ идею революціи, онъ никоимъ образомъ не впадаетъ въ состояніе полной безнадежности, но пріободряется, исполненный радостной вѣры.

Ибо онъ дѣлаетъ открытіе, что союзы предпринимателей непреодолимы только для марксистовъ, признающихъ экономическую необходимость и отрицающихъ свободную волю. Намъ достаточно только признать эту волю, и тогда мы покончимъ съ союзами предпринимателей, тогда „неслыханно сильныя средства новаго феодализма“ потеряютъ свою непреодолимость.

Чего не могло дать возмущеніе массъ, можетъ быть достигнуто признаніемъ свободной воли индивидуума, признаніемъ „личности“. Указаніе на это и есть „практическая“, „реальная политика“.

Науманъ повѣствуетъ намъ:

„Марксъ мало признавалъ аппеляцію къ свободной волѣ, ибо онъ все разсматривалъ, какъ естественно необходимое явленіе. По крайней мѣрѣ, такъ это звучитъ въ его теоріи. Какъ человѣкъ, онъ былъ личностью съ сильной волей и будильникомъ энергіи. Теперь внутри мыслящей соціалъ-демократіи происходитъ извѣстное возвращеніе отъ естественно-научнаго ученія къ ученію о волѣ и тѣмъ самымъ къ основѣ ученія всѣхъ либеральныхъ движеній. Эдуардъ Бернштейнъ яснѣе всѣхъ сказалъ о томъ, что придется опять прійти на поклонъ къ Канту. Даже въ анархистскихъ и полуанархистскихъ теченіяхъ соціалъ-демократіи замѣчается та же самая тяга отъ вѣры въ слѣпо правящій рокъ ко взгляду, что воля такъ или иначе видоизмѣняетъ вещи. Этотъ возвратъ къ ученію о волѣ есть слѣдствіе факта упроченія новаго индустріальнаго господства. Замѣчаютъ, что эта власть сама собой не падетъ, но что ея исключительныя привилегіи должны быть отвоеваны только волевыми актами“.

Но тѣ, которые только теперь это замѣчаютъ,—поклонники мирнаго врастанія въ соціализмъ. Мы, марксисты, на самомъ дѣлѣ не нуждаемся въ такомъ признаніи. Для ревизіонистовъ и ихъ отпрысковъ изъ среды анархистовъ и націоналъ-соціаловъ это, напротивъ того, огромное открытіе. Но они—пчелы, которыя умѣютъ высосать медъ изъ каждаго цвѣтка: и въ этомъ открытіи они усматриваютъ опроверженіе марксовыхъ воззрѣній, такъ же, какъ либеральные, соціалъ-національные, анархистскіе и полуанархистскіе ихъ братья по духу. Они обвиняютъ Маркса въ томъ, что онъ зналъ только „слѣпо управляющее“, „автоматическое“ экономическое развитіе и ничего не зналъ о человѣческой волѣ. А какъ разъ выявленіе этой воли является якобы нашей главной задачей.

Такъ учитъ не только Науманъ, но и *Фридебергъ*, такъ учатъ тѣ элементы, которые внутри соціалъ-демократіи качаются, какъ маятникъ, между Науманомъ и Фридебергомъ, какъ, напримѣръ, Эйснеръ и Мауренбрехеръ, такъ учатъ также теоретики ревизіонизма, какъ *Туганъ-Барановскій:*

„Авторъ „Капитала“ переоцѣнилъ значеніе элементарной стороны историческаго процесса и не понялъ громадной творческой воли *живой человѣческой личности* въ этомъ процессѣ“ („Современный соціализмъ“, стр. 91).

Все это ясно доказываетъ, что въ теоріи мирнаго „врастанія“ въ соціализмъ есть большая брешь, которая должна быть заполнена громадной творческой ролью живой человѣческой личности и ея свободной волей. Но эта свободная воля, которая должна дополнить врастаніе въ соціализмъ, обозначаетъ въ дѣйствительности уничтоженіе теоріи врастанія. Если Науманъ правъ, что воля свободна и „такъ или иначе видоизмѣняетъ вещи“, то никакъ нельзя усмотрѣть, какое мы имѣемъ оружіе для того, чтобы врасти прямо въ соціализмъ. Тогда вообще невозможно познать какое бы то ни было направленіе общественнаго развитія и невозможно никакое научное познаніе общества.

4. Экономическое развитіе и воля.

На вышеизложенные выводы ревизіонисты будутъ возражать, что еще большее противорѣчіе постоянно выступаетъ у самого Маркса, который, какъ мыслитель, не признавалъ никакой свободной воли и возлагалъ всѣ свои надежды на неизбѣжное экономическое развитіе, автоматически шествующее впередъ, но, какъ революціонный борецъ, постоянно въ самой сильной степени проявлялъ волю и аппелировалъ къ активности пролетаріата. Это де является непримиримымъ противорѣчіемъ въ теоріи и практикѣ Карла Маркса, возвѣщаютъ намъ ревизіонисты, анархисты и либералы въ тѣсномъ содружествѣ.

На самомъ дѣлѣ у Маркса такого противорѣчія найти нельзя. Это результатъ путаницы у его критиковъ,—неисправимой путаницы, къ которой они постоянно возвращаются. Она покоится на отождествленіи воли и свободной воли. Марксъ никогда не отрицалъ значенія воли и „огромной роли человѣческой личности“ для общества; онъ отвергалъ только свободу воли, а это совсѣмъ другое. Объ этомъ уже достаточно часто говорилось, чтобы здѣсь еще разъ на этомъ останавливаться.

Впрочемъ, эта путаница покоится на одномъ весьма своеобразномъ представленіи объ экономикѣ и экономическомъ развитіи. Такъ какъ экономическое развитіе совершается по опредѣленнымъ законамъ, то эти ученые господа мнятъ, что оно идетъ впередъ автоматически, самостоятельно, безъ участія активныхъ человѣческихъ личностей. При этомъ человѣческая воля выступаетъ *рядомъ* съ экономикой и *надъ* ней, какъ особый элементъ ее дополняющій и на нее вліяющій, и явленія, обусловленныя экономикой, „такъ или иначе измѣняются“. Это воззрѣніе возможно только въ умахъ тѣхъ, кто воспринимаетъ экономику весьма схоластично, кто почерпнулъ свои понятія изъ книгъ и затѣмъ оперируетъ съ ними совершенно отвлеченно, не пріобрѣтя ни малѣйшаго живого воспріятія дѣйствительнаго экономическаго процесса. Въ этомъ отношеніи пролетаріи выше этихъ господъ, и потому они, вопреки Мауренбрехеру и Эйснеру, болѣе предрасположены, чтобы понять этотъ процессъ и его историческую роль, чѣмъ тѣ буржуазные теоретики, которымъ чужда экономическая практика, и чѣмъ тѣ буржуазные практики, которымъ остается чуждъ всякій теоретическій интересъ, всякая потребность понимать въ экономикѣ больше, чѣмъ это требуется для успѣшнаго выколачиванія барышей.

Вся экономическая теорія становится пустой игрой понятій для каждаго, кто не исходитъ изъ признанія, что движущей силой всякаго экономическаго прогресса является человѣческая *воля*—но не *свободная воля*, не *хотѣніе* само по себѣ, а *опредѣленныя волевыя устремленія*. Это въ конечномъ счетѣ *воля къ жизни*, лежащая въ основѣ всей экономики и вмѣстѣ съ самой жизнью появляющаяся даже у организмовъ, одаренныхъ способностью движенія и познанія. Всякое проявленіе воли въ конечномъ счетѣ можетъ быть сведено къ волѣ къ жизни.

Какія особыя формы принимаетъ эта воля организма къ жизни въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это зависитъ отъ особыхъ условій его существованія, принимая понятіе условія въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая въ нихъ не только средства сохраненія организма, но и опасности и препятствія. Условія существованія опредѣляютъ характеръ его волевыхъ устремленій, формы его дѣятельности и ея успѣшность.

Это положеніе составляетъ исходный пунктъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Конечно, такъ просты тѣ отношенія, которыя нужно подобнымъ образомъ объяснять только у простѣйшихъ организмовъ; но много промежуточныхъ звеньевъ вдвигается между простой волей къ жизни и многообразными группами проявленія воли у организмовъ на высшей ступени развитія.

Останавливаться на этомъ подробнѣе не входитъ въ мою задачу, но нѣкоторыя замѣчанія здѣсь умѣстны.

Условія жизни организма бываютъ двоякаго рода. Съ одной стороны — такія, которыя всегда повторяются и не измѣняются въ теченіе многихъ поколѣній. Цѣлесообразное волевое устремленіе, приспособленное къ этимъ условіямъ, становится привычкой, которая передается по наслѣдству и усиливается естественнымъ подборомъ; оно становится инстинктомъ, влеченіемъ; индивидъ имъ слѣдуетъ въ концѣ концовъ при всякихъ обстоятельствахъ даже въ чрезвычайныхъ условіяхъ, при которыхъ слѣдованіе влеченію не благопріятствуетъ жизни и ея сохраненію, но вредитъ ей, быть можетъ, даже приводитъ къ смерти. И все же первичная причина этого волевого устремленія есть всегда воля къ жизни.

На ряду съ условіями жизни, повторяющимися въ одной и той же формѣ, есть и такія, которыя наступаютъ рѣдко или въ мѣняющейся формѣ. Здѣсь инстинктъ не дѣйствуетъ и сохраненіе жизни зависитъ, главнымъ образомъ, отъ познавательной способности организма, обладающаго ею для того, чтобы распознать данную ситуацію и сообразовать съ ней свое поведеніе.

Чѣмъ дольше какой-нибудь видъ животныхъ живетъ въ быстро мѣняющихся условіяхъ жизни, тѣмъ сильнѣе развивается его сообразительность, отчасти благодаря тому, что органы сообразительности сильнѣе упражняются, отчасти же потому, что индивиды съ болѣе слабой сообразительностью скорѣе погибаютъ.

У человѣка, наконецъ, умъ достигаетъ такой степени развитія, что онъ въ состояніи создать себѣ искусственные органы, оружіе и орудія, чтобы лучше упрочиться при данныхъ условіяхъ жизни. Но тѣмъ самымъ онъ одновременно создаетъ для себя самого новыя условія существованія, съ которыми онъ и сообразуется. Такъ развитіе техники, проявленіе высокой сознательности, въ свою очередь, само становится побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію сознанія.

Развитіе техники также есть проявленіе воли къ жизни, но оно влечетъ за собой значительное видоизмѣненіе ея. Животное хочетъ жить, какъ оно жило до сихъ поръ. Большаго оно не желаетъ. Изобрѣтеніе новаго оружія или новаго орудія приноситъ возможность жить лучше, чѣмъ раньше, добиться болѣе обильнаго питанія, большаго досуга, большей безопасности или, наконецъ, удовлетворить новыя потребности, которыхъ до сихъ поръ не знали. Чѣмъ больше развивается техника, тѣмъ болѣе воля къ жизни становится волей къ лучшей жизни.

Эта воля — признакъ культурнаго человѣка.

Но техника преобразовываетъ не только отношенія человѣка къ природѣ, но и отношенія людей между собой.

Человѣкъ принадлежитъ къ общественнымъ животнымъ, къ тѣмъ животнымъ, которымъ жизненныя условія позволяютъ существовать не изолированно, а только соединенными въ общества. Воля къ жизни принимаетъ здѣсь форму воли жить вмѣстѣ съ сочленами по обществу и для нихъ. Развитіе техники преобразовываетъ какъ остальныя условія жизни, такъ и

условія общественнаго существованія и совмѣстной дѣятельности,—прежде всего тѣмъ, что оно доставляетъ человѣку органы, которые существуютъ отдѣльно отъ его тѣла. Естественныя орудія и оружія, когти, зубы, рога и т. п. свойственны всѣмъ индивидамъ одного и того же вида (одинаковаго возраста и пола) въ равной мѣрѣ. Напротивъ того, искусственныя орудія и оружіе могутъ быть принадлежностью отдѣльныхъ людей, и ихъ могутъ быть несправедливо лишены другіе. Тѣ, которые одни владѣютъ подобными орудіями и оружіемъ, живутъ при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которые ихъ лишены. Такъ образуются различные классы, у которыхъ одна и та же воля къ жизни принимаетъ различныя формы.

Капиталистъ, напримѣръ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ живетъ, не можетъ существовать, если онъ не ставитъ себѣ цѣлью полученіе прибыли. Его воля къ жизни побуждаетъ его къ полученію барышей, а воля къ лучшей жизни—стремиться къ умноженію этихъ барышей. Уже это заставляетъ его увеличивать свой капиталъ. Но въ томъ же направленіи и въ еще большей степени дѣйствуетъ конкуррентная борьба, которая угрожаетъ ему гибелью, если онъ не въ состояніи постоянно увеличивать свой капиталъ. Концентрація капиталовъ не есть автоматическій процессъ, происходящій помимо воли сознанія его участниковъ. Онъ былъ бы невозможенъ безъ сильной воли капиталистовъ разбогатѣть и выбить изъ позицій своихъ слабѣйшихъ конкуррентовъ. Внѣ ихъ воли и сознанія лежитъ только тотъ фактъ, что результаты ихъ желаній и стремленій создаютъ условія соціалистическаго производства. Этого капиталисты, конечно, не хотятъ. Но этимъ отнюдь не сказано, что воля человѣка и „громадная роль творческой личности“ устранены изъ экономическаго процесса.

Та же воля къ жизни,—воля, одушевляющая капиталиста, дѣйствуетъ и на рабочихъ. Но соотвѣтственно различнымъ условіямъ эта воля принимаетъ у нихъ другія формы. Не къ барышамъ стремятся рабочіе, а къ продажѣ своей рабочей силы, къ высокимъ цѣнамъ на нее и къ низкимъ цѣнамъ на средства существованія; отсюда проистекаютъ основаніе ими потребительныхъ обществъ и профессіональныхъ союзовъ, ихъ стремленія къ законамъ объ охранѣ труда, отсюда, наконецъ, рядомъ съ тенденціей концентраціи капиталовъ, вторая тенденція, которая обозначается, какъ врастаніе въ соціализмъ. Но и здѣсь это обозначаетъ не безсознательный, помимо воли идущій прогрессъ, подъ которымъ обычно разумѣютъ понятіе „врастаніе“.

Въ общественномъ процессѣ принимается, наконецъ, во вниманіе еще другая сторона воли къ жизни. При опредѣленныхъ условіяхъ воля къ жизни одного индивида или общества можетъ осуществиться только путемъ преодолѣнія воли къ жизни другихъ индивидовъ. Хищный звѣрь можетъ жить только уничтоженіемъ другихъ животныхъ. Но часто его воля къ жизни требуетъ также угнетенія ему подобныхъ, оспаривающихъ у него добычу или уменьшающихъ его кормъ. Это не требуетъ уничтоженія послѣднихъ, но только подчиненія ихъ воли превосходству мускульной или нервной силы другихъ.

У человѣка дѣло тоже доходитъ до подобнаго рода столкновеній. Они происходятъ не столько между отдѣльными индивидами, сколько между обществами, и разыгрываются вокругъ средствъ существованія, вокругъ мѣстъ охоты и рыбной ловли, вокругъ рынковъ и колоній. Подобныя столкновенія кончаются всегда либо уничтоженіемъ одной стороны, либо — и послѣднее чаще—полнымъ или частичнымъ сокрушеніемъ ея воли. Въ томъ и въ другомъ случаѣ передъ нами преходящее явленіе. Но человѣкъ при-

мѣняетъ при этомъ длительное покореніе воли другого человѣка и устанавливаетъ длительныя отношенія эксплоатаціи.

Классовыя противорѣчія представляютъ собой противорѣчія волевыхъ устремленій. Воля къ жизни капиталистовъ сталкивается съ условіями, которыя побуждаютъ ихъ сломить волю рабочихъ и поработить себѣ послѣднихъ. Безъ этого сокрушенія воли нѣтъ капиталистической прибыли и не можетъ существовать ни одинъ капиталистъ. Но съ другой стороны, воля къ жизни рабочихъ побуждаетъ ихъ къ возстанію противъ капиталистовъ. Отсюда—классовая борьба.

Итакъ, мы видимъ, что воля есть движущая сила всего экономическаго процесса. Воля образуетъ его исходный пунктъ, ею проникнуты всѣ его проявленія. Нѣтъ ничего абсурднѣе взгляда, который усматриваетъ въ волѣ и въ экономикѣ два независимыхъ другъ отъ друга фактора. За этимъ скрывается фетишистское воззрѣніе, которое замѣняетъ экономику, т.-е. формы общественнаго сотрудничества и борьбы человѣка, вещественными объектами этой дѣятельности—сырыми матеріалами и орудіями производства. Отсюда ложное представленіе, что подобно тому, какъ человѣкъ пользуется по своему благоусмотрѣнію сырыми матеріалами и орудіями для созданія опредѣленныхъ предметовъ, и свободная воля „творческой личности“ используетъ экономику, чтобы сообразно потребностямъ этой личности „такъ или иначе“ установить опредѣленныя общественныя отношенія. Экономическій фетишистъ разсуждаетъ такъ: если рабочій стоитъ внѣ сырья и орудій, стоитъ надъ ними и управляетъ ими, то человѣкъ, находясь внѣ экономики, стоитъ надъ нею и управляетъ ею по своей свободной волѣ. И такъ какъ сырье и орудія не обладаютъ ни волей, ни сознаніемъ, экономическій фетишистъ думаетъ, что и въ экономикѣ все совершается автоматически, безъ участія воли и сознанія.

Нѣтъ ничего болѣе смѣшного, чѣмъ это недоразумѣніе.

Экономическая необходимость не исключаетъ элемента воли. Она проистекаетъ изъ необходимости воли къ жизни живого существа и неизбѣжности для него использовать при этомъ тѣ жизненныя условія, съ которыми оно встрѣчается. Экономическая необходимость представляетъ собою необходимость опредѣленнаго волевого устремленія.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего болѣе превратнаго какъ представленіе, что признаніе экономической необходимости означаетъ собой ослабленіе активности, что послѣднюю якобы нужно еще пробуждать въ рабочихъ и притомъ біографіями генераловъ и другихъ сильныхъ волей мужей, а также докладами о свободѣ воли. Когда людей увѣряютъ, что что-то существуетъ, то это якобы уже существуетъ и находится въ ихъ обладаніи. Кто увѣровалъ въ свободную волю, тотъ тѣмъ самымъ пріобрѣлъ волю и притомъ свободную! Остается только полюбоваться, какъ много несокрушимой воли пріобрѣли наши профессора и прочіе буржуазные интеллигенты, прошедшіе съ одной стороны школу Канта, а съ другой стороны, черезъ поклоненіе сильнымъ волей Гогенцоллернамъ!

Если бы на рабочихъ сильнѣйшимъ образомъ не дѣйствовала воля къ жизни, первопричина всякой экономической необходимости, если бы эту волю нужно было искусственно въ нихъ пробуждать, тогда всѣ наши стремленія были бы тщетными.

Этимъ, однако, отнюдь не сказано, что устремленія человѣка не находятся въ связи съ его сознаніемъ и послѣднимъ не опредѣляются. Сила воли къ жизни не зависитъ, конечно, отъ нашего сознанія, но послѣднее опредѣляетъ тѣ *формы*, которыя эта воля принимаетъ въ опредѣленныхъ

случаяхъ, и силу, которую она придаетъ тѣмъ или другимъ изъ этихъ формъ. Мы уже видѣли, что рядомъ съ инстинктомъ и сознаніе направляетъ волю, и что ея формы зависятъ отъ сознанія въ той мѣрѣ и въ той степени, въ какой оно познаетъ жизненныя условія. Такъ какъ познавательная способность различныхъ индивидовъ различна, то ихъ одинаковая воля къ жизни можетъ разно реагировать на одинаковыя условія жизни. Это-то различіе и создаетъ видимость свободы воли, какъ будто характеръ желаній индивида зависитъ не отъ его жизненныхъ условій, а отъ его собственной воли.

Не назидательными легендами и не отвлеченными разсужденіями о свободѣ воли, а только углубленіемъ проникновенія въ общественныя отношенія можно въ интересахъ пролетаріата повліять на формы проявленія его воли и на энергію, которую онъ употребляетъ въ томъ или въ другомъ случаѣ.

Воля къ жизни есть тотъ фактъ, изъ котораго мы должны исходить, который мы должны предполагать заранѣе даннымъ. Формы, которыя она принимаетъ, и интенсивность ея проявленія у отдѣльныхъ индивидовъ, классовъ, націй и т. д. зависитъ отъ познанія ими данныхъ жизненныхъ условій. Эти условія представляютъ собой *условія борьбы* тамъ, гдѣ они у двухъ классовъ порождаютъ противорѣчащія другъ другу стремленія.

Намъ нужно имѣть здѣсь дѣло только съ условіями борьбы.

Воля, какъ жажда борьбы, опредѣляется: 1) *наградой за борьбу*, привлекающей борца, 2) *чувствомъ силы* (Kraftgefühl) и 3) *дѣйствительной силой*.

Чѣмъ выше награда за борьбу, тѣмъ сильнѣе воля, тѣмъ больше дерзаніе, тѣмъ сильнѣе напрягается вся сила воли для достиженія цѣли. Но это имѣетъ значеніе только тогда, когда есть увѣренность въ обладаніи силами и способностями, необходимыми для достиженія побѣды. Но если нѣтъ необходимой вѣры въ самого себя, тогда—пусть цѣль борьбы будетъ очень привлекательной—она не вызоветъ никакого волевого устремленія, а только желаніе, которое можетъ быть чрезвычайно горячимъ, но не порождаетъ никакого дѣйствія и практически совершенно безцѣльно.

Чувство силы болѣе, чѣмъ безполезно, если оно покоится не на дѣйствительномъ познаніи собственной силы и силы противника, но попросту на иллюзіяхъ. Сила безъ ощущенія ея остается мертвой и не порождаетъ никакого волевого устремленія. Ощущеніе силы при отсутствіи ея можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ привести къ дѣйствіямъ, которыя поразятъ и напугаютъ противника, ослабятъ или надломятъ его волю, но длительнаго успѣха безъ дѣйствительной силы достигнуть нельзя. Побѣды, выигранныя не дѣйствительной силой, а только заблужденіемъ противника относительно его силъ, должны всегда рано или поздно потерпѣть крушеніе и повлечь за собой тѣмъ большее паденіе духа, чѣмъ болѣе блестящи были первые успѣхи.

Если мы примѣнимъ сказанное къ классовой борьбѣ пролетаріата, то ясно, каковы задачи тѣхъ, кто хочетъ бороться вмѣстѣ съ пролетаріатомъ и помогать ему, ясно также, какъ соціалъ-демократія на него вліяетъ. Первая и самая важная наша задача—умноженіе силы пролетаріата. Эту силу мы, конечно, не можемъ увеличивать по произволу. Силы пролетаріата при данномъ состояніи капиталистическаго общества опредѣляются его экономическими отношеніями и не могутъ быть увеличены произвольно. Но вліяніе наличной силы можно усилить, противодѣйствуя ихъ напрасной тратѣ. Безсознательные процессы въ природѣ обозначаютъ безконечную трату силъ, если мы ихъ разсматриваемъ съ точки зрѣнія нашей цѣли. Какъ разъ у

природы то и нѣтъ цѣли, которой она служила бы. Сознательная воля человѣка ставитъ ему цѣли, но указываетъ ему также пути, которыми онѣ могутъ быть достигнуты цѣлесообразно, съ минимальной затратой силы, безъ ея расточенія.

Это приложимо и къ классовой борьбѣ пролетаріата. Уже съ самаго начала классовая борьба развивается при наличности сознательности ея участниковъ, но сознательная воля послѣднихъ касается при этомъ ихъ ближайшихъ личныхъ потребностей. Проистекающія изъ этой борьбы общественныя преобразованія остаются зачастую скрытыми отъ борющихся. Поэтому классовая борьба, какъ *соціальный* прогрессъ, долго является безсознательнымъ прогрессомъ и, какъ таковой, страдаетъ всяческимъ расточеніемъ силъ, свойственнымъ всѣмъ безсознательнымъ движеніямъ впередъ. Только *познаніе* общественнаго процесса, его тенденцій и цѣлей, можетъ положить конецъ этому расточенію, можетъ сконцентрировать силы пролетаріата, сосредоточить ихъ въ большія организаціи, объединенныя великими цѣлями и планомѣрно подчиняющія личныя и диктуемыя моментомъ выступленія длительнымъ классовымъ интересамъ, которые, въ свою очередь, тоже служатъ общественному развитію въ цѣломъ.

Другими словами, теорія есть факторъ, способствующій возможно болѣе полному развертыванію силъ пролетаріата. Этотъ факторъ учитъ наиболѣе цѣлесообразному потребленію пролетаріатомъ данныхъ ему экономическимъ развитіемъ силъ и противодѣйствуетъ ихъ расточенію.

Теорія увеличиваетъ, однако, не только силу вліянія пролетаріата, но и сознаніе имъ своей силы, и это не менѣе необходимо.

Мы видѣли, что воля опредѣляется не только сознаніемъ, но также привычками и инстинктами. Отношенія, постоянно повторяющіяся на протяженіи десятилѣтій или столѣтій, порождаютъ привычки и инстинкты, которые продолжаютъ дѣйствовать, когда ихъ матеріальныя основы уже исчезли. Классъ, который раньше господствовалъ, благодаря превосходству своихъ силъ, можетъ уже давно быть ослабленъ, а классъ имъ эксплоатируемый, раньше слабый и потому подчинявшійся эксплоатирующему классу, можетъ стать сильнымъ; но разъ установившееся ощущеніе собственной силы еще долго дѣйствуетъ съ обѣихъ сторонъ, пока не наступитъ испытаніе силы, напримѣръ, война, которая сдѣлаетъ очевиднымъ всю слабость господствующаго класса. Тогда угнетенные вдругъ сознаютъ свою силу, дѣло доходитъ до революціи и неожиданнаго крушенія.

Точно такъ же и въ пролетаріатѣ долго дѣйствуетъ ощущеніе своей первоначальной слабости и вѣра въ непобѣдимость капитала.

Капиталистическій способъ производства возникъ въ ту пору, когда массы пролетаріевъ жили безпомощными, лишенными крова, какъ паразитическіе, совершенно ненужные для общества существа. Капиталистъ, который бралъ ихъ къ себѣ на службу, становился ихъ спасителемъ, ихъ „кормильцемъ“ или „работодателемъ“, какъ говорятъ теперь и что звучитъ отнюдь не лучше.

Воля къ жизни заставляла ихъ продавать себя. Другой возможности существованія кромѣ этой они не видѣли, такъ же мало они видѣли возможность оказать сопротивленіе капиталисту. Но соотношеніе постепенно измѣнялось. Пролетаріи изъ обременяющихъ общество нищихъ, которымъ даютъ занятія изъ состраданія, становятся рабочимъ классомъ, за счетъ котораго живетъ все общество; напротивъ того, личность капиталиста постоянно все болѣе становится излишней для дальнѣйшаго развитія производства. Акціонерныя общества и тресты показываютъ это воочію. Отноше-

нія найма изъ экономической необходимости все болѣе превращаются только въ отношеніе силы, поддерживаемое властью государства. Но пролетаріатъ становится наиболѣе многочисленнымъ классомъ въ государствѣ и въ арміи, на которую опирается власть государства. Если бы пролетаріатъ въ промышленно высокоразвитомъ государствѣ, какъ Германія и Англія, обладалъ силой, чтобы захватить государственную власть, онъ нашелъ бы уже теперь экономическія условія для использованія государственной власти съ цѣлью вытѣсненія капиталистическаго производства общественнымъ.

Но чего пролетаріату не хватаетъ, такъ это сознанія своей силы. Лишь отдѣльные слои обладаютъ этимъ сознаніемъ; въ классѣ, какъ цѣломъ, оно отсутствуетъ. Соціалъ-демократія дѣлаетъ все возможное для того, чтобы пробудить это сознаніе. Она способствуетъ этому не только теоретическимъ просвѣщеніемъ; дѣйствіе всегда сильнѣе всякой теоріи вліяетъ на формированіе сознанія собственной силы. Соціалъ-демократія яснѣе всего демонстрируетъ пролетаріату его силу успѣхами въ борьбѣ противъ врага и тѣмъ самымъ скорѣе всего повышаетъ его ощущеніе собственной силы. Это относится къ успѣхамъ, которыми соціалъ-демократія обязана тому обстоятельству, что она руководится теоріей, дающей возможность сознательной, организованной части пролетаріата въ любой моментъ развернуть максимумъ находящейся въ его распоряженіи силы.

За исключеніемъ англо-саксонскаго міра, профессіональное движеніе было вызвано и оплодотворено теоріей соціалъ-демократіи.

Наряду съ успѣхами профессіональнаго движенія стоитъ побѣдоносная борьба вокругъ парламентовъ и въ парламентахъ, которая вызвала мощный подъемъ ощущенія силы и самой силы пролетаріата. Этими успѣхами мы обязаны не только тѣмъ матеріальнымъ выгодамъ, которыя при этомъ выпадаютъ на долю отдѣльныхъ слоевъ пролетаріата, но прежде всего тому обстоятельству, что неимущія народныя массы, до сихъ поръ забитыя и отчаявшіяся, увидѣли выступленіе силы, которая смѣло начала борьбу со всѣми сильными міра сего, выигрывала побѣду за побѣдой и сама при этомъ являлась только организаціей этихъ неимущихъ.

На этомъ основано великое значеніе первомайскаго праздника, борьбы за всеобщее избирательное право и избирательныхъ кампаній. Не всегда они приносятъ съ собой значительныя матеріальныя выгоды для пролетаріата, зачастую эти выгоды не находятся въ соотвѣтствіи съ жертвами борьбы и все же эти кампаніи, когда онѣ побѣдоносны, всегда означаютъ огромный приростъ силы вліянія пролетаріата, такъ какъ онѣ мощно стимулируютъ ощущеніе имъ своей силы, а тѣмъ самымъ и энергію его активности въ классовой борьбѣ.

Но наши враги болѣе всего боятся роста ощущенія пролетаріатомъ своей силы. Они знаютъ, что этотъ великанъ для нихъ не опасенъ, пока онъ не сознаетъ свою силу. Они больше всего заботятся объ удержаніи этого ощущенія силы въ приниженномъ состояніи; даже матеріальныя уступки для нихъ менѣе ненавистны, чѣмъ моральныя побѣды трудящихся, которыя подымаютъ чувство собственнаго достоинства у послѣднихъ. Поэтому наши противники часто съ большей энергіей борются за самодержавіе на фабрикѣ, за власть „господина въ своемъ собственномъ домѣ“, чѣмъ противъ повышенія заработной платы; отсюда ихъ затаенная вражда къ прекращенію работъ въ день майскаго праздника; отсюда ихъ стремленіе уничтожить всеобщее, равное избирательное право повсюду, гдѣ оно становится средствомъ воочію демонстрировать населенію побѣдоносный и неудержимый ростъ соціалъ-демократіи. Не боязнь соціалъ-демократическаго большинства

руководить ими въ этомъ случаѣ; вѣдь можно спокойно обождать еще нѣсколько выборныхъ кампаній, нѣтъ, это—боязнь, что постоянныя избирательныя побѣды соціалъ-демократіи должны внушить пролетаріату такое ощущеніе своей силы и такъ запугать его противниковъ, что онъ станетъ непобѣдимымъ, что средства государственной власти перестанутъ дѣйствовать, и соотношеніе силъ въ государствѣ совершенно измѣнится.

Мы должны быть поэтому готовы къ тому, что наша ближайшая большая побѣда на выборахъ приведетъ къ нападенію на существующее избирательное право въ рейхстагъ. Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что это нападеніе удастся. Оно скорѣе всего можетъ вызвать такія битвы, которыя въ концѣ концовъ подготовятъ существующей власти еще болѣе тяжелыя и опасныя пораженія, чѣмъ наши побѣды на выборахъ.

Все же наша партія должна отмѣчать не только свои побѣды, но и свои пораженія. Однако послѣднія вызываютъ тѣмъ меньшее паденіе духа, чѣмъ болѣе мы привыкаемъ возвышаться надъ ограниченностью времени и мѣста, слѣдя за нашимъ движеніемъ во всей его совокупности у всѣхъ націй на протяженіи двухъ человѣческихъ вѣковъ. Неудержимое и быстрое движеніе впередъ пролетаріата въ цѣломъ, несмотря на отдѣльныя весьма тяжелыя пораженія, станетъ настолько очевиднымъ, что ничто не сможетъ ослабить нашу увѣренность въ побѣдѣ.

Однако, чѣмъ больше мы пытаемся разсматривать наши отдѣльныя битвы въ ихъ связи съ совокупнымъ общественнымъ развитіемъ, тѣмъ яснѣе и разительнѣе предстаетъ передъ нами конечная цѣль всѣхъ нашихъ стремленій—освобожденіе рабочаго класса, а тѣмъ самымъ и всего человѣчества отъ какого бы то ни было классоваго господства, тѣмъ больше облагораживается наша повседневная работа, которую воля къ жизни непрерывно и необходимѣйшимъ образомъ навязываетъ пролетаріату; тѣмъ въ большей степени величіе конечной цѣли напрягаетъ волю пролетаріата къ революціонной страстности, которая является не безразсуднымъ возбужденіемъ, а продуктомъ яснаго познанія.

Это и есть способъ, которымъ соціалъ-демократія до настоящаго времени дѣйствовала на волю пролетаріата, и соціалъ-демократія этимъ достигла такихъ блестящихъ результатовъ, что для нея не существуетъ ни малѣйшаго основанія для измѣненія своей тактики.

5. Ни революція во чтобы то ни стало, ни законность во что бы то ни стало.

Съ одной стороны насъ, марксистовъ, упрекаютъ въ томъ, что мы устраняемъ волю изъ политики и изображаемъ послѣднюю, какъ автоматическій прогрессъ; но съ другой стороны, тѣ же самые критики утверждаютъ какъ разъ противоположное, что волевыя устремленія стоятъ у насъ выше, чѣмъ познаніе дѣйствительности. Познаніе дѣйствительности должно бы убѣдить насъ въ невозможности какой-бы то ни было революціи, мы же изъ простого фанатизма крѣпко держимся за идею революціи и опьяняемся ею. Мы стремимся къ политической революціи во что бы то ни стало, ради нея самой, даже въ томъ случаѣ, когда мы, идя путемъ законности, могли бы скорѣе продвинуться впередъ.

Пытаются, между прочимъ, поставить меня въ противорѣчіе съ Фридрихомъ Энгельсомъ. Послѣдній, будучи раньше всегда очень революціонно

настроенъ, не задолго передъ смертью яко бы „поумнѣлъ“, созналъ несостоятельность своей революціонной точки зрѣнія и призналъ это.

Правда, что Энгельсъ въ 1895 году въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ Марксовой „Классовой борьбѣ во Франціи“ указалъ, какъ измѣнились условія революціонной борьбы по сравненію съ 1848 годомъ. Для того, чтобы побѣдить, мы должны были бы имѣть за собой большія массы, которыя знаютъ, что „надо дѣлать“, и мы революціонеры-низвергатели успѣли бы гораздо больше, примѣняя законныя средства, чѣмъ при незаконныхъ средствахъ и насильственномъ переворотѣ. Но не надо забывать, что Энгельсъ относилъ это къ тогдашней ситуаціи. Кто хочетъ знать, какъ надо понимать положенія Энгельса, долженъ ихъ сравнить съ его письмами, на которыя я недавно указалъ въ „Neue Zeit“ (XXVII, 1, стр. 7). Изъ этихъ писемъ явствуетъ, что Энгельсъ энергично протестовалъ противъ изображенія его „покладистымъ поклонникомъ законности во что бы то ни стало“. Я писалъ въ указанномъ выше мѣстѣ въ „Neue Zeit“ слѣдующее:

„Введеніе къ Марксовой „Классовой борьбѣ“ датировано 6-ымъ марта 1895. Нѣсколько недѣль спустя книга эта появилась въ свѣтъ. Я просилъ Энгельса разрѣшить мнѣ напечатать это введеніе въ „Neue Zeit“ до выхода книги въ свѣтъ.

На это онъ мнѣ 25-го марта отвѣтилъ:

„На твою телеграмму я тотчасъ же отвѣтилъ: „съ удовольствіемъ“. Корректурный оттискъ текста слѣдуетъ подъ заглавіемъ: Введеніе Ф. Э. къ изданію Марксовой „Классовой борьбы во Франціи въ 1848—50 годахъ“. Въ текстѣ сказано, что содержаніе книги представляетъ собой перепечатку старыхъ статей изъ обоззрѣній “N. Rh. Z.“ („Новой Рейнской газеты“). *Мой текстъ нѣсколько пострадалъ вслѣдствіе совѣтовъ нашихъ берлинскихъ друзей на почвѣ опасеній, возникшихъ вслѣдствіе законопроекта о „низвергателяхъ“ (Umsturz vorlage),*—совѣтовъ, съ которыми я при этихъ обстоятельствахъ долженъ былъ считаться“.

Чтобы понять это, нужно вспомнить, что такъ называемый Umsturzvorlage, который усиливалъ строгость существующихъ законовъ для затрудненія соціалистической пропаганды, былъ внесенъ въ германскій рейхстагъ 5-го декабря 1894 года и переданъ имъ 14-го января въ комиссію, гдѣ онъ обсуждался въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ (до 25-го апрѣля). Какъ разъ въ это время было написано введеніе Энгельса.

Насколько серьезнымъ Энгельсъ считалъ положеніе, становится яснымъ изъ другого мѣста того же самаго письма; онъ писалъ:

„Реформу избирательнаго права, которая приведетъ насъ въ парламентъ, я считалъ абсолютно неизбѣжной въ Австріи, если только не наступитъ внезапно періодъ всеобщей реакціи. Въ Берлинѣ, видно, усиленно работаютъ въ этомъ направленіи, но вѣдь тамъ семь пятницъ на одной недѣлѣ“.

Еще раньше, 3-го января, непосредственно передъ тѣмъ, какъ Энгельсъ закончилъ составленіе введенія, онъ писалъ мнѣ: „Вамъ предстоитъ, кажется, очень оживленный годъ въ Германіи. Если господинъ ф. Келлеръ будетъ продолжать въ томъ же духѣ, то все возможно: конфликтъ, взрывъ, государственный переворотъ. Но предпочтутъ, конечно, нѣчто меньшее. Юнкера удовольствовались бы усиленными подачками; чтобы ихъ получить, юнкерамъ пришлось бы аппелировать къ извѣстнымъ прихотямъ личной жажды власти, этимъ прихотямъ пришлось бы въ извѣстной мѣрѣ уступить, затѣмъ въ игру вмѣшались бы факторы сопротивленія и, наконецъ, выступилъ бы случай, т.-е. элементъ нежелательный и неподдающійся учету. Для того, чтобы обезпечить за собой эти подачки нужно грозить конфликтомъ. Но если сдѣлать

еще одинъ шагъ, первоначальная цѣль—подачки становятся второстепенной вещью, тогда корона выступаетъ противъ рейхстага, она должна будетъ склониться или пасть; тогда можетъ стать весело. Я какъ разъ читаю теперь Гардинера „Personal Government of Charles I“ (Личный режимъ Карла I“); обстоятельства часто до смѣшного совпадаютъ съ положеніемъ въ современной Германіи. Таковы аргументы о ненаказуемости за совершенныя въ парламентѣ дѣйствія. Если бъ Германія была романской страной, *революціонный конфликтъ былъ бы неизбѣженъ*. У насъ же ничего опредѣленнаго нельзя сказать, какъ говоритъ Jollymeier (Schorlemmer)[1]).

Такимъ серіознымъ и чреватымъ конфликтами представлялъ себѣ Энгельсъ положеніе къ тому времени, когда онъ, по увѣреніямъ ревизіонистовъ, считалъ, что наступила и навсегда обезпечена эра безусловно законнаго и мирнаго развитія, и что время революціи лежитъ позади насъ.

Ясно, что Энгельсъ при такомъ пониманіи положенія избѣгалъ всего, что могло бы быть использовано противъ партіи ея противниками, ясно, что онъ, на самомъ дѣлѣ, остался, конечно, непреклоненъ, но выражался возможно сдержаннѣе.

Но когда „Vorwärts“, съ цѣлью оказать вліяніе на комиссію, обсуждавшую законопроектъ о „ниспровергателяхъ“, опубликовалъ извѣстнымъ образомъ подобранные отрывки изъ введенія такъ, что они сами по себѣ вызвали такое впечатлѣніе, которое, согласно позднѣйшимъ утвержденіямъ ревизіонистовъ, имѣлъ въ виду Энгельсъ, послѣдній воспламенился гнѣвомъ. Въ своемъ письмѣ отъ 1-го апрѣля онъ писалъ:

„Къ моему изумленію я увидѣлъ сегодня въ „Vorwärts'ѣ“ извлеченіе изъ моего введенія, напечатанное безъ моего вѣдома и подобранное такимъ образомъ, что я тамъ выступаю покладистымъ поклонникомъ законности quand même (во что бы то ни стало). Тѣмъ пріятнѣе для меня, что введеніе въ цѣломъ появляется теперь въ „Neue Zeit“, оно уничтожитъ это *позорное впечатлѣніе*. Я опредѣленно выскажу свое мнѣніе по этому поводу и Либкнехту, и всѣмъ тѣмъ—кто бы они ни были,—кто далъ ему возможность исказить мое мнѣніе“.

Энгельсъ не подозрѣвалъ, что вскорѣ послѣ этого интимные друзья, призванные въ первую очередь охранять его мнѣнія отъ искаженій, должны будутъ прійти къ мысли, что это искаженное мнѣніе было его подлиннымъ мнѣніемъ, и что казавшееся ему позорнымъ будетъ выставляться, какъ лучшій подвигъ его жизни: революціонный борецъ, онъ якобы кончилъ, какъ „покладистый поклонникъ законности во что бы то ни стало“.

Если этихъ цитатъ недостаточно для выясненія взгляда Энгельса на революцію, то можно указать еще на статью „о соціализмѣ въ Германіи“, которую онъ напечаталъ въ „Neue Zeit“ въ 1892 году, за нѣсколько лѣтъ до введенія къ Марксовой „Классовой борьбѣ“. Онъ писалъ:

„Какъ часто буржуа считали насъ неспособными отказываться при всѣхъ обстоятельствахъ отъ употребленія революціонныхъ средствъ и оставаться въ рамкахъ законности. Все же теперь, когда палъ исключительный законъ и обычное право возстановлено для всѣхъ, даже для насъ соціалистовъ, мы не въ такомъ положеніи, чтобы сдѣлать это одолженіе господамъ буржуа. Но это не мѣшаетъ намъ *въ данный моментъ* быть не тѣми, которыхъ „законность убиваетъ“. Напротивъ того, законность превосходно работаетъ для насъ, и пока дѣло идетъ такъ, мы были бы дураками, если бы мы ее

[1]) Въ подлинникѣ: „*nix* Gewisses weiss man *nicht*“ (курс. пер.).

нарушили. Напрашивается другой вопросъ, не буржуазія ли и не правительство будутъ нарушать законъ и право, чтобы раздавить насъ насиліемъ? Мы будемъ этого ждать. А пока не угодно ли вамъ стрѣляйте первыми, господа буржуа".

„Нѣтъ сомнѣнія, что они *будутъ* стрѣлять первыми. Въ одно прекрасное утро нѣмецкіе буржуа и ихъ правительство устанутъ сложа руки смотрѣть на все затопляющій приливъ соціализма; они будутъ искать защиты въ беззаконіи и въ насиліи. Но поможетъ ли это? Сила можетъ подавить маленькую секту въ ограниченной области, но нужно еще изобрѣсти силу, которая могла бы истребить партію, насчитывающую два или три милліона людей и распространившуюся по большому государству. Временный перевѣсъ контръ-революціи можетъ, пожалуй, отстрочить на нѣсколько лѣтъ торжество соціализма, но съ тѣмъ, чтобы это торжество было болѣе полнымъ и окончательнымъ" (X, 1, стр. 583).

На это мѣсто, равно какъ и на соотвѣтствующія письма, долженъ обратить вниманіе всякій, кто хочетъ правильно понять цитаты изъ Энгельсова „Введенія" о законности, при которой мы преуспѣваемъ. Онѣ меньше всего означаютъ отказъ отъ идеи революціи.

Онѣ означаютъ, конечно, рѣшительное отклоненіе отъ взгляда, что мы якобы ставимъ все на карту грядущей революціи и будто послѣдняя должна повториться просто по образцу 1830 и 1848 годовъ. Но ошибается тотъ, кто думаетъ, что моя точка зрѣнія противорѣчитъ точкѣ зрѣнія Энгельса. На самомъ же дѣлѣ я еще до „Введенія", Энгельса, въ иной связи и въ другой формѣ, развивалъ ходъ мыслей, подобный тому, который мы находимъ у Энгельса.

Въ 12-омъ томѣ „Neue Zeit" я въ декабрѣ 1893 года опубликовалъ статью „о соціалъ-демократическомъ катехизисѣ", въ которой я обстоятельно разбиралъ вопросъ о революціи. Я писалъ:

„Мы—революціонеры и притомъ не просто въ томъ смыслѣ, въ какомъ революціонна паровая машина. Соціальный переворотъ, къ которому мы стремимся, можетъ быть достигнутъ только посредствомъ политической революціи, посредствомъ завоеванія политической власти борющимся пролетаріатомъ. И та государственная форма, при которой только и можетъ быть осуществленъ соціализмъ, есть республика, и притомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, т.-е. республика демократическая.

Соціалъ-демократія—партія революціонная, но отнюдь не фабрикующая революціи. Мы знаемъ, что наши цѣли могутъ быть достигнуты только путемъ революціи, но мы знаемъ также, что какъ мы не можемъ сдѣлать революціи, такъ наши противники не въ силахъ ей воспрепятствовать. Потому намъ вовсе не приходитъ въ голову затѣять революцію или подготовлять ее. И такъ какъ революція не можетъ быть сдѣлана по нашему произволу, то мы ничего не можемъ сказать о томъ, когда, при какихъ условіяхъ и въ какихъ формахъ она наступитъ. Мы знаемъ, что классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ не окончится, пока пролетаріатъ не добьется полнаго обладанія политической властью, которой онъ воспользуется для введенія соціалистическаго строя. Мы знаемъ, что эта классовая борьба все болѣе ширится и становится интенсивнѣе, что пролетаріатъ все болѣе растетъ численно и въ отношеніи своей моральной и экономической силы, и что его побѣда и пораженіе капитализма поэтому неизбѣжны. Но мы можемъ строить весьма неопредѣленныя предположенія о томъ, когда и какъ произойдутъ послѣдніе и рѣшающіе бои въ этой соціальной войнѣ. Все это не ново...

Такъ какъ мы ничего не знаемъ о рѣшительныхъ битвахъ соціальной войны, то мы, конечно, такъ же мало можемъ сказать о томъ, будутъ ли онѣ кровавыми, будетъ ли въ нихъ играть значительную роль физическая сила, или онѣ будутъ выиграны исключительно мѣрами экономическаго, законодательнаго и моральнаго давленія.

Можно однако сказать, что имѣется на лицо полная вѣроятность, что въ революціонныхъ битвахъ пролетаріата средства послѣдняго рода будутъ превалировать надъ средствами физическими, т. е. военной силой, въ противоположность тому, какъ это имѣло мѣсто въ революціонной борьбѣ буржуазіи.

Первая причина, почему грядущія революціонныя битвы рѣже придется выигрывать военными средствами, лежитъ, какъ въ этомъ уже неоднократно убѣждались, въ колоссальномъ превосходствѣ вооруженія правительственныхъ армій надъ оружіемъ, находящимся въ распоряженіи „штатскихъ“, — въ превосходствѣ, которое, какъ общее правило, дѣлаетъ сопротивленіе „штатскихъ“ напередъ безнадежнымъ.

Съ другой стороны, въ распоряженіи революціонныхъ слоевъ теперь находятся лучшія оружія экономическаго, политическаго и моральнаго сопротивленія, чѣмъ въ XVIII столѣтіи. Только Россія составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе.

Свобода коалицій, свобода печати и всеобщее избирательное право (при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и всеобщая воинская повинность) представляютъ собой не только оружіе, дающее пролетаріату современныхъ государствъ преимущество по сравненію съ тѣми классами, которые выигрывали революціонныя битвы буржуазіи; эти институты проливаютъ свѣтъ на соотношенія силъ отдѣльныхъ партій и классовъ и на духъ, ихъ воодушевляющій, чего не было во времена абсолютизма.

Господствующіе классы точно также, какъ и революціонеры, блуждали въ ту пору въ потемкахъ. Такъ какъ всякое проявленіе оппозиціи было сдѣлано невозможнымъ, то ни правительство, ни революціонеры, не знали своихъ силъ. Каждая изъ обѣихъ партій была подвержена опасностямъ какъ переоцѣнить свои силы, пока она не помѣрялась ими въ бою съ противникомъ, такъ и недооцѣнить ихъ и бросить оружіе, понеся лишь одно единственное пораженіе. Въ этомъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ, почему на долю революціонной буржуазіи выпадаетъ такъ много бунтовъ, подавляемыхъ однимъ ударомъ и такъ много правительствъ, низвергаемыхъ однимъ же ударомъ; отсюда и чередованіе революціи и контръ-революціи.

Совсѣмъ иначе теперь, по крайней мѣрѣ въ странахъ съ демократическими до нѣкоторой степени учрежденіями. Эти учрежденія назвали предохранительнымъ клапаномъ общества. Но названіе это неправильно, если имъ хотятъ сказать, что пролетаріатъ въ демократическомъ государствѣ перестаетъ быть революціоннымъ, что онъ удовлетворяется открытымъ выявленіемъ своего возмущенія и своихъ страданій и что онъ отказывается отъ политической и соціальной революціи. Демократическій строй не можетъ устранить классовыхъ противорѣчій капиталистическаго общества и не можетъ предотвратить ихъ неизбѣжнаго слѣдствія — крушенія этого общества. Но демократическій строй можетъ сдѣлать одно: онъ можетъ предохранить не отъ революцій, а отъ нѣкоторыхъ преждевременныхъ, безнадежныхъ революціонныхъ попытокъ и можетъ сдѣлать излишними нѣкоторыя революціонныя возстанія. Онъ вноситъ ясность въ соотношеніе силъ различныхъ партій и классовъ, не устраняя ихъ противорѣчій и не отодвигая ихъ конечныхъ цѣлей; но онъ дѣйствуетъ въ томъ направленіи, чтобы помѣшать

классамъ восходящихъ браться за разрѣшеніе задачъ, для котораго они еще не выросли, и удержать классы господствующіе отъ отказа въ уступкахъ,— отказа, съ послѣдствіями котораго они уже не въ силахъ справиться. Направленіе развитія этимъ не мѣняется, но ходъ его становится болѣе постояннымъ и болѣе спокойнымъ. Движеніе пролетаріата впередъ въ странахъ съ демократическими до нѣкоторой степени учрежденіями не отмѣчается такими разительными побѣдами, какъ у буржуазіи въ ея революціонную пору, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столь значительными пораженіями. Со времени пробужденія въ 60-ыхъ годахъ современнаго соціалъ-демократическаго рабочаго движенія европейскій пролетаріатъ пережилъ только одно большое пораженіе— Парижскую Коммуну 1871 года. Въ ту пору Франція страдала еще отъ послѣдствій имперіи, которая лишила народъ истинно демократическихъ учрежденій, французскій пролетаріатъ былъ еще въ очень незначительной части сознателенъ, и возстаніе ему было навязано.

Демократически-пролетарскій методъ борьбы можетъ показаться болѣе скучнымъ, чѣмъ методъ революціонной поры буржуазіи; онъ конечно, менѣе драматиченъ и эффектенъ, но требуетъ и меньше жертвъ. Это безразлично для прекраснодушныхъ литераторовъ, которые дѣлаютъ изъ соціализма занимательный спортъ и ищутъ въ немъ интересныя темы, но это совсѣмъ не безразлично для тѣхъ, кто ведетъ борьбу [1]).

Такъ называемый мирный методъ классовой борьбы, который ограничивается невоенными средствами—парламентаризмомъ, забастовками, демонстраціями, печатью и тому подобными средствами воздѣйствія, имѣетъ въ каждой странѣ тѣмъ больше видовъ на будущее, чѣмъ вліятельнѣе тамъ демократическія учрежденія, чѣмъ больше проницательность населенія въ области политики и экономики, и чѣмъ больше его выдержка.

Все же изъ двухъ противниковъ при одинаковыхъ условіяхъ хладнокровіе скорѣе всего сохранитъ тотъ, кто чувствуетъ свое превосходство. Напротивъ того, кто не вѣритъ въ себя и въ свое дѣло, тотъ слишкомъ легко теряетъ спокойствіе и самообладаніе.

Но во всѣхъ странахъ современной культуры пролетаріатъ представляетъ собой тотъ классъ, который болѣе всего вѣритъ въ себя и въ свое дѣло. Для этого ему вовсе не надо предаваться иллюзіямъ; ему достаточно обозрѣть исторію послѣдняго поколѣнія, чтобы видѣть, какъ она всюду охвачена непрерывнымъ стремленіемъ впередъ; ему достаточно только прослѣдить современное развитіе, чтобъ почерпать отсюда увѣренность въ неизбѣжности его побѣды. Отсюда однако не слѣдуетъ ожидать, что пролетаріатъ въ какой-нибудь странѣ, гдѣ онъ достигъ наиболѣе высокаго развитія, легко потеряетъ спокойствіе и самообладаніе и поведетъ политику приключеній. Этого тѣмъ менѣе слѣдуетъ ожидать, чѣмъ выше въ то же время

---

[1]) Буржуазныя революціи, напримѣръ, революція XVIII вѣка, быстрѣе стремятся отъ успѣха къ успѣху, ихъ драматическіе эффекты импозантнѣе, люди и событія какъ бы озарены бенгальскимъ огнемъ, экстазъ является господствующимъ настроеніемъ каждаго дня; но онѣ быстротечны, скоро достигаютъ своего высшаго пункта, и продолжительная апатія похмелья охватываетъ общество, прежде чѣмъ оно успѣваетъ трезво усвоить себѣ результаты періода бури и натиска. Напротивъ, пролетарскія революціи... непрерывно критикуютъ самихъ себя“ и т. д. (Marx, Der 18. Brumaire. S. 4., русскій пер. въ изд. Скирмунта подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова, стр. 147). При сравненіи буржуазныхъ и пролетарскихъ революцій Марксъ въ 1852, не могъ еще, конечно, принять во вниманіе вліяніе демократическихъ учрежденій.

образованіе и дальновидность рабочаго класса и чѣмъ болѣе демократично государство.

Но этой увѣренности въ своихъ силахъ отнюдь нельзя приписать господствующимъ классамъ. Они чувствуютъ и видятъ, что они съ каждымъ днемъ становятся слабѣе; они становятся все болѣе нервозными и пугливыми и потому неразсчетливыми. Они все болѣе и болѣе приходятъ въ такое состояніе, когда надо быть готовымъ къ тому, что они, охваченные внезапнымъ припадкомъ ярости и преисполненные слѣпого неистовства, бросятся на противника, чтобы поразить его, не заботясь о всѣхъ тѣхъ ранахъ, которыя они такимъ образомъ наносятъ обществу въ цѣломъ и самимъ себѣ, не заботясь о тѣхъ непоправимыхъ опустошеніяхъ, которыя они произведутъ.

Политическое положеніе пролетаріата позволяетъ ожидать, что онъ будетъ стараться возможно дольше обойтись примѣненіемъ однихъ только вышеупомянутыхъ „законныхъ“ методовъ. Опасность, что пролетаріатъ можетъ отказаться отъ этого стремленія, лежитъ, въ особенности, въ нервозномъ настроеніи господствующихъ классовъ.

Государственные мужи господствующихъ классовъ больше всего желаютъ, чтобъ подобный припадокъ бѣшенства очень скоро наступилъ, по возможности, не только у однихъ господствующихъ классовъ, но и у индифферентныхъ массъ. Они добиваются, чтобы это произошло, возможно скорѣй, раньше чѣмъ соціалъ-демократія будетъ настолько сильна, чтобы оказать противодѣйствіе такому припадку. Это сулитъ имъ единственную надежду, что побѣда соціалъ-демократіи будетъ отстрочена по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. Все же буржуазія въ этомъ случаѣ играетъ ва-банкъ. Ибо, если ей не удастся въ этомъ припадкѣ бѣшенства нанести пораженіе пролетаріату, она, обезсиленная, тѣмъ скорѣе потерпитъ крушеніе, и тѣмъ раньше наступитъ торжество соціалъ-демократіи. Но политикамъ господствующихъ классовъ теперь большей частью свойственно настроеніе, при которомъ они полагаютъ, что имъ ничего болѣе не остается, какъ поставить все на карту, Они хотятъ провоцировать гражданскую войну изъ страха передъ революціей.

Соціалъ-демократія, напротивъ того, не ищетъ никакихъ основаній прибѣгать къ подобнаго рода политикѣ отчаянія; она скорѣе имѣетъ всѣ основанія заботиться о томъ, чтобы припадокъ ярости власть имущихъ, если онъ уже неизбѣженъ, былъ возможно дальше отстроченъ, съ тѣмъ, чтобы онъ наступилъ только тогда, когда пролетаріатъ, достаточно окрѣпшій, смогъ бы безъ дальнихъ словъ повалить бѣснующагося и связать его. Тогда этотъ припадокъ будетъ послѣднимъ, и произведенныя имъ опустошенія и вызванныя имъ жертвы будутъ возможно менѣе значительны.

Соціалъ-демократія должна поэтому избѣгать и даже бороться съ тѣмъ, что явилось бы безцѣльной провокаціей господствующихъ классовъ, и что дало бы ихъ государственнымъ мужамъ опорный пунктъ, чтобы привести буржуазію и ея приверженцевъ въ состояніе соціалистоненавистническаго бѣшенства. Когда мы заявляемъ, что революцій нельзя фабриковать, когда мы считаемъ неразумнымъ и даже вреднымъ „затѣять“ революцію, и когда мы соотвѣтственно съ этимъ поступаемъ, то это происходитъ не въ угоду нѣмецкимъ властямъ, а въ интересахъ борющагося пролетаріата. И германская соціалъ-демократія въ этомъ отношеніи солидарна со всѣми братскими для нея партіями. Благодаря этой тактикѣ государственнымъ мужамъ господствующихъ классовъ до сихъ поръ не удавалось въ борьбѣ съ пролетаріатомъ достигнуть такихъ результатовъ, какихъ имъ очень хотѣлось бы.

Какъ ни мало относительно политическое вліяніе соціалъ-демократіи, все же она въ современномъ государствѣ слишкомъ могущественна, чтобы буржуазные политики могли управляться съ нею по своему произволу. Незначительныя мѣропріятія буржуазнымъ политикамъ вовсе не помогаютъ; эти мѣропріятія только озлобляютъ тѣхъ, кого они коснулись, но не запугиваютъ ихъ и не ослабляютъ ихъ способности къ борьбѣ. Но всякая попытка проведенія острыхъ мѣръ, могущихъ сдѣлать пролетаріатъ неспособнымъ къ борьбѣ, грозитъ опасностью гражданской войны, которая, каковъ бы ни былъ ея исходъ, во всякомъ случаѣ принесетъ съ собой огромныя опустошенія. Это въ настоящее время знаетъ всякій до нѣкоторой степени дальновидный человѣкъ. И какія бы ни были у буржуазныхъ политиковъ основанія желать, чтобы соціалъ-демократія была бы возможно скорѣй поставлена предъ испытаніемъ силы, для котораго она еще, можетъ быть, въ настоящее время не доросла, буржуазные дѣльцы вовсе не хотятъ слышать объ экспериментѣ, способномъ каждаго изъ нихъ разорить,— по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока они трезвы и пока ихъ не настигъ упомянутый выше припадокъ бѣшенства. Въ послѣднемъ случаѣ буржуа, конечно, на все способенъ, и чѣмъ сильнѣе его страхъ, тѣмъ болѣе свирѣпо онъ будетъ требовать крови.

Интересы пролетаріата теперь повелительнѣе чѣмъ когда бы то ни было требуютъ, чтобы онъ избѣгалъ всего того, что способно безцѣльно провоцировать господствующіе классы на политику насилія. Соотвѣтственно съ этимъ и поступаетъ соціалъ-демократія.

Существуетъ, однако, теченіе, именующее себя пролетарскимъ и соціалистически революціоннымъ, которое ставитъ своей главнѣйшей задачей, наряду съ побѣдой надъ соціалъ-демократіей, провоцированіе политики насилія. То, о чемъ тоскуютъ государственные мужи господствующихъ классовъ, и что единственно еще способно остановить побѣдное движеніе пролетаріата, — именно это является главнымъ дѣломъ того теченія, которое пользуется даже явнымъ благоволеніемъ Путткамера и К°. Приверженцы этого теченія стараются не *ослабить* буржуазію, *а привести ее въ бѣшенство.*

Пораженіе Парижской Коммуны 1871 года, какъ упомянуто выше, было послѣднимъ крупнымъ пораженіемъ пролетаріата. Съ той поры онъ въ большинствѣ странъ, благодаря его вышеописанному методу, постоянно шелъ впередъ, медленнѣе, чѣмъ мы желали бы, но вѣрнѣе, чѣмъ какое бы то ни было изъ болѣе раннихъ революціонныхъ движеній.

Со времени 1871 года пролетарское движеніе только въ нѣкоторыхъ случаяхъ терпѣло пораженіе, и всякій разъ вина за это лежала въ примѣненіи отдѣльными личностями средствъ, которыя по теперешней терминологіи обозначаются, какъ *анархистскія*, и которыя соотвѣтствуютъ проповѣдуемой большинствомъ современныхъ анархистовъ „пропагандѣ дѣйствіемъ“. Попутно надо указать на вредъ, который причинили анархисты Интернаціоналу и революціонному возстанію въ Испаніи въ 1873 году. Пять лѣтъ спустя послѣ этого возстанія наступилъ припадокъ всеобщаго бѣшенства, вызванный покушеніями Геделя и Нобилинга; безъ этихъ покушеній Бисмарку едва ли удалось бы провести законъ противъ соціалистовъ; этотъ законъ ни въ коемъ случаѣ не примѣнялся бы такъ сурово, какъ онъ примѣнялся въ первые годы его существованія— у нѣмецкаго пролетаріата были бы сбережены гигантскія жертвы, и его побѣдное шествіе не замедлилось бы ни на одно мгновеніе.

Послѣднее пораженіе, понесенное рабочимъ движеніемъ, имѣло мѣсто въ Австріи въ 1884 году вслѣдствіе мошенничества и звѣрства Каммерера, Штельмахера и К°. Мощно расцвѣтавшее соціалистическое движеніе было тамъ разбито однимъ ударомъ безъ всякаго слѣда сопротивленія, будучи подавлено не властями, а всеобщей яростью населенія, которое возводило на соціализмъ вину за дѣянія названныхъ анархистовъ.

Слѣдующее пораженіе произошло въ Америкѣ въ 1886 году. Рабочее движеніе въ ту пору развивалось тамъ быстро и мощно. Оно шло гигантскими шагами впередъ такъ быстро, что нѣкоторые наблюдатели считали почти возможнымъ, что оно въ короткое время обгонитъ европейское движеніе и станетъ во главѣ его.

Весною 1886 года рабочій классъ Соединенныхъ Штатовъ предпринялъ сильную кампанію за завоеваніе 8-часового рабочаго дня. Рабочія организаціи разрослись до колоссальныхъ размѣровъ, стачка слѣдовала за стачкой, ликующее воодушевленіе господствовало въ рядахъ рабочихъ, и соціалисты, во всемъ первые и наиболѣе ревностные, начали овладѣвать руководствомъ движенія.

Но вотъ въ одномъ изъ многочисленныхъ столкновеній между полиціей и рабочими, которыя имѣли тогда мѣсто, 4-го мая въ Чикаго были брошены бомбы. До сихъ поръ еще не установлено, кто былъ виновникомъ этого. Казненные 11-го ноября по этому дѣлу анархисты и ихъ товарищи, приговоренные къ продолжительному тюремному заключенію, стали жертвою судебнаго убійства. Но это дѣяніе соотвѣтствовало тактикѣ, постоянно проповѣдуемой анархистами; оно дало волю ярости всей американской буржуазіи, сбило съ толку рабочихъ и дискредитировало соціалъ-демократовъ, которыхъ не умѣли и зачастую не хотѣли отличать отъ анархистовъ. Борьба за восьмичасовой рабочій день кончилась пораженіемъ рабочихъ. Рабочее движеніе потерпѣло крушеніе, и соціалъ-демократія была низведена къ ничтожной силѣ. Соціалъ-демократія только постепенно начинаетъ опять дѣлать успѣхи въ Соединенныхъ Штатахъ. Единственные значительные уроны, понесенные рабочимъ движеніемъ въ теченіе двадцати лѣтъ, были вызваны поступками, совершенными анархистами или по меньшей мѣрѣ соотвѣтствовавшими проповѣдуемой ими тактикѣ. Только благодаря этому стали возможны законъ противъ соціалистовъ въ Германіи, исключительное положеніе въ Австріи и судебныя убійства въ Чикаго со всѣми ихъ послѣдствіями...

Возможность, что анархизмъ вновь когда-нибудь и гдѣ-нибудь овладѣетъ массами, въ настоящее время менѣе вѣроятна, чѣмъ когда-бы то ни было.

Двумя главнѣйшими причинами, которыя сдѣлали массы воспріимчивыми къ анархизму, были недостатокъ дальновидности и безнадежность, даже очевидная невозможность достигнуть хотя бы малѣйшаго улучшенія путемъ политической борьбы.

Въ первой половинѣ 80-ыхъ годовъ, когда рабочіе Австріи и Соединенныхъ Штатовъ массами дали себя увлечь трескучими фразами анархистовъ, мы въ обѣихъ этихъ странахъ находимъ необыкновенно быстрый ростъ рабочаго движенія, несмотря на одновременное почти полное отсутствіе вождей. Рабочіе баталіоны состояли тогда только изъ необученныхъ рекрутовъ, безъ знаній, безъ опыта и безъ офицеровъ. Къ этому присоединилась еще очевидная невозможность потрясти политической борьбой господство капитала.

Въ Австріи у рабочихъ не было избирательнаго права и никакой надежды добиться его въ ближайшее время законнымъ путемъ. Въ Америкѣ

у рабочихъ не было надежды покончить политическими средствами съ государственной коррупціей[1]).

Не только въ этихъ двухъ странахъ, но и во всѣхъ другихъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ во всемъ рабочемъ движеніи проявилось пессимистическое теченіе.

Теперь это всюду измѣнилось къ лучшему.

Но въ Австріи было еще одно обстоятельство, благопріятствовавшее успѣху анархизма: *массы потеряли довѣріе къ соціалъ-демократіи.* Когда политическія и экономическія средства борьбы германскаго пролетаріата—организація и печать—подпали подъ дѣйствіе закона противъ соціалистовъ, выплывшій въ ту пору анархизмъ сумѣлъ доказать рабочимъ Австріи, что партія, приведенная къ молчанію, бросила оружіе и отреклась отъ своихъ основныхъ революціонныхъ принциповъ. Австрійскіе соціалъ-демократы, защищавшіе своихъ германскихъ товарищей, добились этимъ въ глазахъ большинства австрійскихъ рабочихъ не реабилитаціи германскихъ товарищей, а лишь собственнаго дискредитированія. Одинъ прокуроръ, графъ Ламеданъ, оказывалъ помощь анархистамъ, которые были ему, конечно, любезнѣе, и съ презрѣніемъ заявилъ, что соціалъ-демократы только революціонеры въ ночномъ халатѣ".

Анархисты и теперь ревностнѣе всего стараются доказать рабочимъ, что соціалъ-демократы революціонеры въ шлафрокѣ. До сихъ поръ они такимъ путемъ не добились никакого успѣха. Но если когда-нибудь станетъ возможнымъ возникновеніе значительнаго анархистскаго движенія въ Германіи, то не какъ результатъ агитаціи „независимыхъ"[2]), а лишь какъ слѣдствіе двухъ явленій: либо наступленія господствующихъ классовъ, которое вызоветъ въ трудящихся массахъ состояніе безнадежности и очень сильно повредитъ распространенію сознательности среди нихъ; либо въ результатѣ сужденій въ нашей средѣ, которыя подали бы поводъ считать, что мы отказываемся отъ нашихъ революціонныхъ принциповъ. Чѣмъ „умѣреннѣе" мы будемъ, тѣмъ больше мы будемъ лить воду на мельницу анархистовъ и ока-

---

[1]) Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ органа нашихъ американскихъ собратьевъ „Впередъ" мы находимъ отчетъ о рѣчи недавно освобожденнаго изъ тюрьмы *Михаила Шваbe,* одного изъ жертвъ дѣла 1886 г. о бомбахъ. Онъ призналъ, что анархистская тактика неправильна и неразумна. Но онъ при этомъ объясняетъ также, какъ анархизмъ могъ въ восьмидесятыхъ годахъ распространиться въ Чикаго: „Приходится слишкомъ часто повторять, что эта (анархистская) тактика нашла почву въ Чикаго только послѣ того, какъ одинъ судья рѣшилъ, что по отношенію къ коммунистамъ допустимы подлоги съ избирательными записками. Большинство изъ Васъ помнятъ о выборахъ, которые вторично призвали господина Франка Штаубера въ городскую думу. Результатъ выборовъ былъ самымъ наглымъ образомъ фальсифицированъ двумя судьями по избирательнымъ дѣламъ. Это было установлено подъ присягой полицейскими и другими свидѣтелями, а также сухимъ признаніемъ обвиняемыхъ въ заключительныхъ преніяхъ, которыя отодвигались возможно дальше. И судья оправдалъ мошенниковъ! Возмущеніе среди рабочихъ было всеобщимъ, и они ничего не хотѣли больше знать о методахъ, которымъ слѣдовали раньше. Съ тѣхъ поръ многіе изъ насъ убѣдились, что въ политикѣ нельзя руководиться только голосомъ чувства.

[2]) Рѣчь идетъ, конечно, не о независимыхъ с.-д., отколовшихся отъ германской с.-д—тіи во время войны, а объ анархо-соціалистахъ во главѣ съ Фридебергомъ. *Прим. перев.*

зывать такимъ образомъ помощь какъ разъ тому движенію, которое больше всего старается поставить на мѣсто культурныхъ формъ борьбы самыя грубыя формы ея. Можно сказать, что въ настоящее время только одинъ моментъ могъ бы послужить для пролетарскихъ массъ поводомъ отвернуться отъ изложенныхъ выше „мирныхъ“ методовъ борьбы: потеря вѣры въ революціонный характеръ нашей партіи. Мирному развитію мы могли бы только повредить слишкомъ мирной тактикой.

Намъ не нужно доказывать, какое бѣдствіе вызвало бы всякое колебаніе и въ другихъ случаяхъ.

Враждебность имущихъ этимъ не уменьшается, и надежные друзья тоже не пріобрѣтаются, но въ наши собственные ряды вносится смятеніе; равнодушные становятся еще равнодушнѣе, а болѣе энергичные уходятъ.

Великій рычагъ нашихъ успѣховъ есть революціонный энтузіазмъ. Мы будемъ примѣнять его въ будущемъ еще больше, чѣмъ когда-бы то ни было, такъ какъ самое трудное еще впереди, а не позади насъ. И тѣмъ хуже будетъ вліять все то, что способно ослаблять этотъ рычагъ.

Но современное положеніе приноситъ съ собой опасность, что мы легко можемъ показаться болѣе „умѣренными“, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Чѣмъ сильнѣе мы становимся, тѣмъ больше практическія задачи выступаютъ на передній планъ, тѣмъ больше мы должны выносить нашу агитацію за предѣлы промышленнаго пролетаріата, тѣмъ больше мы должны остерегаться вредной провокаціи или совсѣмъ пустыхъ угрозъ. При этомъ очень трудно соблюсти правильную мѣру, отдавать должное настоящему, не теряя изъ поля зрѣнія будущее, подойти къ ходу мысли крестьянъ и мелкой буржуазіи, не сходя съ пролетарской точки зрѣнія, трудно избѣгать вызывающихъ дѣйствій и все же въ общемъ приводить къ сознанію, что мы партія борьбы, непримиримой борьбы противъ всего существующаго общественнаго порядка“.

Все это изъ статьи 1893 года. И здѣсь мы находимъ сбывшееся предсказаніе. То, чего я опасался въ 1893 году, наступило нѣсколько лѣтъ спустя. Во Франціи часть нашихъ партійныхъ товарищей временно стала правительственной партіей. У массъ получилось впечатлѣніе, что соціалъ-демократія отреклась отъ своихъ революціонныхъ принциповъ; массы потеряли довѣріе къ партіи, и онѣ поэтому въ значительной своей части впали въ новѣйшую разновидность анархизма—въ *синдикализмъ*, который такъ же, какъ и старый анархизмъ пропаганды дѣйствіемъ, думаетъ больше всего не объ усиленіи пролетаріата, а о безполезномъ запугиваніи буржуазіи, о доведеніи ея до бѣшенства и о провоцированіи несвоевременныхъ испытаній силы, для которыхъ пролетаріатъ при данныхъ условіяхъ еще не выросъ.

Среди французскихъ соціалистовъ какъ разъ революціонные марксисты рѣшительнѣе всѣхъ выступаютъ противъ этой политики. Революціонные марксисты борются съ синдикализмомъ такъ же энергично, какъ и съ министеріализмомъ, считая ихъ одинаково вредными.

Они и нынѣ[1]) еще стоятъ на той точкѣ зрѣнія, которую развивалъ Энгельсъ и я въ своихъ вышецитированныхъ статьяхъ 1892—1895 годовъ.

Мы не сторонники законности во что бы то ни стало, но и не революціонеры во что бы то ни стало. Мы знаемъ, что историческія ситуаціи не могутъ быть созданы по произволу, и что наша тактика должна быть съ ними сообразована.

---

[1]) Къ сожалѣнію, во времени войны французскіе марксисты и даже Гэдъ повели коалиціонную политику во имя „священнаго единенія всѣхъ классовъ“.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ я призналъ, что дальнѣйшее мирное развитіе пролетарскихъ организацій и пролетарской классовой борьбы на основѣ существующихъ государственныхъ условій въ ситуаціи тогдашняго времени продвинетъ пролетарское дѣло далеко впередъ. Меня такимъ образомъ нельзя упрекнуть въ опьяненіи революціей и радикализмомъ, когда наблюденіе современной ситуаціи приводитъ меня по взгляду, что съ начала девяностыхъ годовъ условія кореннымъ образомъ измѣнились, и мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что мы теперь вступили въ періодъ борьбы за государственныя учрежденія и государственную власть, въ періодъ битвъ, которыя могутъ тянуться десятилѣтіями при самыхъ различныхъ превратностяхъ судьбы,—битвъ, формы и продолжительность которыхъ теперь еще трудно установить, которыя, однако, по всей вѣроятности, уже въ ближайшее время приведутъ къ значительному измѣненію соотношенія силъ въ пользу пролетаріата, если не къ полному единовластію его въ Западной Европѣ.

Основанія этого воззрѣнія развиты ниже.

6. Ростъ революціонныхъ элементовъ.

Мы уже видѣли, что марксисты отнюдь не были такими плохими пророками, какими ихъ часто представляютъ, но что нѣкоторые изъ нихъ все таки ошибались въ одномъ, а именно въ указаніи момента великихъ революціонныхъ битвъ и крупныхъ политическихъ потрясеній.

Какія же основанія существуютъ у насъ для того, чтобы думать, что теперь, наконецъ, приближается давно и страстно ожидаемый моментъ, когда прекратится политическій застой, и снова начнется веселая жизнь, полная борьбы за завоеваніе политической власти.

Энгельсъ вполнѣ правильно указалъ въ уже упомянутомъ предисловіи къ Марксовой „Классовой борьбѣ“, что великія революціонныя битвы при современныхъ условіяхъ могутъ вестись только великими народными массами, понимающими, къ чему онѣ стремятся. Прошли тѣ времена, когда небольшое меньшинство путемъ неожиданныхъ и энергичныхъ дѣйствій могло свергнуть государственную власть и на мѣсто ея поставить новую.

Это было возможно въ централизованныхъ государствахъ, въ которыхъ вся политическая жизнь сосредоточивалась въ столицѣ, господствовавшей надъ всей страной, гдѣ деревни и небольшіе города не обнаруживали пониманія политической жизни и не сознавали своей взаимной связи. Кому удавалось парализовать армію и бюрократію или привлечь ихъ на свою сторону, тотъ могъ захватить государственную власть, а, если общее положеніе дѣлъ требовало соціальной революціи, то и дѣйствовать въ этомъ направленіи.

Въ настоящее время, въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, газетъ и народныхъ собраній, когда въ государствѣ имѣется много промышленныхъ центровъ, когда войска вооружены магазинными ружьями и другимъ усовершенствованнымъ оружіемъ, стало невозможно для меньшинства побѣдить войско столицы, если оно не было уже ранѣе совершенно дезорганизовано; точно также совершенно невозможно ограничить политическую борьбу одной столицей. Политической жизнью живетъ теперь вся страна.

Гдѣ существуютъ эти условія, тамъ можно ожидать крупнаго политическаго потрясенія, которое ослабитъ враждебный народу режимъ только тогда, когда осуществлены слѣдующія условія:

1) Этотъ режимъ долженъ быть рѣшительно враждебенъ всей массѣ народа.

2) Должна существовать крупная и стоящая въ непримиримой оппозиціи партія, связанная съ широкими массами.

3) Эта партія должна защищать интересы громаднаго большинства населенія и пользоваться его полнымъ довѣріемъ.

4) Должно быть поколеблено довѣріе къ силѣ и устойчивости господствующаго режима у самихъ орудій его—у войска и бюрократіи.

За послѣднія десятилѣтія нигдѣ еще—по крайней мѣрѣ въ Западной Европѣ—всѣ эти условія не были одновременно осуществлены. Въ теченіе долгаго времени пролетаріатъ не представлялъ большинства населенія, а соціалъ-демократія не была сильнѣйшей партіей. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы ожидали скораго наступленія революціи, то мы при этомъ разсчитывали не только на пролетаріатъ, но и на мелко буржуазную демократію, какъ на революціонную массовую партію, на стоящія за ней массы мелкой буржуазіи и крестьянства. Но буржуазная демократія въ этомъ отношеніи оказалась совершенно несостоятельной. Въ настоящее время она играетъ въ Германіи роль только оппозиціонной партіи.

Съ другой стороны во всѣхъ крупныхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ Россіи, съ 1870 года прекратилась та неустойчивость положенія, которая тамъ до этого времени господствовала. Правительства упрочили свое положеніе; они увеличили свою силу и устойчивость. И каждое изъ нихъ сумѣло внушить своему народу увѣренность, что оно защищаетъ его интересы.

Такимъ образомъ именно въ первыя десятилѣтія возникновенія прочнаго и самостоятельнаго рабочаго движенія, т. е. съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, шансы новой политической революціи въ теченіе нѣкотораго времени становились все меньше, тогда какъ пролетаріатъ все болѣе нуждался въ ней и по примѣру прошлыхъ семи десятилѣтій считалъ близкимъ наступленіе ея.

Но постепенно условія измѣняются въ его пользу. Растетъ организація пролетаріата. Очевиднѣе всего это проявляется, можетъ быть, въ Германіи. За послѣднія двѣнадцать лѣтъ этотъ ростъ былъ особенно быстръ. Мы видѣли въ это время, что организаціи соціалъ-демократіи возросли на полъ милліона членовъ, а организація духовно тѣсно съ ней связанныхъ профессіональныхъ союзовъ на два милльона человѣкъ. Въ то же время выросла ихъ пресса — дѣло этихъ организацій, а не частныхъ предпринимателей. Политическія ежедневныя газеты увеличили свой тиражъ приблизительно на милліонъ, а профессіональные по большей части еженедѣльные журналы и того болѣе.

Это представляетъ такую организованную силу эксплоатируемыхъ рабочихъ массъ, какой еще никогда не видала исторія.

Превосходство господствующихъ классовъ надъ угнетенными до настоящаго времени основывалось и на томъ, что въ ихъ рукахъ была организованная сила государственной власти, въ то время какъ классы угнетенные не были почти совсѣмъ организованы или по крайней мѣрѣ не были организованы на пространствѣ всего государства. Нельзя сказать, что у рабочихъ классовъ совсѣмъ не было организаціи. Но въ древности и въ средніе вѣка до новаго времени это были или организаціи отдѣльныхъ замкнутыхъ *профессій* или онѣ охватывали только отдѣльныя, замкнутыя *мѣстности*; это были или *цеховыя* или *коммунальныя* или областныя организаціи. Именно общины при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ служить очень сильнымъ орудіемъ противъ государственной власти. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ смѣшивать безъ различія государство и общину и разсматривать ихъ какъ одинаковыя организаціи классоваго господства. Община *можетъ* быть таковой

и бываетъ ей очень часто, но она можетъ также быть внутри государства защитницей угнетенныхъ классовъ, если они образуютъ въ этой общинѣ большинство и захватываютъ въ ней господство. Наиболѣе ярко эта сторона дѣятельности общины въ различныя времена проявлялась у *Парижской* коммуны, которая становилась иногда организаціей низшихъ классовъ общества.

Но передъ лицомъ современнаго могучаго государства отдѣльная община въ настоящее время не можетъ уже удержать свою самостоятельность. Тѣмъ важнѣе становится для этихъ низшихъ классовъ созданіе организацій, охватывающихъ все государство и всѣ виды профессій.

Лучше всего это удалось въ Германіи. Не только во Франціи, но также и въ Англіи профессіональныя и политическія организаціи все еще очень раздроблены. Но какъ бы сильно ни развилась политическая партія, она никогда не будетъ въ нормальное, не революціонное время охватывать всю совокупность рабочаго класса въ государствѣ, а только лучшую его часть, которой профессіональныя, или мѣстныя или личныя условія помогли подняться надъ массой населенія. Напротивъ того, въ революціонныя времена, когда даже наиболѣе слабые чувствуютъ себя способными къ борьбѣ и стремятся къ ней, притягательная сила классовыхъ организацій зависитъ только отъ величины тѣхъ классовъ, интересы которыхъ они защищаютъ.

Здѣсь надо замѣтить, что классъ наемныхъ рабочихъ составляетъ въ настоящее время большинство не только населенія, но и даже большинство избирателей Германіи.

Точныхъ данныхъ относительно распредѣленія рабочаго населенія по переписи 1907 г. еще не имѣется; можно пользоваться только цыфрами 1895 года. Сравнивъ эти послѣднія съ результатами выборовъ 1893 г., получимъ слѣдующіе результаты:

Въ 1893 г. число избирателей достигло 10,628,292. Съ другой стороны въ 1895 г. насчитывалось 15,506,482 мужчины, способныхъ къ работѣ. Отбросимъ отсюда тѣхъ, которые не достигли 20 лѣтъ, а также половину тѣхъ, которые имѣютъ отъ 20 до 30 лѣтъ. Тогда мы получимъ 10,742,989 чел., какъ приблизительное число мужчинъ, способныхъ къ работѣ въ избирательномъ возрастѣ. Это число почти совпадаетъ съ числомъ избирателей въ 1893 года.

Изъ мужчинъ рабочихъ избирательнаго возраста было (высчитывая это количество вышеуказаннымъ способомъ): 4,172,269 самостоятельныхъ хозяевъ и 5, 509, 743 наемныхъ рабочихъ и служащихъ. Если же принять во вниманіе, что только въ промышленности и въ торговлѣ изъ 3,144,977 предпріятій болѣе половины (1,714,351) были предпріятіями, въ которыхъ занятъ одинъ человѣкъ, и владѣльцы которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ близко подходятъ къ пролетаріату, то мы безъ преувеличенія можемъ принять, что въ 1895 г. на $3^1/_2$ милльона самостоятельныхъ производителей, заинтересованныхъ въ поддержаніи частной собственности на средства производства, приходилось болѣе 6 милльоновъ пролетаріевъ, интересы которыхъ требовали упраздненія этого права частной собственности.

Мы должны также принять, что и у другихъ слоевъ населенія, хотя и незначительныхъ по размѣрамъ, также существуетъ подобное отношеніе, а именно среди „самостоятельныхъ безъ профессій“, среди которыхъ имѣются съ одной стороны богатые рантье-капиталисты, а съ другой — бѣдняки, живущіе пенсіями, выдаваемыми при инвалидности или при старости.

Но среди всего способнаго къ труду населенія пролетаріатъ имѣетъ еще большій вѣсъ, чѣмъ среди избирателей, такъ какъ среди тѣхъ возра-

стовъ, которые еще не достигли избирательнаго возраста, среди способныхъ къ труду находятся почти исключительно пролетаріи

Такъ насчитывалось:

Возрастъ.	„Самостоятельныхъ“.	Рабочихъ и служащихъ.
отъ 18 до 20 лѣтъ	42,711	1,335,016
„ 20 „ 30 „	613,045	3,935,592
Напротивъ того:		
отъ 30 до 40 лѣтъ	1,319,201	3,111,115
„ 40 до 50 „	1,368,261	1,489,317
свыше 50 „	2,102,814	1,648,085

Всего въ 1895 г. въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ на 5,474,046 „самостоятельныхъ“ приходилось 13,438,377 рабочихъ и служащихъ. Если же отъ первыхъ отбросить нѣкоторую часть пролетаріевъ, обозначенныхъ, какъ работающіе на дому и подъ другими категоріями, то можно смѣло сказать, что уже въ 1895 году слои населенія, заинтересованные въ частной собственности на средства производства, едва составляли немного болѣе четверти всего способнаго къ труду населенія, а среди избирателей они образовывали все еще добрую треть ихъ числа.

Тринадцать лѣтъ до этого соотношеніе не было еще столь благопріятнымъ. Если мы сравнимъ данныя промысловой переписи 1882 года съ результатами выборовъ 1881 г. и произведемъ вычисленія тѣмъ же способомъ, который мы примѣнили къ цыфрамъ 1895 года, то получимъ слѣдующіе результаты:

Годы.	Избирателей вообще.	Избирателей «самостоятельныхъ».	Избирателей рабочихъ.
1882	9,090,381	3,947,192	4,744,021
1895	10,628,292	4,172,269	5,590,743.
Увеличеніе	1,537,911	225,077	846,722

Количество предпріятій съ однимъ работающимъ въ 1882 г. было почти такое же, какъ и въ 1895 году—1,877,872. Число же непролетарскихъ элементовъ среди „самостоятельныхъ“ въ 1882 году было, конечно, еще больше, чѣмъ въ 1895 г. Изъ этого мы должны заключить, что число избирателей, заинтересованныхъ въ частной собственности на средства производства, въ 1882 г. было приблизительно такое же, какъ 1895 г. т. е. около $3^1/_2$ мил.; напротивъ того, числю рабочихъ было въ 1882 г. около 5 милліоновъ. Число защитниковъ собственности въ періодъ времени съ 1882 по 1895 г. осталось то же, а число ихъ противниковъ среди избирателей увеличилось на одинъ миллионъ.

Еще сильнѣе возросло за тотъ же промежутокъ времени число соціалистическихъ избирателей: оно увеличилось съ 311,901 до 1,780,989. Число соціалъ-демократическихъ голосовъ въ 1881 г. было, конечно, искусственно уменьшено закономъ противъ соціалистовъ.

Послѣ 1895 года капиталистическое развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ростъ пролетаріата сильно пошли впередъ. Къ сожалѣнію данныя статистики 1907 г., которыя могли бы освѣтить этотъ вопросъ для всей имперіи, остаются намъ еще неизвѣстными.

По нѣкоторымъ предварительнымъ сообщеніямъ за промежутокъ времени съ 1895 по 1907 г. число мужчинъ-хозяевъ (Selbständigen), занятыхъ въ сель-

скомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ возросло на 33,084, т. е. почти совсѣмъ не увеличилось, число же мужчинъ рабочихъ и служащихъ, т. е. пролетаріевъ, возросло на 2,891,228; это увеличеніе почти въ сто разъ больше, чѣмъ для хозяевъ.

Пролетарскіе элементы, которые уже въ 1895 году составляли и среди населенія, и среди избирателей большинство, получили съ тѣхъ поръ громадное преобладаніе.

Въ 1907 г. число избирателей равнялось 13,352,900 чел. Съ другой стороны, 12 іюня 1907 г. насчитывалось 18,583,864 мужчинъ, способныхъ къ работѣ. Изъ нихъ 13,951,000 были старше 25 лѣтъ. Если изъ этого числа исключить иностранцевъ, солдатъ, лицъ, получающихъ пособія для бѣдныхъ, и лицъ, лишенныхъ гражданскихъ правъ, то полученное число совпадаетъ съ числомъ избирателей.

Изъ 18,583,864 мужчинъ, способныхъ къ труду, 4,438,123 были самостоятельными хозяевами въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ, а 12,625,522—рабочими и служащими.

Если мы примемъ во вниманіе, что въ настоящее время процентъ избирателей среди мужчинъ самостоятельныхъ хозяевъ и рабочихъ тотъ же самый, какой былъ въ 1895 году, то мы можемъ дополнить предыдущую таблицу слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Избирателей вообще.	Избирателей «самостоятельныхъ».	Избирателей рабочихъ.
1895	10,628,292	4,172,269	5,590,743
1907	13,352,900	4,202,903	7,275,944
Увеличеніе. . .	2,724,608	30,634	1,685,201

Львиная доля прироста избирателей падаетъ на пролетаріатъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ за періодъ съ 1882 по 1895 годъ.[1]).

---

[1]) Каутскій въ своей брошюрѣ рисуетъ ростъ городского населенія только до 1907 года. Но и послѣ 1907 г. процессъ этотъ совершался еще быстрѣе. Въ виду важности вопроса дополняемъ цифры Каутскаго нѣсколькими болѣе новыми данными.

По переписи 1910 г. населеніе всей Германіи возросло приблизительно на $4^1/_2$ милл. человѣкъ сравнительно съ 1905 годомъ, т. е. на 7,6 процента. Число городовъ, имѣющихъ болѣе 100 жителей, увеличилось за это время съ 41 до 48. Въ этихъ 48 городахъ жило въ 1910 году почти 14 милл. челов., т. е. 21 процентъ всего населенія имперіи. За 5 лѣтъ приростъ этого населенія составлялъ 1,8 милл. чел., т. е. 22,1 процента ихъ населенія въ 1910 г. или 42 процента всего прироста. Итакъ, чуть не половина всего прироста населенія въ государствѣ падаетъ на эти 48 большихъ городовъ.

Число городовъ, имѣющихъ отъ 50 до 100 тыс. жителей за 5 лѣтъ, увеличилось съ 50 до 61; въ нихъ жило въ 1910 г., 2,7 милл. чел., т. е. 4,2 процента всего населенія. Приростъ числа ихъ жителей былъ за 5 лѣтъ 710,000 чел., т. е. 15,8 процента всего прироста.

Число городовъ, имѣющихъ отъ 20,000 до 50,000 жит., за 5 лѣтъ возросло съ 129 до 153, а ихъ населеніе дошло до 5,2 милл. чел., что даетъ 7,8 процента всего населенія государства; населеніе это возросло на 500,000 чел., т. е. на 10,8% всего прироста.

Итакъ приростъ населенія всѣхъ городовъ, имѣющихъ болѣе 20,000 жит. образовалъ 68,6 процента всего прироста за 5 лѣтъ. На долю остальныхъ городовъ и деревни

Но данныя послѣдней переписи 1905 г. знаменательны, какъ указатель промышленнаго развитія

Города, вообще, благопріятнѣе, чѣмъ деревня, для развитія политической жизни, для организацій пролетаріата и для распространенія соціалистическихъ идей. Поэтому имѣетъ большое значеніе тотъ фактъ, что деревенское населеніе уменьшается по сравненію съ городскимъ.

Слѣдующая таблица показываетъ, какъ быстро совершается этотъ процессъ. Подъ сельскимъ населеніемъ мы подразумѣваемъ населеніе мѣстечекъ, имѣющихъ менѣе 2000 жителей, а подъ городскимъ—населеніе городовъ, имѣющихъ не менѣе 2000 жителей. Насчитывалось:

Годы	Деревенское населеніе		Городское населеніе	
	абсолют.	%	абсолют.	%
1871	26,219,352	63,9	14,790,798	36,1
1880	26,513,531	58,6	18,720,530	41,4
1890	26,185,241	53,0	23,243,229	47,0
1900	25,734,103	45,7	30,633,075	54,3
1905	25,822,481	42,6	34,818,797	57,4

Итакъ, за тридцать лѣтъ городское населеніе болѣе чѣмъ удвоилось, а сельское населеніе уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. Въ то время, какъ городское населеніе возросло на двадцать милліоновъ, сельское уменьшилось почти на милліонъ. Во время образованія Германской имперіи сельское населеніе составляло почти двѣ трети всего населенія

осталось только 31,4 процента. Населеніе ихъ въ 1910 году дошло до 21,9 милл. чел., т. е. 34,1 процента всего населенія имперіи, т. е. болѣе трети его.

Все городское населеніе Германіи въ 1910 году составляло 60,2 процента всего населенія государства. На долю деревни оставалось только 39,8 процента.

Цифры эти взяты нами изъ статьи Кольба въ „Neue Zeit“. Кольбъ на основаніи данныхъ переписи 1910 года производитъ подсчетъ, подобный тому, который сдѣланъ Каутскимъ въ его брошюрѣ, и пополняетъ данную Каутскимъ таблицу. Приводимъ эту таблицу въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Годы.	Избирателей вообще.	Избирателей «самостоятельн.».	Избирателей рабочихъ.
1882	9,090,381	3,947,192	4,744,021
1895	10,628,292	4,172,269	5,590,743
1907	13,352,900	4,202,903	7,275,944
1910	14,393,000	4,217,903	8,100,800

(Прим. перев.).

государства, а въ настоящее время оно уменьшилось почти до двухъ пятыхъ его.

Среди отдѣльныхъ государствъ имперіи сильнѣе всего растетъ населеніе тѣхъ, въ которыхъ быстрѣе идетъ промышленное развитіе. Изъ всего населенія государства приходилось въ процентахъ:

	1816	1855	1871	1905
Пруссія	55,2	59,0	60,1	61,5
Саксонія	4,8	5,6	6,2	7,4
Вмѣстѣ	60,0	64,6	66,3	68,9
Баварія	14,5	12,5	11,8	10,8
Вюртембергъ	5,7	4,6	4,4	3,8
Баденъ	4,1	3,7	3,6	3,3
Гессенъ	2,3	2,2	2,1	2,0
Эльзасъ-Лотарингія . . .	5,2	4,3	3,8	3,0
Вмѣстѣ	31,8	27,3	25,7	22,9

Итакъ, въ мѣстностяхъ, образующихъ современную Пруссію и Саксонію, жило въ 1816 году 60 процентовъ населенія того времени; теперь же тамъ живетъ почти 70 процентовъ. Напротивъ того, населеніе южной Германіи, которое составляло въ 1816 году болѣе *половины* населенія тѣхъ мѣстностей, которыя входятъ въ составъ современной Пруссіи и Саксоніи, упало въ 1905 г. только до одной *трети*. Мѣстности, образующія современную Пруссію и Саксонію, насчитывали въ 1816 году 15 милл. жителей, а четыре южно—Германскихъ государства вмѣстѣ съ Эльзасомъ и Лотарингіей—восемь милльоновъ. Напротивъ того, въ 1905 году первыя имѣли 42 милльона, а послѣднія 14 милльоновъ. Первыя почти *учетверили* свое населеніе, а послѣднія даже не *удвоили*.

Такъ дѣйствовало все время экономическое развитіе, увеличивая въ странѣ за счетъ консервативныхъ элементовъ, число элементовъ, заинтересованныхъ въ уничтоженіи современнаго права собственности и государственнаго порядка, и увеличивая ихъ значеніе въ государствѣ.

Но, конечно, эти революціонные элементы революціонны пока только въ *возможности*, но не въ *дѣйствительности*. Они образуютъ запасъ революціонныхъ рекрутовъ, но не всѣ эти рекруты становятся солдатами революціи.

Вышедшіе по большей части изъ мелкой буржуазіи и изъ мелкаго крестьянства, многіе изъ этихъ пролетаріевъ еще долго сохраняютъ свои старыя характерныя черты. Они чувствуютъ себя не пролетаріями, а людьми, которымъ очень хотѣлось бы быть собственниками. Они живутъ экономно, чтобы на сбереженія пріобрѣсти кусочекъ земли, чтобъ завести жалкую

мелочную лавочку или чтобы открыть карликовую мастерскую, въ которой работаетъ пара несчастныхъ учениковъ. Другіе уже потеряли надежду на это или знаютъ, какое нищенское существованіе грозитъ имъ, если они вступятъ на этотъ путь, но они чувствуютъ себя еще неспособными или у нихъ нѣтъ еще желанія завоевывать себѣ лучшее существованіе въ союзѣ со своими товарищами. Они надѣются улучшить свое положеніе, измѣняя своимъ товарищамъ. Они становятся штрейкбрехерами или членами желтыхъ союзовъ. Третьи, наконецъ, пошли еще дальше. Они уже признаютъ необходимость борьбы съ противостоящими имъ капиталистами, но они не чувствуютъ еще себя достаточно сильными, чтобы объявить войну всей капиталистической системѣ. Они ищутъ помощи у буржуазныхъ партій и правительствъ.

Даже среди тѣхъ, которые дошли до признанія необходимости пролетарской классовой борьбы, есть еще достаточно такихъ, которые не хотятъ выходить за предѣлы существующаго общества, которые сомнѣваются въ побѣдѣ пролетаріата или совсѣмъ не вѣрятъ въ нее.

Чѣмъ быстрѣе совершается экономическое развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пролетаризація населенія, чѣмъ большее количество населенія уходитъ изъ деревень въ города, съ востока на западъ, изъ рядовъ мелкихъ собственниковъ въ ряды неимущихъ, тѣмъ многочисленнѣе въ пролетаріатѣ элементы, которые еще не поняли значенія соціальной революціи и не сознаютъ еще классовыхъ противорѣчій современнаго общества.

Привлеченіе ихъ къ соціализму составляетъ настоятельную, но при нормальныхъ условіяхъ необыкновенно трудную задачу, выполненіе которой требуетъ величайшей преданности и мудрости, и которая все таки не выполняется такъ быстро, какъ намъ хотѣлось бы. Нашъ запасъ рекрутовъ обнимаетъ въ настоящее время не менѣе *трехъ четвертей* всего населенія, а, вѣроятно, и еще того болѣе. Но число поданныхъ за насъ голосовъ не составляло и одной трети всѣхъ голосовавшихъ или одной четверти всѣхъ избирателей.

Но темпъ развитія сразу станетъ быстрымъ, если наступятъ революціонныя времена. Невѣроятно быстро учатся въ это время массы и достигаютъ ясности познанія своихъ классовыхъ интересовъ. Не только ихъ мужество и ихъ стремленіе къ борьбѣ, но и ихъ политическіе интересы сильнѣйшимъ образомъ возбуждаются сознаніемъ, что наступилъ моментъ для того, чтобы вырваться, наконецъ, изъ чернаго мрака на яркое солнце. Даже самый лѣнивый въ такое время становится дѣятельнымъ, а самый трусливый — смѣлымъ; даже самый ограниченный человѣкъ пріобрѣтаетъ широкій кругозоръ. Въ подобныя времена въ нѣсколько лѣтъ массы пріобрѣтаютъ такое политическое воспитаніе, которое при иныхъ условіяхъ потребовало бы жизни нѣсколькихъ поколѣній.

Если имѣется на лицо подобное положеніе, если господствующій режимъ зашелъ такъ далеко, что ему угрожаетъ опасность разбиться о свои внутреннія противорѣчія, если имѣется классъ, интересы котораго требуютъ достиженія политической власти, и онъ имѣетъ для этого достаточно силы, тогда нужна только партія, пользующаяся довѣріемъ этого класса, питающая непримиримую вражду къ колеблющемуся режиму и ясно понимающая существующее положеніе дѣлъ, чтобъ повести къ побѣдѣ стремящійся впередъ классъ.

Такой партіей уже издавна является соціалъ-демократія. Имѣется на лицо и революціонный классъ, образующій уже большинство націи. Но можно ли разсчитывать также и на моральное крушеніе господствующаго режима?

7. Смягченіе классовыхъ противорѣчій.

Какъ я уже упоминалъ, Энгельсъ въ 1885 г. замѣтилъ, что со времени великой французской революціи, которая со всѣми ея послѣдствіями длилась съ 1789 года по 1815 г., революціи, крупные перевороты происходили въ Европѣ каждые 15—18 лѣтъ: они имѣли мѣсто въ 1815 г., въ 1830 г., въ 1848—52 и въ 1870—1871 г. Онъ предполагалъ поэтому, что въ концѣ восьмидесятыхъ или въ началѣ девяностыхъ годовъ можетъ произойти новая революція. Дѣйствительно, въ это время произошла крупная политическая перемѣна—паденіе бисмарковской системы и оживленіе политическаго и демократическаго движенія во всей Европѣ. Но это измѣненіе было слишкомъ незначительно и кратковременно. Съ тѣхъ же поръ пройдетъ скоро два десятилѣтія[1]), а между тѣмъ нигдѣ въ Европѣ не произошло настоящей революціи.

Отчего произошло это? Почему Европа была въ состояніи постояннаго безпокойства съ 1789 г. по 1871 г., и почему съ этого времени наступило состояніе политической устойчивости, которое въ послѣднее время перешло въ состояніе полнаго политическаго застоя?

Въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія до 1848 года важнѣйшіе съ точки зрѣнія экономической и духовной жизни того времени слои населенія были повсюду въ Европѣ отстранены отъ государственной власти, которая, какъ защитница дворянства и духовенства, относились къ нимъ безучастно, и иногда даже прямо враждебно. Въ Германіи и Италіи раздѣленіе этихъ странъ на мелкія государства препятствовало промышленному развитію. Но за время съ 1846 по 1870 годъ все это сильно измѣнилось. Въ это время промышленный капиталъ побѣдилъ землевладѣніе въ Англіи, гдѣ въ 1846 году были уничтожены пошлины на хлѣбъ, и введена свобода торговли; въ другихъ странахъ, какъ напр., въ Германіи и въ Австріи, промышленный капиталъ завоевалъ себѣ такое же положеніе, которое занимало здѣсь землевладѣніе. Интеллигенція получила при этомъ свободу печати и свободу передвиженія, а мелкая буржуазія и мелкое крестьянство—избирательное право. Національное объединеніе Германіи и Италіи удовлетворило старинныя стремленія этихъ націй. Все это было выполнено послѣ пораженія революціи 1848 года не путемъ народныхъ движеній внутри государствъ, а при помощи внѣшнихъ войнъ. Крымская кампанія 1854—1856 года уничтожила въ Россіи крѣпостное право и заставила царское правительство считаться съ промышленной буржуазіей. Въ 1856, въ 1866 и въ 1870 году произошло объединеніе Италіи; въ 1866 и въ 1870 году—объединеніе Германіи, хотя правда неполное; въ 1866 году либеральная эра въ Австріи проложила путь и въ Германіи введенію всеобщаго избирательнаго права, нѣкоторой свободы печати и свободѣ коалиціи. 1870 годъ закончилъ этотъ періодъ и далъ Франціи демократическую республику. Въ Англіи въ 1867 году была проведена избирательная реформа, которая дала избирательное право высшимъ слоямъ пролетаріата и низшимъ слоямъ мелкой буржуазіи, до сихъ поръ лишеннымъ этого права. Такимъ образомъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ для всѣхъ классовъ, за исключеніемъ пролетаріата, были созданы условія, при которыхъ они могли вести далѣе борьбу за улучшеніе своего положенія. Они достигли, хотя и не въ полной мѣрѣ, того, къ чему они непрерывно стремились со времени великой рево-

---

[1]) Брошюра была написана въ 1909 г. *(Прим. переводчика).*

люціи. Правда не всѣ ихъ требованія были осуществлены, но они и не могли быть осуществлены полностью, такъ какъ интересы различныхъ слоевъ имущихъ классовъ часто бываютъ прямо противоположны, и обдѣленные слои населенія не чувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы бороться за полное господство одного своего класса въ государствѣ, а то, чего имъ не хватаетъ не достаточно велико, чтобъ изъ за него взять на себя рискъ революціи.

Въ европейскихъ странахъ остался революціоннымъ только одинъ *пролетаріатъ* и прежде всего городской пролетаріатъ. Въ немъ продолжали жить старыя революціонныя стремленія. Несмотря на то, что благодаря ряду переворотовъ въ корнѣ измѣнилось все политическое положеніе, пролетаріатъ по прежнему питалъ надежды, основанныя на опытѣ почти цѣлаго столѣтія, продолжавшагося съ 1789 по 1871 годъ, что скоро начнется новая революція, которая не будетъ, конечно, чисто пролетарской, но мелкобуржуазно-пролетарской, революція, въ которой пролетаріатъ вслѣдствіе своихъ возросшихъ силъ возьметъ на себя руководящую роль. Такую революцію ожидали не только „догматики-марксисты“ въ родѣ Энгельса и Бебеля, но и такіе реальные политики, какъ напр. Бисмаркъ, которые совершенно не были затронуты марксизмомъ. Если Бисмаркъ въ 1878 считалъ необходимымъ введеніе исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи, собравшей на выборахъ какіе нибудь полъ-милльона голосовъ, что не составляетъ даже 10% всѣхъ поданныхъ на выборахъ голосовъ и менѣе 6% всѣхъ избирателей, если Бисмаркъ тогда пришелъ къ мысли, продиктованной ему отчаяніемъ — провоцировать соціалъ-демократію на уличныя выступленія, прежде чѣмъ она станетъ для этого достаточно сильной, то это объясняется тѣмъ, что онъ считалъ чрезвычайно близкимъ наступленіе пролетарско-мелкобуржуазной революціи.

И дѣйствительно, существовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя поддерживали такія воззрѣнія, не говоря уже объ воспоминаніяхъ о революціяхъ прошлаго столѣтія.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Европѣ разразился хозяйственный кризисъ, равнаго которому по силѣ и по продолжительности раньше еще не знавали. Онъ продолжался до второй половины восьмидесятыхъ годовъ. Нищета въ пролетарскихъ и въ мелкобуржуазныхъ кругахъ и уныніе среди капиталистовъ, вызванныя этимъ кризисомъ, еще болѣе обострялись дѣйствіемъ конкурренціи въ области торговли средствами существованія со стороны Америки и Россіи, которая создавала сильную угрозу сельскому хозяйству Западной Европы.

Нищета среди крестьянъ, ремесленниковъ и рабочихъ, исчезающая увѣренность буржуазіи, свирѣпыя преслѣдованія соціалистовъ съ 1871 г. во Франціи, съ 1878 въ Германіи и не меньшія въ Австріи—все это, казалось, указывало, что міръ скоро придетъ къ новой катастрофѣ.

Но основы государственнаго устройства, созданныя за время съ 1848 по 1871 годъ, слишкомъ хорошо соотвѣтствовали потребностямъ народныхъ массъ и не могли быть разрушены уже въ то время. Напротивъ того, чѣмъ болѣе грозной выступала опасность революціи, которая могла быть только пролетарской, антикапиталистической, тѣмъ тѣснѣе смыкались имущіе классы вокругъ правительства. Мелкая буржуазія и мелкое крестьянство пріобрѣли въ новыхъ своихъ политическихъ правахъ, а особенно въ избирательномъ правѣ, очень дѣйствительное орудіе, чтобы воздѣйствовать на правительства и требовать отъ нихъ всевозможныхъ преимуществъ. Тѣмъ охотнѣе прибѣ-

гали они къ полученію отъ правительствъ такихъ уступокъ взамѣнъ оказываемыхъ ему политическихъ услугъ, чѣмъ подозрительнѣе для нихъ былъ ихъ политическій союзникъ.

Такимъ образомъ недовольство въ широкихъ слояхъ населенія, порожденное экономическимъ застоемъ и политическимъ гнетомъ, вылилось лишь въ незначительное политическое движеніе, которое, какъ было уже замѣтно выше, выразилось сильнѣе всего въ паденіи Бисмарка (1890 г.), на ряду съ которымъ нужно еще упомянуть движеніе буланжизма во Франціи (1889 г.). Но этимъ окончилась даже *видимость* революціоннаго состоянія.

Какъ разъ къ моменту, когда начались эти политическія событія, окончился періодъ такъ долго длившагося промышленнаго застоя. Начался періодъ чрезвычайно оживленнаго экономическаго развитія, который съ небольшими перерывами продолжался до недавняго времени. Капиталисты и ихъ идеологи—профессора, журналисты и прочіе интеллигенты—обрѣли новое мужество. Ремесленникамъ досталась также нѣкоторая доля въ этомъ процвѣтаніи; улучшилось положеніе и земледѣлія. Въ лицѣ быстро растущаго промышленнаго населенія оно нашло новый рынокъ, особенно для такихъ продуктовъ, какъ мясо или молоко, которые менѣе подвергаются вліянію заграничной конкурренціи. Европейское земледѣліе спасли не аграрныя пошлины, ибо положеніе его улучшилось также и въ странахъ свободной торговли, какъ напр. Англія, Голландія и Данія; ему помогло быстрое развитіе промышленности съ конца восьмидесятыхъ годовъ.

Но это развитіе промышленности было само слѣдствіемъ быстраго расширенія мірового рынка, которое привело къ наводненію Европы хлѣбными продуктами далекихъ странъ и вызвало этимъ аграрный кризисъ. Это расширеніе мірового рынка явилось результатомъ развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ внѣ странъ Западной Европы.

Протяженіе желѣзныхъ дорогъ было (въ километрахъ):

	Въ 1880 г.	въ 1890 г.	въ 1906 г.	Приростъ съ 1880 г. по 1906 г. въ %%.
Въ Германіи . . .	33,634	42,869	57,376	70%
во Франціи. . . .	25,932	36,895	47,142	82%
въ Англіи. . . .	28,854	32,297	37,107	29%

Напротивъ того, протяженіе желѣзныхъ дорогъ было:

въ Россіи	22,664	32,390	70,305	210%
„ Британской Индіи.	14,772	27,316	46,642	215%
„ Китаѣ	11	200	5,953	54,000%
„ Японіи	121	2,333	8,067	6,666%
„ Америкѣ	171,669	331,599	473,093	176%
„ Африкѣ.	4,607	9,386	28,193	513%

Изъ этой таблицы ясно видно, насколько съ 1880, и особенно съ 1890 года развитіе желѣзно-дорожной сѣти въ новыхъ капиталистическихъ странахъ идетъ быстрѣе, чѣмъ въ старыхъ.

Въ то же время сильно выросъ морской торговый флотъ. Вмѣстимость паровыхъ судовъ была въ тоннахъ:

	1882 г.	1893 г.	1906 г.
Германія	249,000	783,000	2,097,000 (1907 г.).
Великобританія	3,700,000	6,183,000	9,606,514
Норвегія и Швеція . . .	140,000	392,000	1,240,000
Данія.	67,000	123,000	376,000
Франція	342,000	622,000	723,000
Соед. Штаты.	617,000	826,000	2,077,000 (1907 г.).
Японія	40,000	108,000	939,000

Эти цыфры показываютъ, что за послѣдніе 20 лѣтъ произошло сильное расширеніе мірового рынка, которое сдѣлало его способнымъ къ поглощенію громадныхъ массъ товаровъ. Во всѣхъ промышленныхъ странахъ на первый планъ выступилъ интересъ къ міровому рынку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересъ къ *колоніальной политикѣ*, какъ къ средству расширенія внѣшнихъ рынковъ. Правда, захватъ новыхъ заморскихъ владѣній, производившійся съ восьмидесятыхъ годовъ, имѣлъ мало общаго съ расширеніемъ мірового рынка. Новая колоніальная политика, которая велась съ этого времени, распространялась почти исключительно на Африку, какъ на единственную часть свѣта, гдѣ еще оставалось по понятіямъ европейскихъ великихъ державъ много „свободной“ земли, т.-е. такой, которая не принадлежала ни одной изъ сильныхъ державъ. Но стоитъ только взглянуть на выше приведенную таблицу расширенія желѣзно-дорожной сѣти, чтобы замѣтить, какъ мало участія приняла Африка въ этомъ расширеніи. Правда, протяженіе ея жел. дорогъ отъ 1880 г. по 1906 годъ возросло съ 4600 до 28,000 километровъ, но какъ малъ этотъ приростъ по сравненію съ увеличеніемъ длины этой сѣти для Азіи съ 16,000 до 88,000 и для Америки съ 171,000 до 473,000 километровъ! Да и въ самой Африкѣ львиная доля прироста приходится на долю не новыхъ колоній, пріобрѣтенныхъ послѣ восьмидесятыхъ годовъ, а на старыя колоніи и самостоятельныя государства, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Длина желѣзныхъ дорогъ въ километрахъ:

	1880 г.	1890 г.	1906 г.
Алжиръ.	1405	3104	4906
Египетъ.	1449	1547	5252
Абиссинія.	—	—	306
Капская земля.	1457	2922	5812
Наталь.	158	546	1458
Трансвааль	—	120	2191
Оранжевая республика	—	237	1283
Остальная Африка.	438	919	6985
Итого	4607	9395	28193

Итакъ только 7000 километровъ, четверть всѣхъ жел. дорогъ Африки, даже неполный одинъ процентъ (0,7%) жел. дорожной сѣти всего земного шара выпадаетъ на долю тѣхъ странъ, которыя — и опять таки не всѣ, а

только большею частью — были пріобрѣтены европейскими державами благодаря ихъ колоніальной политикѣ послѣдняго времени. Изъ этого видно, какъ мало способствовала эта колоніальная политика за послѣдніе двадцать лѣтъ расширенію мірового рынка и оживленію производства.

Но это оживленіе связано очевидно съ расширеніемъ внѣшнихъ рынковъ, которое въ свою очередь совпало съ новѣйшей колоніальной политикой, начавшейся съ восьмидесятыхъ годовъ. Поэтому буржуазія эту колоніальную политику поставила въ связь съ хозяйственнымъ оживленіемъ. Такимъ образомъ передъ буржуазіей европейскихъ державъ возникъ новый идеалъ; его она начала противопоставлять соціализму, тому самому соціализму, передъ которымъ многіе ея мыслители уже готовы были капитулировать въ восьмидесятыхъ годахъ. Этимъ новымъ идеаломъ явилось для нея включеніе заморскихъ колоній въ составъ европейскихъ метрополій. Это есть такъ называемый *имперіализмъ*.

Но имперіализмъ великой державы означаетъ ея стремленіе къ завоеваніямъ и ея враждебныя отношенія къ другимъ великимъ державамъ, которыя стремятся проводить такую же завоевательную политику въ тѣхъ же заморскихъ колоніяхъ. Онъ неосуществимъ безъ усиленныхъ вооруженій, безъ крупныхъ постоянныхъ армій и безъ флота, который былъ бы способенъ вступить въ вооруженную борьбу въ отдаленныхъ моряхъ.

До шестидесятыхъ годовъ включительно буржуазія была вообще противницей милитаризма, ибо она была противницей правительства. Она не любила постоянную армію, содержаніе которой стоитъ такъ безумно дорого, и которая представляла самую крѣпкую опору враждебнаго ей правительства. Буржуазная демократія признавала постоянную армію излишней, такъ какъ она, замкнувшись въ своей собственной странѣ, не хотѣла вести завоевательныхъ войнъ.

Но съ семидесятыхъ годовъ возрастаетъ у буржуазіи симпатія къ арміи не только въ Германіи и во Франціи, гдѣ война 1870 года сдѣлала военщину популярной: въ Германіи—за блестящія побѣды, доставленныя ею, а во Франціи—какъ средство предотвращать такія опустошенія, какія причинила ей эта война. И въ другихъ странахъ начинаетъ развиваться стремленіе къ усиленію армій, какъ къ средству подчиненія внутреннихъ и покоренія внѣшнихъ враговъ. Имущіе классы становятся сторонниками милитаризма по мѣрѣ того, какъ улучшаются ихъ отношенія съ правительствомъ. Какъ бы сильно ни раздѣляло ихъ противорѣчіе ихъ интересовъ, въ своей готовности приносить жертвы милитаризму сходятся всѣ они, начиная съ самыхъ радикальныхъ демократовъ и кончая самыми консервативными феодалами. Пролетаріатъ въ лицѣ соціалъ-демократіи одинъ образуетъ оппозицію.

Такимъ образомъ сила правительствъ за послѣднія десятилѣтія возросла невѣроятно сильно, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможность низверженія этихъ правительствъ, возможность революціи, казалось, ушла безконечно далеко.

Роль радикальной оппозиціи, которую не надо смѣшивать съ враждебностью къ правительству лишенной власти, но стремящейся къ ней клики, все болѣе и болѣе переходила къ пролетаріату; но въ нѣкоторыхъ слояхъ послѣдняго со времени политическаго потрясенія 1890 года исчезли и революціонные порывы.

Это потрясеніе устранило худшія проявленія политической подчиненности пролетаріата въ Германіи и въ Австріи. Во Франціи еще ранѣе

прекратились послѣдніе остатки преслѣдованій, начатыхъ послѣ возстанія коммуны.

Правда, соціальныя реформы и рабочее законодательство не двигались съ мѣста. Эти реформы лучше всего подходятъ къ такому времени, когда промышленный капитализмъ развился уже настолько, что обнаружилъ свое, требующее немедленной помощи, пагубное вліяніе на здоровье населенія, но когда этотъ промышленный капиталъ еще не вполнѣ установилъ свое господство въ обществѣ и въ государствѣ, когда мелкая буржуазія, землевладѣніе и часть интеллигенціи находятся еще въ сильномъ противорѣчіи съ капиталомъ, и когда еще можно надѣяться, что при помощи кусочковъ рабочаго законодательства возможно удовлетворить пролетаріатъ, становящійся уже серьезной общественной силой. Въ такомъ положеніи Англія находилась уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Наиболѣе крупная мѣра ея рабочаго законодательства—десятичасовой рабочій день для женщинъ—былъ проведенъ въ это время (1847 г.).

Континентальная Европа значительно отстала отъ Англіи. Только въ 1877 г. былъ проведенъ въ Швейцаріи законъ объ одиннадцати часовомъ рабочемъ днѣ какъ максимальномъ для мужчинъ. Въ 1885 г. такой же рабочій день былъ введенъ въ Австріи. Эпоха политическаго оживленія послѣ паденія Бисмарка привела въ Германіи и во Франціи также къ нѣкоторымъ небольшимъ реформамъ. Въ 1891 г. былъ проведенъ въ Германіи законъ, который установилъ одиннадцати часовой рабочій день для женщинъ, до того времени не защищенныхъ закономъ. Въ 1892 г. такое же постановленіе введено во Франціи.

И это было все! Съ тѣхъ поръ не было сдѣлано на этомъ пути ни одного шага, о которомъ стоило бы упомянуть. Въ Германіи за всѣ 17 лѣтъ мы установили только десятичасовой рабочій день для женщинъ. Работники мужчины все еще остаются у насъ совсѣмъ безъ защиты.

Въ области рабочаго законодательства, какъ и въ области другихъ соціальныхъ реформъ, господствуетъ полный застой.

Но хозяйственный подъемъ, начавшійся съ конца восмидесятыхъ годовъ, предоставилъ цѣлому ряду слоевъ рабочаго класса возможность благодаря быстро повышающемуся спросу на рабочія силы безъ помощи рабочаго законодательства, путемъ „прямого дѣйствія“ профессіональныхъ союзовъ улучшать свое положеніе.

Этотъ ростъ спроса на рабочія руки хорошо виденъ изъ уменьшенія числа эмигрантовъ изъ Германіи.

Число выселившихся изъ Германіи было:

въ 1881 г.	220,902
„ 1887	104,787
„ 1891	120,089
„ 1894	40,964
„ 1900	22,309
„ 1907	31,696

Этотъ быстрый ростъ спроса на рабочія руки создалъ сравнительно благопріятное положеніе для многихъ слоевъ рабочихъ по отношенію къ капиталу. Профессіональные союзы, которые въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій новаго періода, начавшагося съ 1870 года, благодаря промышлен-

ному застою, политическому гнету въ Германіи, Австріи и во Франціи развивались крайне медленно, стали расти теперь очень быстро, особенно въ Германіи, экономическое развитіе которой было наиболѣе сильно. Германскіе союзы догнали и даже перегнали англійскіе союзы—этихъ старыхъ борцовъ рабочаго класса, и провели рядъ значительныхъ улучшеній, касающихся заработной платы, рабочаго времени и другихъ условій труда.

Въ Австріи, напримѣръ, число членовъ рабочихъ союзовъ съ 1892 г. по 1906 годъ возрасло съ 46,606 до 448,270 чел.; въ Германіи число членовъ центральныхъ союзовъ увеличилось съ 1893 г. по 1907 г. съ 223,530 до 1,865,506 чел. Напротивъ того съ 1892 по 1906 годъ число членовъ англійскихъ тредъ—юніоновъ возрасло только съ 1,500,000 до 2,106,283 чел. Въ Англіи увеличеніе было только на 600,000, въ то время какъ въ Германіи оно достигло 1,600,000.

Но германскіе союзы за этотъ періодъ времени превзошли англійскіе не только быстротою роста ихъ членовъ; германскіе союзы представляютъ болѣе высокую форму профессіональнаго движенія. Англійскіе тредъ-юніоны возникли сами собой (urwüchsig); они были дѣтьми голой практики; германскіе же союзы были основаны и руководимы соціалъ-демократіей, которой въ ея работѣ помогала теорія марксизма. Благодаря этому нѣмецкое профессіональное движеніе могло принять гораздо болѣе цѣлесообразныя формы. На мѣсто локальныхъ и разрозненныхъ по профессіямъ англійскихъ тредъюніоновъ соціалъ-демократія создала въ Германіи крупныя централизированныя объединенія, охватывающія цѣлыя отрасли промышленности. Она сумѣла ограничить взаимные споры отдѣльныхъ союзовъ о предѣлахъ ихъ компетенціи и избѣжать цехового окостѣненія и аристократизма англійскихъ тредъ-юніоновъ. Гораздо болѣе, чѣмъ англичане чувствовали себя дѣятели нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ защитниками всего пролетаріата, а не только тѣхъ рабочихъ, которые состояли членами ихъ союза. Только мало по малу удалось англичанамъ преодолѣть ту ограниченность движенія, которая была имъ передана исторіей. Руководство международнымъ профессіональнымъ движеніемъ все болѣе и болѣе переходитъ къ нѣмецкимъ союзамъ благодаря тому, что они до сихъ поръ—сознательно или безсознательно—болѣе руководствовались теоріей марксизма, чѣмъ ихъ англійскіе товарищи.

Это блестящее развитіе, особенно развитіе нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ, производило на пролетаріатъ, тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ болѣе останавливалось дѣло соціальныхъ реформъ въ парламентахъ, чѣмъ менѣе практическихъ успѣховъ достигалъ пролетаріатъ за это время путемъ своего политическаго дѣйствія.

Профессіональные союзы, а на ряду съ ними кооперативы, казались призванными безъ всякаго политическаго потрясенія, просто при помощи использованія данныхъ правовыхъ условій все болѣе и болѣе поднимать рабочій классъ, все болѣе стѣснять рамки дѣйствія капитала, ставить на мѣсто самодержавія капитала „конституціонную фабрику“ и, идя такимъ путемъ, постепенно, безъ крутой ломки и безъ катастрофъ, осуществить господство „промышленной демократіи“.

Но въ то время, когда казалось, что противорѣчіе классовыхъ интересовъ все болѣе смягчается, выростали уже элементы, которые должны были ихъ снова обострить.

8. Обостреніе классовыхъ противорѣчій.

Одновременно съ развитіемъ профессіональныхъ союзовъ шло образованіе другихъ могучихъ организацій, вступавшихъ въ столкновеніе съ первыми. Мы говоримъ о *союзахъ предпринимателей.*

Мы уже говорили выше объ *акціонерныхъ обществахъ.* Сперва они охватывали торговыя предпріятія и банки. Но съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія они все сильнѣе начали захватывать въ свои руки также и область производства. Мы уже указывали, какъ концентрація предпріятій въ немногихъ рукахъ, путь къ которой былъ проложенъ уже возникновеніемъ крупныхъ предпріятій, стала сильно ускоряться послѣ возникновенія акціонерныхъ компаній. Онѣ ускоряютъ экспропріацію вложенныхъ въ акціонерныя общества мелкихъ состояній крупными банкирами, которые могутъ гораздо лучше чѣмъ мелкіе „сберегатели", оріентироваться въ опасномъ фарватерѣ современной хозяйственной жизни, а отчасти даже сами умышленно создаютъ его водовороты и отмели. Съ другой стороны, благодаря акціонернымъ компаніямъ и мелкія состоянія, вложенныя въ акціи, поступаютъ въ полное распоряженіе тѣхъ же крупныхъ банкировъ, управляющихъ акціонерными обществами. Наконецъ, акціонерныя компаніи позволяютъ отдѣльнымъ магнатамъ крупныхъ банковъ, милліардерамъ и крупнѣйшимъ банкамъ подчинять своему господству такія предпріятія, которыя еще не попали въ ихъ полное владѣніе, и, такимъ образомъ, объединять ихъ въ одну общую организацію.

Благодаря всему этому мы видимъ, что, начиная съ девяностыхъ годовъ, во всѣхъ капиталистическихъ странахъ организаціи предпринимателей растутъ повсюду, какъ грибы, при чемъ онѣ, въ зависимости отъ законовъ страны, принимаютъ самыя разнообразныя формы. Но при этомъ всѣ онѣ ставятъ себѣ одинаковую цѣль: созданіе искусственной монополіи съ цѣлью повышенія прибыли. Это дѣлается отчасти путемъ повышенія цѣнъ продуктовъ, т.-е., путемъ усиленной эксплоатаціи потребителей, частью посредствомъ удешевленія стоимости производства, что достигается разнообразными способами, которые въ концѣ концовъ всѣ сводятся или къ увольненію рабочихъ — или къ усиленію ихъ эксплоатаціи, а часто и къ тому, и къ другому.

Еще легче, чѣмъ организація предпринимателей въ картели и тресты для повышенія цѣнъ товаровъ, совершается объединеніе ихъ въ союзы для усиленія эксплоатаціи рабочихъ. На этомъ послѣднемъ пути они не знаютъ никакой конкурренціи, не встрѣчаютъ никакого соперничества, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ всѣ они единодушны. Здѣсь объединены одинаковыми интересами не только всѣ предприниматели одной отрасли производства, но и предприниматели самыхъ разнообразныхъ отраслей промышленности. Если они на товарномъ рынкѣ, какъ покупатели и продавцы, стоятъ враждебно другъ противъ друга, то на рабочемъ рынкѣ они чувствуютъ себя братьями, какъ покупатели одного и того же товара—рабочей силы.

Эти организаціи предпринимателей ставятъ дѣятельности профессіональныхъ рабочихъ союзовъ все большія и большія препятствія. Науманъ преувеличиваетъ ихъ силу въ выше приведенныхъ цитатахъ. Нельзя сказать, что профессіональные союзы совершенно безсильны противъ нихъ. Но за послѣдніе годы развитіе профессіональныхъ союзовъ все болѣе замедляется; повсюду они принуждены переходить къ оборонѣ; все съ большимъ и боль

нимъ успѣхомъ стачкѣ противопоставляется локаутъ. Удобные моменты, когда профессіональные союзы могутъ вести побѣдоносную борьбу, становятся все болѣе рѣдкими.

Это положеніе дѣлъ ухудшается еще тѣмъ, что постоянно растетъ притокъ иностранныхъ рабочихъ, потребности которыхъ еще очень слабо развиты. Это является необходимымъ результатомъ промышленнаго подъема, который происходитъ оттого, что міровой рынокъ расширяется, вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ и развитія торговаго мореплаванія, которыя дѣлаютъ самые отдаленные уголки земного шара доступными для продуктовъ капиталистической промышленности. Въ этихъ мѣстностяхъ продукты капиталистическаго производства вытѣсняютъ произведенія туземныя, а именно, продукты крестьянскаго домашняго производства. Благодаря этому, съ одной стороны, у жителей этихъ мѣстностей развиваются новыя потребности, съ другой стороны, у нихъ возникаетъ потребность въ *деньгахъ*. Въ то же время вслѣдствіе паденія домашняго производства этихъ отсталыхъ мѣстностей освобождается много рабочихъ рукъ. У себя на родинѣ онѣ не находятъ работы, а тѣмъ болѣе работы, которая давала бы имъ денежный доходъ. Новые пути сообщенія—желѣзныя дороги и пароходы,—которые привозятъ имъ продукты капиталистическихъ странъ, доставляютъ имъ также возможность двинуться въ качествѣ живого товара въ эти промышленныя страны въ поискахъ хорошо оплачиваемой работы.

Обмѣнъ людей на товары есть неизбѣжное слѣдствіе расширенія рынка капиталистической промышленности. На первыхъ порахъ она высылаетъ свои продукты изъ городовъ въ деревню своей же страны и извлекаетъ оттуда для себя не только сырые матеріалы, и средства потребленія, но и рабочія силы; но когда промышленная страна становится страной, экспортирующей товары, то она для людей вмѣстѣ съ тѣмъ является страной импортирующей людей. Таковой была вначалѣ Англія, куда въ первой половинѣ прошлаго столѣтія изъ Ирландіи выселялось много рабочихъ.

Конечно, этотъ притокъ отсталыхъ элементовъ представляетъ серьезное препятствіе для классовой борьбы, но онъ неизбѣжно связанъ съ развитіемъ капитализма. Нельзя подобно современнымъ „реальнымъ политикамъ“ оцѣнивать это развитіе промышленности, какъ явленіе, благопріятное для пролетаріата, а приливъ въ страну иностранныхъ рабочихъ, какъ явленіе вредное, которое не имѣетъ съ первымъ ничего общаго. Всякій экономическій прогрессъ при господствѣ капитализма связанъ съ какимъ нибудь явленіемъ, невыгоднымъ для пролетаріата. Если американскіе рабочіе противятся переселенію въ Америку японцевъ и китайцевъ, то они должны также противиться и тому, чтобы американскіе пароходы ввозили американскіе товары въ Японію и въ Китай, и тому, чтобы тамъ строились на американскія деньги желѣзныя дороги. Одно неразрывно связано съ другимъ.

Ввозъ иностранныхъ рабочихъ есть одно изъ средствъ ухудшенія положенія пролетаріата, такъ же, какъ введеніе машинъ, замѣна мужской работы женской, обученныхъ рабочихъ—необученными. Но неблагопріятное дѣйствіе этого ввоза должно приводить не къ борьбѣ противъ иностранныхъ рабочихъ, а къ борьбѣ противъ господства капитала; оно должно заставить отказаться отъ иллюзіи, что быстрое развитіе капиталистической промышленности можетъ доставить рабочимъ длительныя выгоды. Эти выгоды бываютъ всегда скоропроходящими. Вслѣдъ за ними неизбѣжно приходитъ горькое разочарованіе. Это ясно видно и въ разсматриваемомъ нами случаѣ.

Выше мы видѣли, какъ сильно развилась эмиграція изъ Германіи за послѣдніе двадцать лѣтъ. Но въ то же время возросло и число эммигрантовъ въ Германію. Ихъ насчитывалось:

въ 1880 г.	276,057	чел.
„ 1890 „	433,254	„
„ 1900 „	778,698	„
„ 1905 „	1,007,179	„

Счетъ производится всегда 1 декабря, т. е. въ то время, когда прекращаются работы въ сельскомъ хозяйствѣ и въ строительномъ дѣлѣ. Поэтому остаются несосчитанными многочисленные иностранные рабочіе, которые работаютъ въ Германіи только лѣтомъ, а осенью возвращаются къ себѣ на родину.

Затрудненіе профессіональной борьбы союзами предпринимателей и приливъ въ страну непритязательныхъ, неорганизованныхъ, беззащитныхъ иностранныхъ рабочихъ стали чувствоваться вдвое сильнѣе, когда началось повышеніе цѣнъ на продукты потребленія.

Для установленія жизненнаго уровня европейскихъ рабочихъ было чрезвычайно важно пониженіе цѣнъ на продукты потребленія, начавшееся, какъ мы указывали, съ семидесятыхъ годовъ. Оно повышало покупательную силу ихъ заработной платы и смягчало во время кризисовъ дѣйствіе ея пониженія, позволяло послѣ окончанія кризисовъ повышать реальную заработную плату быстрѣе, чѣмъ денежную, пока аграрныя пошлины не уничтожали эти благодѣтельныя дѣйствія низкихъ цѣнъ на средства существованія.

Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ цѣны продуктовъ потребленія стали снова повышаться.

Лучше всего можно прослѣдить движеніе ихъ въ Англіи, гдѣ на нихъ не оказываютъ никакого вліянія аграрныя пошлины. Согласно даннымъ Конрада, тонна пшеницы (1000 килограммовъ) стоила въ Англіи:

1871—75 гг.	246,4	марки
1876—80 „	206,8	„
1881—85 „	180,4	„
1886—90 „	142,8	„
1891—95 „	128,2	„
1896.	123,0	„

Напротивъ того, согласно даннымъ трехмѣсячника статистики Германской Имперіи (1908 г., № 4) за позднѣйшее время движеніе цѣнъ слѣдующее. Въ Ливерпулѣ лаплатская пшеница стоила въ іюлѣ—сентябрѣ:

1901 гг.	129,1	марки
1902 „	—	
1903 „	139,3	„
1904 „	152,1	„
1905 „	144,8	„
1906 „	138,0	„
1907 „	160,0	„
1908 „	176,0	„

Цѣны различныхъ годовъ колеблются, конечно, въ обѣ стороны въ зависимости отъ урожая. Но, повидимому, въ повышеніи цѣнъ продуктовъ потребленія мы имѣемъ здѣсь не преходящее, но длительное явленіе.

Банкротство русскаго сельскаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ превращеніе Соединенныхъ Штатовъ изъ аграрной страны въ промышленную заставляютъ думать, что постепенно изсякаетъ потокъ дешевыхъ средствъ существованія, направлявшійся въ Европу.

Въ Америкѣ, напр., производство пшеницы нѣсколько лѣтъ тому назадъ перестало возрастать. Оно составляло:

Годы:	Количество обработанной земли въ акрахъ.	Урожай въ бушеляхъ.	Средняя цѣна бушеля на 1 декабря.
1901	49,9 милл.	748 милл.	62,4 цента
1902	46,2 „	670 „	63,0 „
1903	49,5 „	638 „	69,5 „
1904	44,1 „	552 „	92,4 „
1905	48,9 „	693 „	74,8 „
1906	47,3 „	735 „	66,7 „
1907	45,2 „	634 „	87,4 „

Изъ этихъ данныхъ видно, что производство пшеницы скорѣе уменьшается, чѣмъ растетъ. И цѣны показываютъ рѣшительную тенденцію къ повышенію.

Въ томъ же направленіи, что и сокращеніе привоза средствъ существованія, дѣйствовали союзы предпринимателей, которые искусственно повышали цѣны товаровъ и подвоза.

Мы не говоримъ здѣсь объ аграрныхъ пошлинахъ, которыя со своей стороны чувствительно увеличивали обложеніе рабочихъ со стороны государства. Ко всѣму этому присоединился еще кризисъ, разразившійся въ концѣ 1907 г., приведшій къ страшной безработицѣ. Положеніе пролетаріата стало ужаснымъ. Но не слѣдуетъ ожидать, что по окончаніи кризиса рабочихъ ждетъ снова такое же благопріятное положеніе, какое было между 1905 и 1907 годами. Высокія цѣны на средства существованія останутся и даже поднимутся еще выше; притокъ дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ заграницы не прекратится; напротивъ того, послѣ улучшенія дѣлъ въ промышленности, онъ еще усилится. Кромѣ того союзы предпринимателей сильнѣе, чѣмъ когда либо, сожмутъ рабочихъ желѣзнымъ кольцомъ, которое будетъ невозможно разорвать средствами одной профессіональной борьбы.

Какъ бы ни были важны и необходимы профессіональные союзы, мы не должны ожидать, что они смогутъ путемъ одной профессіональной борьбы снова двинуть впередъ дѣло пролетаріата, какъ это имъ удалось за послѣдніе 12 лѣтъ. Мы должны даже считаться съ возможностью, что наши усилившіеся противники временно оттѣснятъ пролетаріатъ съ его позиціей.

Достойно вниманія, что уже въ послѣдніе года расцвѣта, когда промышленность работала во всю, когда раздавались постоянныя жалобы на недостатокъ рукъ, рабочіе уже не были въ состояніи повысить свою заработную плату, т. е. плату не въ деньгахъ, а въ средствахъ существованія; эта реальная заработная плата скорѣе даже уменьшалась. Это было доказано многими изслѣдователями для различныхъ слоевъ рабочаго населенія Германіи. Для *Америки* мы имѣемъ *оффиціальное признаніе* этого факта для всего рабочаго класса.

Съ 1890 рабочее бюро въ Вашингтонѣ ежегодно производитъ обслѣдованіе нѣкотораго числа предпріятій въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣдніе годы подверглись анкетѣ 4169 фабрикъ и мастерскихъ, на которыхъ были обслѣдованы высота заработной платы, рабочее время, домашній бюджетъ рабочихъ, характеръ ихъ потребленія и цѣны средствъ существованія. Полученныя при этомъ цифры могутъ быть сравниваемы между собою и показываютъ улучшеніе или ухудшеніе жизни рабочихъ.

Для каждой изъ отдѣльныхъ рубрикъ среднее за 1890—1899 годы принято за 100. Число 101 обозначаетъ такимъ образомъ улучшеніе на одинъ процентъ сравнительно со среднимъ за время съ 1890 по 1899 годъ; число 99—ухудшеніе на одинъ процентъ.

Бюро даетъ слѣдующія цыфры:

Годы.	Недѣльная зараб. плата, вполнѣ занятаго рабочаго.	Цѣны въ рознич. торговлѣ средствъ существованія, употребляемыхъ рабочими.	Покупательная сила недѣльной заработной платы.
1890	101,0	102,4	98,6
1891	100,8	103,8	97,1
1892	100,3	101,9	99,4
1893	101,2	104,4	96,9
1894	97,7	99,7	98,0
1895	98,4	97,8	100,6
1896	99,5	99,5	104,2
1897	99,2	96,3	103,0
1898	99,9	98,7	101,2
1899	101,2	99,5	101,7
1900	104,1	101,1	103,0
1901	105,9	105,2	100,7
1902	109,2	110,9	98,5
1903	112,3	110,3	101,8
1904	112,2	111,7	100,4
1905	114,0	112,4	101,4
1906	118,5	115,7	102,4
1907	122,4	120,6	101,5

Прежде всего эта таблица показываетъ намъ, какъ обстоитъ дѣло съ улучшеніемъ положенія пролетаріата, о которомъ говорятъ реформисты. Послѣдніе 17 лѣтъ [1]) были необыкновенно благопріятны для рабочаго класса; это были для Америки годы бурнаго промышленнаго развитія, которые, можетъ быть, никогда болѣе не повторятся. И нигдѣ рабочій классъ не пользуется такой свободой, какъ въ Америкѣ, нигдѣ рабочіе не выступаютъ

[1]) Не надо забывать, что брошюра была написана въ 1908-9 г.

такими реальными политиками, свободными отъ всякой революціонной идеологіи, которая могла бы отвратить ихъ отъ мелкой работы по улучшенію своего положенія. И все таки въ 1907 году, въ годъ промышленнаго подъема, когда денежная заработная плата въ среднемъ поднялась на 4 процента противъ предыдущаго года, реальная заработная плата была только весьма незначительно выше, чѣмъ въ 1890 году, когда промышленныя дѣла шли совсѣмъ не блестяще. Конечно, безработица и неувѣренность въ существованіи создаютъ рѣзкое различіе между кризисомъ и расцвѣтомъ промышленности, но покупательная сила недѣльной заработной платы вполнѣ занятаго рабочаго мало измѣнилась съ 1890 г. по 1907 годъ.

Денежная плата, конечно, значительно возросла. Во время депрессіи съ 1890 по 1894 г. она упала съ 101,0 до 97,7, т. е. болѣе чѣмъ на 3 процента, чтобы затѣмъ подняться къ 1907 году до 122,24, т. е. почти на 25 процентовъ.

Напротивъ того, цѣны *средствъ существованія* съ 1890 г. по 1896 годъ падали еще быстрѣе, чѣмъ денежная плата—со 102,4 до 95,5, т. е. почти на 7 процентовъ, такъ что покупательная сила недѣльной платы упала не въ такой степени, какъ денежный доходъ. Реальная плата съ 1890 г. по 1894 г. упала съ 98,6 до 98, т. е. только на 0,6 процента, въ то время какъ денежная плата за то же время уменьшилась на 3 процента. Съ 1894 по 1896 г. денежная плата растетъ съ 97,7 до 99, 5, а цѣны средствъ существованія за то же время продолжаютъ падать. Такимъ образомъ рабочій въ 1896 году доводитъ покупательную силу своей денежной платы до 104,2.

Но съ тѣхъ поръ его реальная плата не достигаетъ болѣе этой величины. Несмотря на расцвѣтъ промышленности реальная заработная плата въ теченіе *болѣе чѣмъ десяти лѣтъ* остается ниже, чѣмъ она была прежде. И это называютъ медленнымъ, но вѣрнымъ улучшеніемъ положенія рабочаго!

Точно также достойно вниманія, что въ періодъ наибольшаго оживленія промышленности, когда капиталисты получали крупнѣйшія прибыли, реальная заработная плата рабочихъ даже не оставалась на томъ же уровнѣ, а начала понижаться. Правда съ 1906 г. по 1907 г. денежная плата возросла съ 118,5 до 122,4, т.-е. почти на 4 процента, но цѣны средствъ существованія поднялись въ то же время со 115,7 до 120,6, т.-е. почти на 5 процентовъ, такъ что покупательная сила недѣльной заработной платы даже упала на одинъ процентъ. Но въ дѣйствительности положеніе еще хуже. Американскіе статистики совсѣмъ не склонны рисовать слишкомъ мрачными красками существующее положеніе вещей.

Это заставляетъ предвидѣть, что и послѣ окончанія кризиса, когда начнется періодъ процвѣтанія промышленности, пролетаріатъ не можетъ надѣяться на повтореніе такихъ же блестящихъ условій профессіональной борьбы, какія существовали еще такъ недавно.

Но мы не хотимъ этимъ сказать, что профессіональные союзы стали при такихъ условіяхъ безполезными или безмощными. Они по прежнему остаются самыми крупными массовыми организаціями пролетаріата, безъ которыхъ онъ обреченъ на полное обнищаніе. Измѣненіе ситуаціи не уменьшаетъ ихъ значенія, но требуетъ иныхъ методовъ борьбы. Тамъ, гдѣ они имѣютъ противъ себя крупныя организаціи предпринимателей, они ничего не могутъ сдѣлать съ ними путемъ прямой борьбы, но ихъ борьба противъ такихъ организацій становится еще болѣе могучей, она потрясаетъ все общество и все государство и оказываетъ вліяніе на правительства и на парламенты, если предприниматели не идутъ на уступки.

Стачки въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ союзы предпринимателей пріобрѣли полное господство, и которые имѣютъ большое

значеніе для всей хозяйственной жизни, все болѣе пріобрѣтаютъ *политическій* характеръ. Съ другой стороны все чаще складываются условія, при которыхъ въ чисто политической борьбѣ, напримѣръ, въ борьбѣ за избирательное право, рабочимъ приходится прибѣгать къ оружію массовой стачки.

Такимъ образомъ профессіональные союзы все чаще берутъ на себя политическія задачи; въ Англіи, какъ и во Франціи, въ Германіи, какъ и въ Австріи, они все болѣе вторгаются въ область политики. Въ этомъ заключается здоровое зерно синдикализма романскихъ странъ, но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе анархическаго происхожденія синдикализма это зерно глохнетъ среди плевелъ антипарламентаризма. „Прямое дѣйствіе“ профессіональныхъ союзовъ можетъ служить только *дополненіемъ и усиленіемъ, но не замѣной* парламентской дѣятельности рабочей партіи.

Центръ тяжести пролетарской борьбы еще болѣе, чѣмъ за послѣднія двадцать лѣтъ, передвигается теперь въ область *политики*. Вначалѣ вниманіе пролетаріата обращается, конечно, въ сторону соціальныхъ реформъ и рабочаго законодательства. Но здѣсь онъ наталкивается на всеобщій застой, который при данномъ соотношеніи силъ и при существующемъ государственномъ строѣ нельзя преодолѣть.

Подъ застоемъ надо понимать не полную остановку, которая невозможна въ такомъ быстромѣняющемся обществѣ, какъ современное, а только такой замедленный темпъ прогресса, который превращается въ полную остановку или даже въ попятное движеніе, если сравнить его темпъ съ экономическими переворотами или съ ростомъ эксплоатаціи. И это необыкновенно медленное движеніе впередъ приходится все болѣе подготовлять и вынуждать сильной профессіональной борьбой, тяжести и жертвы которой быстро растутъ и все болѣе начинаютъ перевѣшивать окончательные положительные результаты ея.

При этомъ не надо также забывать, что нашъ „реформистскій“ способъ борьбы не только укрѣпляетъ силы пролетаріата, но и все болѣе возбуждаетъ нашихъ противниковъ къ возрастающему энергичному сопротивленію. Чѣмъ болѣе борьба за соціальныя реформы превращается въ политическую борьбу, тѣмъ болѣе и союзы предпринимателей думаютъ о томъ, чтобы возстановить противъ рабочихъ и рабочихъ организацій парламенты и правительства и урѣзать политическія права пролетаріата.

Такимъ образомъ въ политической жизни снова выступаетъ на первый планъ борьба за политическія права, а вопросы о формахъ правленія и объ основахъ государственной жизни становятся главнѣйшими вопросами.

Противники пролетаріата все болѣе стараются ограничить его политическія права. Въ Германіи послѣ каждой крупной избирательной побѣды пролетаріата усиливаются угрозы замѣнить всеобщее и равное избирательное право плюральнымъ избирательнымъ правомъ*). Во Франціи и въ Швейцаріи военщина неистовствуетъ надъ стачечниками; въ Англіи и въ Америкѣ суды ограничиваютъ свободу дѣйствій пролетаріата, противъ котораго не хватаетъ мужества открыто выступить ни у парламента, ни у конгресса.

Но пролетаріатъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что онъ, по возможности, отражаетъ подобныя попытки заткнуть ему ротъ. Его положеніе будетъ дѣлаться все болѣе угрожаемымъ, если ему не удастся положить

---

*) Плюральнымъ избирательнымъ правомъ называется такое право, когда нѣкоторые привиллегированные избиратели имѣютъ не одинъ, а два, три или даже четыре голоса *(Прим. перев.)*.

новыя основы государственной жизни, которыя позволятъ ему навсегда подчинить государственный аппаратъ его классовымъ интересамъ. Если мы не будемъ говорить о Россіи, то болѣе всего это необходимо ему въ Германіи. Всеобщее избирательное право при выборахъ въ рейхстагъ становится все болѣе невыгоднымъ для городского пролетаріата. Раздѣленіе страны на избирательные округа осталось то же, что и въ 1871 году. Но мы уже видѣли, какъ измѣнилось съ тѣхъ поръ отношеніе между городомъ и деревней. Если въ 1871 году это отношеніе было еще таково, что двѣ трети населенія жили въ деревнѣ, а одна треть въ городахъ, то теперь это отношеніе перевернулось наоборотъ, а дѣленіе страны на избирательные округа осталось все то же. Оно все болѣе даетъ преимущества деревнѣ за счетъ городовъ. При послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ[1]) соціалъ-демократія собрала 29 процентовъ всѣхъ поданныхъ голосовъ, а получила только 10,8 депутатскихъ мѣстъ; напротивъ того, центръ собралъ только 19,4 процента всѣхъ голосовъ и 26,4 процента депутатскихъ мѣстъ, а консерваторы—9,4 процента голосовъ и 15,7 процентовъ депутатскихъ мандатовъ.

Обѣ послѣднія партіи вмѣстѣ не получили того числа голосовъ, какое имѣла одна соціалъ-демократія, но зато онѣ имѣютъ 42,1 процента депутатскихъ мѣстъ, т.-е. въ четыре раза болѣе, чѣмъ соціалъ-демократы. При пропорціональномъ представительствѣ соціалъ-демократія получила бы въ 1907 году 116 мандатовъ вмѣсто 43, а консерваторы и центръ вмѣстѣ 115 мандатовъ вмѣсто 164.

Дальнѣйшее существованіе современнаго дѣленія страны на избирательные округа означаетъ тоже, что плюральное избирательное право для отсталыхъ слоевъ населенія; неравенство избирательнаго права растетъ изъ года въ годъ въ той же мѣрѣ, въ какой увеличивается городской пролетаріатъ.

Къ тому же существующій способъ подачи голосовъ ставитъ пролетаріатъ деревень и мелкихъ городовъ въ политическую зависимость отъ господствующихъ классовъ почти въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ находится въ области экономической, такъ какъ употребляемые теперь конверты охраняютъ тайну голосованія еще меньше, чѣмъ при ранѣе существовавшей системѣ.

Но, конечно, одно устраненіе этихъ недостатковъ дѣлу не поможетъ. Что можетъ дать намъ увеличеніе нашего вліянія и нашей силы въ рейхстагѣ, если самъ рейхстагъ не имѣетъ ни силы, ни вліянія. Эта сила должна еще быть имъ завоевана; долженъ быть введенъ дѣйствительно парламентарный режимъ; управленіе Германіей должно перейти въ руки рейхстага.

Но рейхстагъ страдаетъ не только потому, что имперское правительство независимо отъ него. Не менѣе страдаетъ онъ и отъ того, что Германія не есть еще дѣйствительно единое государство. Компетенція рейхстага крайне ограничена; на каждомъ шагу онъ наталкивается на самостоятельность отдѣльныхъ государствъ, на ихъ правительства и ландтаги съ ихъ ограниченнымъ партикуляризмомъ. Съ мелкими государствами, конечно, легко было бы справиться, но на пути рейхстага стоитъ крупная сила — *Пруссія* съ ея трехкласснымъ избирательнымъ закономъ. Прусскій партикуляризмъ долженъ быть разбитъ прежде всего; прусскій ландтагъ долженъ перестать быть убѣжищемъ всякой реакціи. Завоеваніе равнаго избирательнаго права съ тайнымъ голосованіемъ для сѣверо-германскихъ ландтаговъ, и прежде всего для Пруссіи, а на ряду съ этимъ преобразованіе рейхстага въ дѣйствительно

---

[1]) Каутскій имѣетъ въ виду выборы 1907 года *(Прим. перев.)*.

правящую силу относятся къ числу настоятельнѣйшихъ политическихъ задачъ современности.

Но если бы и удалось превратить такимъ путемъ Германію въ демократическое государство, то этого было бы еще недостаточно, чтобы расчистить путь для пролетаріата. Пусть нѣмецкій пролетаріатъ, который въ настоящее время образуетъ уже большинство населенія, возьметъ въ свои руки кормило правленія; это мало поможетъ ему, если государство не располагаетъ достаточно крупными средствами, необходимыми для осуществленія соціальныхъ реформъ.

Но въ настоящее время всѣ средства государства поглощаются *милитаризмомъ* и *маринизмомъ*. Постоянный ростъ расходовъ на армію и флотъ служитъ причиной того, что современное государство не выполняетъ даже такихъ культурныхъ задачъ, разрѣшенія которыхъ настоятельнѣйшимъ образомъ требуютъ интересы не только пролетаріата, но и всего населенія, какъ, напр., реформа народнаго образованія, улучшеніе путей сообщенія—дорогъ и каналовъ—и т. п. реформъ, которыя очень сильно подняли бы производительность страны и ея способность къ конкурренціи, а потому требуются даже съ точки зрѣнія чисто капиталистическихъ интересовъ.

Но на подобныя предпріятія денегъ не хватаетъ, такъ какъ армія и флотъ поглощаютъ всѣ средства и будутъ поглощать ихъ все болѣе, пока существуетъ современный строй.

Необходимо *уничтоженіе постоянной арміи и разоруженіе* для того, чтобы государство могло осуществить крупныя соціальныя реформы. Даже буржуазные элементы общества все болѣе признаютъ это, но они неспособны провести такое требованіе. Болтовня о мирѣ на манеръ Зутнеръ не подвигаетъ ихъ ни на шагъ по этому пути.

Современныя вооруженія есть прежде всего слѣдствіе *колоніальной политики* и *имперіализма;* безполезно вести пропаганду мира, пока политика эта продолжаетъ существовать. Кто хочетъ колоніальной политики, тотъ долженъ также хотѣть роста милитаризма и маринизма, ибо было бы нелѣпостью ставить себѣ извѣстную цѣль и отрицать средства къ ея достиженію. Надъ этимъ должны подумать тѣ изъ нашихъ друзей, которые мечтаютъ о мирѣ всего міра и о разоруженіи, присутствуютъ на всевозможныхъ буржуазныхъ мирныхъ конгрессахъ и въ то же время признаютъ необходимость колоніальной политики, конечно этической, соціалистической колоніальной политики. Они походятъ на тѣхъ прусскихъ прогрессистовъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, которые, какъ *буржуазные* политики, боялись революціи и стремились къ объединенію Германіи не путемъ революціи, а черезъ посредство побѣдоносной монархіи Гогенцоллерновъ, и которые въ то же время, какъ *демократическіе* политики, старались ограничить милитаризмъ и отказывали Гогенцоллернамъ въ военныхъ средствахъ для выполненія ихъ задачи. Они разбивались о свое собственное противорѣчіе.

Кто стремится къ колоніальной политикѣ, тотъ долженъ также поддерживать и милитаризмъ. Кто ведетъ борьбу противъ послѣдняго, тотъ долженъ также убѣждать народъ въ безполезности и вредѣ колоніальной политики.

При существующемъ положеніи дѣлъ это есть настоятельнѣйшая политическая задача борющагося пролетаріата, это есть та „положительная“ политика, которую онъ долженъ дѣлать. Прежде чѣмъ будетъ разрѣшена эта задача, онъ не можетъ надѣяться вести какую-либо широкую „реформистскую“ политику въ виду роста союзовъ предпринимателей, вздорожанія средствъ существованія, притока къ промышленности новыхъ низко стоящихъ рабо-

чихъ слоевъ, всеобщаго застоя въ области соціальныхъ реформъ и роста государственныхъ расходовъ.

Реформа избирательнаго права для выборовъ въ рейхстагъ, завоеваніе всеобщаго избирательнаго права съ тайнымъ голосованіемъ для ландтаговъ Пруссіи и Саксоніи, завоеваніе для рейхстага господства надъ правительствомъ и надъ ландтагами отдѣльныхъ государствъ—таковы задачи, встающія спеціально передъ нѣмецкимъ пролетаріатомъ, который долженъ теперь вести борьбу за полную демократію и за государственное единство. Борьба же противъ имперіализма и противъ милитаризма составляетъ задачу всего международнаго пролетаріата.

Нѣкоторые полагаютъ, что разрѣшеніе этихъ задачъ не подвинетъ насъ слишкомъ далеко. Развѣ Швейцарія не представляетъ государства, въ которомъ выполнены всѣ указанныя выше условія: самая полная демократія, система народной милиціи и отсутствіе какой-либо колоніальной политики? А между тѣмъ и въ Швейцаріи соціальная политика не движется впередъ, а пролетаріатъ эксплоатируется и угнетается капиталистами такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Нужно прежде всего замѣтить, что Швейцарія не избѣжала той системы усиленнаго вооруженія, которая господствуетъ повсюду вокругъ нея. Наоборотъ, она усиленно вооружается и тратитъ на это не мало денегъ. Часть военныхъ расходовъ оплачивается кантонами; несмотря на это расходы союзнаго правительства росли слѣдующимъ образомъ:

1875 гг.	39	милл. франковъ
1885 „	41	„ „
1895 „	79	„ „
1905 „	117	„ „
1906 „	129	„ „
1907 „	139	„ „

Спеціально *военные расходы* растутъ необыкновенно быстро, также какъ и таможенные доходы. Они составляли:

Годы:	Расходы союзнаго правительства на армію.	Доходы департамента финансовъ и пошлинъ.
1895	23 милліона	4 милліона
1905	31 „	64 „
1906	35 „	62 „
1907	42 „	63 „

Если отбросить доходы и расходы почтъ и телеграфовъ, которые почти покрываютъ другъ друга (59 мил. расходовъ и 63 мил. доходовъ), то мы получимъ для 1907 года 83 мил. доходовъ, изъ которыхъ 73 мил. идутъ отъ пошлинъ[1]) и 80 мил. расходовъ, изъ которыхъ 42 мил. идутъ на армію и 6 мил. на уплату процентовъ по государственному долгу.

Итакъ, даже въ Швейцаріи милитаризмъ поглощаетъ львиную долю государственныхъ доходовъ, и его требованія быстро растутъ.

Существуетъ громадное различіе между тѣмъ положеніемъ, когда какое-нибудь право получается по наслѣдству или по дару, или когда его надо еще завоевать упорной борьбой, полной жертвъ.

---

[1]) Въ предыдущей таблицѣ доходы отъ пошлинъ указаны въ 63 мил. *(Прим. перев.)*.

Никто не будетъ такъ наивенъ, чтобы утверждать, будто мы незамѣтно и безъ борьбы можемъ изъ царства абсолютизма и милитаризма перейти въ демократическій строй, изъ стремящагося къ завоеваніямъ имперіализма „врости“ въ союзъ свободныхъ народовъ. Понятіе „врастанія“ могло возникнуть лишь въ то время, когда думали, что все дальнѣйшее развитіе будетъ совершаться исключительно на экономической почвѣ, что не потребуется никакихъ измѣненій въ политическихъ соотношеніяхъ силы и въ политическихъ учрежденіяхъ. Если же становится яснымъ, что настоятельно необходимы подобныя измѣненія для того, чтобы пролетаріатъ могъ итти далѣе по пути экономическаго подъема, то этимъ указывается необходимость политическихъ битвъ и переворотовъ.

Пролетаріатъ долженъ сильно вырости во время этихъ битвъ. Онъ не можетъ побѣдить въ этихъ битвахъ, не можетъ достигнуть вышеуказанныхъ цѣлей — господства демократіи и устраненія милитаризма, — пока онъ не завоюетъ себѣ господствующаго положенія въ государствѣ.

Поэтому завоеваніе демократическаго строя и устраненіе милитаризма въ современномъ крупномъ государствѣ должны привести къ совершенно другимъ послѣдствіямъ, чѣмъ перешедшая по наслѣдству отъ прошлаго система народной милиціи и республиканскія учрежденія въ Швейцаріи.

И въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе эти измѣненія будутъ завоеваны силами одного только пролетаріата. А у него нѣтъ надеждъ имѣть вѣрныхъ товарищей въ наступающихъ битвахъ. Прежде мы расчитывали на союзниковъ изъ буржуазнаго лагеря, а именно на мелкую буржуазію и на мелкихъ крестьянъ. Мы уже видѣли, какъ Марксъ и Энгельсъ долго надѣялись, что мелко-буржуазная демократія приметъ участіе хотя бы въ началѣ революціи, какъ она это сдѣлала въ 1848 г. и въ 1871 г. въ Парижѣ. Когда демократическія партіи и демократическіе политики стали все рѣшительнѣе отказываться отъ этой роли, мы, марксисты, все еще надѣялись привлечь къ себѣ крупныя массы мелкой буржуазіи и мелкаго крестьянства и заинтересовать ихъ въ нашихъ революціонныхъ цѣляхъ. Эти ожиданія нашли себѣ выраженіе въ моей выше цитированной статьѣ 1893 года; еще сильнѣе выражены они въ Энгелевскомъ „введеніи“, написанномъ въ 1895 году:

„Если дѣло будетъ итти такъ же, то къ концу столѣтія мы завоюемъ большую часть *среднихъ слоевъ* общества, большую часть мелкихъ буржуа и мелкихъ крестьянъ и станемъ рѣшительной силой въ странѣ“.

Эти ожиданія не исполнились, и это еще разъ показываетъ, что мы, марксисты, тогда ошибаемся въ нашихъ ожиданіяхъ или „пророчествахъ“, когда мы переоцѣниваемъ революціонныя настроенія мелкой буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, насколько справедливъ упрекъ, что мы изъ демократическаго фанатизма изгоняемъ такіе элементы изъ партіи. Если Энгельсъ въ 1894 г. выступилъ противъ французской аграрной программы, а годъ спустя я противъ нѣмецкой, то это произошло не потому, что мы считали излишнимъ привлеченіе крестьянъ, но только оттого, что мы считали невѣрнымъ предлагаемый способъ ихъ привлеченія. Съ тѣхъ поръ наши товарищи во Франціи, Австріи и Швейцаріи имѣли удовольствіе испробовать этотъ способъ привлеченія крестьянства, но усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ.

Тоже произошло и съ мелкой буржуазіей. О широкихъ кругахъ среднихъ слоевъ населенія можно сказать, что, какимъ бы способомъ ни велась среди нихъ соціалистическая пропаганда, въ настоящее время намъ привлечь ихъ къ себѣ труднѣе, чѣмъ когда либо. Это убѣжденіе не результатъ марксистской „ортодоксальности“, ибо мы видѣли, что марксизмъ грѣшилъ слишкомъ большими, а не слишкомъ малыми надеждами въ этомъ отношеніи;

оно есть результатъ нашихъ горькихъ опытовъ, сдѣланныхъ за послѣдніе годы. Нашъ марксистскій „фанатизмъ догмы“ игралъ здѣсь роль лишь постольку, поскольку онъ помогъ намъ признать и понять эти опыты, т.-е. выяснить ихъ причины, что является необходимымъ условіемъ веденія плодотворной „реальной политики“.

Здѣсь мы снова видимъ, что поскольку наша „положительная“ работа укрѣпляетъ пролетаріатъ, тѣмъ самымъ обостряетъ его противорѣчія по отношенію къ другимъ классамъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей ожидали, что картели и ринги[1]) капиталистовъ, а также и таможенная политика, отъ которыхъ такъ сильно страдаютъ средніе слои, приведутъ ихъ въ наши ряды. На дѣлѣ же произошло противоположное. Аграрныя пошлины и союзы предпринимателей появились вмѣстѣ съ профессіональными союзами. Тогда *ремесленники* почувствовали себя стѣсненными сразу со всѣхъ сторонъ. Пошлины и союзы предпринимателей поднимали цѣны средствъ существованія и сырыхъ матеріаловъ, въ то время какъ профессіональные союзы повышали заработную плату. Правда, это повышеніе заработной платы было въ большей своей части поднятіемъ только денежной, а не реальной платы, такъ какъ цѣны повышались сильнѣе, чѣмъ плата. Тѣмъ не менѣе, борьба за заработную плату ожесточала мелкихъ мастеровъ, и они видѣли въ союзахъ предпринимателей и въ партіяхъ, стоящихъ за повышеніе пошлинъ, своихъ союзниковъ въ борьбѣ противъ организованныхъ рабочихъ. Эти послѣдніе, а не пошлины и картели, были въ ихъ глазахъ виновны не только въ повышеніи денежной заработной платы, но и за вздорожаніе сырыхъ матеріаловъ и за повышеніе квартирной платы, такъ какъ все это было результатомъ повышенія заработной платы.

Мелкіе торговцы также почувствовали себя стѣсненными вслѣдствіе повышенія цѣнъ, такъ какъ покупательная сила ихъ кліентовъ—по большей части рабочихъ—не росла въ той же мѣрѣ. Они направили свой гнѣвъ тѣмъ охотнѣе противъ рабочихъ, а не противъ таможенной политики и союзовъ предпринимателей, что рабочіе для устраненія дороговизны вступили на путь устраненія торговаго посредничества при помощи потребительныхъ кооперативовъ.

Повышеніе цѣнъ всегда обостряетъ противорѣчіе между покупателями и продавцами. Оно обострило поэтому противорѣчіе между пролетаріями, какъ покупателями средствъ потребленія, и *крестьянами*, какъ продавцами ихъ.

Не надо забывать, что рабочій играетъ на товарномъ рынкѣ особенную роль. Всякій другой выступаетъ тамъ не только какъ покупатель, но и какъ продавецъ продуктовъ. Что при всеобщемъ повышеніи цѣнъ онъ теряетъ при покупкѣ однихъ товаровъ, то онъ выигрываетъ при продажѣ своихъ товаровъ. Только рабочій является на міровой рынокъ, не какъ продавецъ, а исключительно, какъ покупатель продуктовъ. Его рабочая сила есть товаръ особеннаго вида; цѣна ея опредѣляется особыми законами, такъ что измѣненія величины заработной платы не слѣдуютъ немедленно вслѣдъ за измѣненіями цѣнъ всѣхъ другихъ товаровъ. Рабочая сила не есть продуктъ, который можно отдѣлить отъ человѣка. Напротивъ того, она неразрывно связана съ его жизнью. Ея цѣна опредѣляется физіологическими, психическими и историческими условіями, которыя не существуютъ для другихъ товаровъ и которыя вносятъ въ измѣненія денежной платы большую *устойчивость*, чѣмъ та, которая свойственна цѣнамъ продуктовъ. Только медленно слѣдуетъ заработная плата за ихъ колебаніями и только до извѣстной степени. Поэтому при

[1]) Картели и ринги—разные виды союзовъ капиталистовъ. *(Примѣч. перевод.)*.

пониженіи цѣнъ рабочій выигрываетъ болѣе, чѣмъ другой покупатель продуктовъ, а при повышеніи цѣнъ онъ болѣе теряетъ. Его точка зрѣнія на товарномъ рынкѣ стоитъ въ противорѣчіи съ точкой зрѣнія продавца. Хотя онъ и является производителемъ всего, онъ потребляетъ только часть имъ произведеннаго продукта и онъ смотритъ поэтому съ точки зрѣнія потребителя, а не производителя. Ибо продукты, которые онъ производитъ, принадлежатъ не ему, но его эксплоататору, капиталисту. Этотъ послѣдній является на товарномъ рынкѣ съ продуктами труда наемнаго рабочаго, какъ ихъ производитель и продавецъ. Рабочій же выступаетъ тамъ только какъ покупатель средствъ существованія.

Отсюда противорѣчіе его интересовъ съ интересами крестьянина, поскольку послѣдній выступаетъ противъ него, какъ продавецъ. Не только въ вопросѣ объ аграрныхъ пошлинахъ, но и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при попыткахъ поднятія цѣнъ на молоко, рабочіе самымъ энергичнымъ образомъ выступали противъ крестьянъ.

Но скольку крестьяне имѣютъ наемныхъ рабочихъ, они не менѣе раздражены повышеніемъ заработной платы и улучшеніемъ положенія рабочихъ въ промышленности. Время промышленнаго процвѣтанія, укрѣпленія профессіональныхъ союзовъ и ихъ побѣдъ было также временемъ недостатка рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Не только сельскохозяйственные рабочіе и служанки, но и дѣти самихъ крестьянъ втягивались въ промышленность, убѣгая отъ варварства условій работы въ сельскомъ хозяйствѣ. Виновны же въ происходившемъ отсюда недостаткѣ рабочихъ силъ въ деревнѣ оказались, конечно, проклятые „соци“.

Такимъ путемъ произошло то, что тѣ слои населенія, которые прежде образовывали ядро мелкобуржуазной демократіи и были энергичными дѣятелями революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и робкими, но все же союзниками революціоннаго пролетаріата, теперь повсюду превратились въ его злѣйшихъ враговъ. Такой переворотъ меньше всего коснулся Германіи, сильнѣе сказался онъ во Франціи, въ Австріи и въ Швейцаріи.

Въ крупныхъ государствахъ враждебность среднихъ слоевъ къ пролетаріату еще болѣе увеличивается противорѣчивостью ихъ отношеній къ имперіализму и колоніальной политикѣ. Кто не стоитъ на почвѣ соціализма, кто отвергаетъ соціализмъ, тому, если онъ не хочетъ впасть въ отчаяніе, не остается ничего другого, какъ вѣра въ колоніальную политику. Колоніальная политика остается единственной надеждой, которую капитализмъ можетъ еще внушить своимъ защитникамъ. Но съ колоніальной политикой неизбѣжно связано признаніе милитаризма и маринизма. Тѣ изъ среднихъ слоевъ, которые не стоятъ на точкѣ зрѣнія интересовъ ремесла, посреднической торговли и производства, средствъ существованія,—*интеллигенты*—поскольку они не перешли къ соціализму, отталкиваются отъ пролетаріата и отъ его борцовъ тѣмъ, что пролетаріатъ отвергаетъ имперіализмъ и милитаризмъ. Всѣ эти господа Бартъ, Брентано, Науманъ и другіе, которые такъ благосклонно относятся къ профессіональнымъ и къ кооперативнымъ организаціямъ пролетаріата, а также и къ его демократическимъ стремленіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ являются пламенными поклонниками флота и міровой политики и выступаютъ друзьями соціалъ-демократіи только до тѣхъ поръ, пока не заходитъ рѣчь объ имперіализмѣ и о его орудіяхъ.

Итакъ, повидимому, пролетаріатъ становится изолированнымъ, а его дѣйствія обрекаются на неудачу какъ разъ въ такой моментъ, когда онъ болѣе, чѣмъ когда либо, вынуждается на политическое выступленіе.

Но тѣмъ не менѣе именно политика имперіализма можетъ стать исходной точкой начала крушенія господствующаго строя.

9. Новый вѣкъ революцій.

Мы видѣли, какъ быстро растутъ въ Швейцаріи расходы на милитаризмъ; но это—лишь слабое отраженіе того, что затрачиваютъ на него большія военныя державы.

Обратимся къ Германіи. Тамъ израсходовано (согласно Статистическому Ежегоднику для Германской имперіи), въ милліонахъ марокъ на

	1873	1880/81	1891/92	1900	1908
Сухопутную армію	308	370	488	666	856
Флотъ	26	40	85	152	350
Управленіе колоніями . .	—	—	—	21	21
Пенсіонный фондъ	21	18	41	68	110
% государст. долга	—	9	54	78	156
Итого	355	437	668	985	1493
Ежегодн. увелич. расход .		12	21	35	64
Общій государственный расходъ	404	550	1118	2056 или 1640 [1])	2785
Ежегодное увеличеніе . .		21	52	58	91

Мы видимъ, какъ непрерывно и въ какомъ ускоренномъ темпѣ растутъ расходы; въ первое десятилѣтіе существованія Имперіи на 21 милліонъ, а въ послѣднее—на 91 мил. въ годъ. За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ ежегодное возрастаніе достигало даже 200 милліоновъ (1905 г.—2195; 1906 г.—2392; 1907 г.—2597; 1908 г.—2785 милліоновъ).

Это возрастаніе падаетъ главнымъ образомъ на расходы по вооруженію, и притомъ на флотъ больше, чѣмъ на сухопутную армію. При увеличеніи населенія Имперіи съ 1891 по 1908 годъ съ 50 до 63 милліоновъ, т.-е. на *одну четверть* расходы на сухопутную армію возросли за это время почти—*вдвое*, на пенсіонный фондъ и на проценты по государственному долгу почти—*втрое*, а по флоту—*вчетверо*. И это бѣшеное наростаніе не остановится до тѣхъ поръ, пока не будетъ *кореннымъ образомъ* измѣненъ существующій режимъ. Непрерывное развитіе техники, вносимое въ производство капиталистическимъ машинизмомъ и примѣненіемъ естественно-научныхъ знаній, овладѣваетъ и военной областью, создаетъ и въ ней постоянную конкурренцію

[1]) Съ 1900 года въ рубрикѣ расходовъ появляются расходы на почту, на государственные пути сообщенія и государственныя типографіи, до тѣхъ поръ не приводившіеся. Они составляли въ 1900 году 416 мил.

новыхъ изобрѣтеній, обезцѣненіе существующихъ, непрерывный ростъ вооруженій. Но, въ противоположность тому, что происходитъ въ промышленности, это ведетъ не къ увеличенію продуктивности труда, а лишь къ росту опустошеній во время войны и къ постоянному росту непроизводительныхъ тратъ во время мира.

Но каждое крупное государство вынуждено усиливать свое вооруженіе не только вслѣдствіе переворотовъ въ техникѣ, но и благодаря „міровой политикѣ“, влекущей за собою постоянное расширеніе области его господства или по меньшей мѣрѣ вліянія. Пока существуетъ „міровая политика“, это безумное соревнованіе будетъ возрастать до полнаго истощенія средствъ; а между тѣмъ имперіализмъ, какъ мы видѣли, есть единственная надежда, единственная идея, мерцающая въ будущемъ передъ взорами существующаго общества. Внѣ ея только одинъ исходъ—соціализмъ. И это безуміе будетъ расти до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не завоюетъ себѣ власть направлять внѣшнюю политику государства, не преодолѣетъ политики имперіализма, замѣнивъ ее соціализмомъ. Чѣмъ болѣе длится соревнованіе въ вооруженіяхъ, тѣмъ тяжелѣе бремя, налагаемое имъ на каждый народъ, тѣмъ упорнѣе старается каждый классъ переложить это бремя на другіе классы, тѣмъ сильнѣе обостряетъ это соревнованіе классовыя противорѣчія.

Въ Германской имперіи наибольшее бремя взваливается, разумѣется, на рабочихъ. Оно было уже достаточно тяжело даже въ періодъ промышленнаго расцвѣта, низкихъ цѣнъ на продукты потребленія, развитія профессіональныхъ союзовъ. Оно становится невыносимо въ періодъ кризиса, дороговизны и господства союзовъ предпринимателей.

Но ростъ налоговаго бремени не только уменьшаетъ доходъ рабочаго, покупную силу его заработка — онъ угрожаетъ также тому самому развитію промышленности, которому должна якобы способствовать міровая политика.

Наиболѣе опаснымъ соперникомъ для нѣмецкой промышленности являются Соединенные Штаты, на сторонѣ которыхъ огромный перевѣсъ, благодаря отсутствія у нихъ нѣмецкой покровительственной системы. Въ Америкѣ, правда, даже болѣе высокія покровительственныя пошлины, но въ *промышленности*, а не *въ земледѣліи*. Она располагаетъ наиболѣе дешевыми продуктами потребленія и сама производитъ почти все сырье. Кромѣ того, она пользуется еще тѣмъ преимуществомъ, что у нея нѣтъ сосѣдей съ сильными сухопутными арміями. Ей не приходится ежегодно отрывать отъ производства полмилліона людей для военщины.

Чѣмъ больше усиливается милитаризмъ въ Европѣ, тѣмъ больше возрастаетъ превосходство Соединенныхъ Штатовъ въ области промышленности, и тѣмъ болѣе замедляется экономическій прогрессъ въ Европѣ. Тѣмъ неблагопріятнѣе становится экономическое положеніе европейскихъ рабочихъ, и какъ бы для того, чтобы ускорить этотъ процессъ, на нихъ возлагаются самыя тяжелыя жертвы.

Правда, Соединенные Штаты также вступили на путь имперіализма, а, слѣдовательно, усиленнаго вооруженія. Со времени войны съ Испаніей растутъ и ихъ расходы на армію и флотъ. Однако, это вредитъ имъ меньше, чѣмъ европейскимъ великимъ державамъ, такъ какъ Соединеннымъ Штатамъ не приходится содержать у себя большую постоянную армію. На всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ имѣются всего 60.000 солдатъ. Какъ въ области промышленности, такъ и въ области вооруженія Соединенные Штаты могутъ дольше выдержать конкуренцію, не рискуя дойти до полнаго истощенія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ было:

Годы	Народонаселеніе въ милліонахъ.	Государств. долгъ въ мил. долларовъ.	Расходы на сухоп. армію въ мил. дол.	Расходы на флотъ въ мил. дол.	Стоимость вывоза		
					предмет. продоволь.	сырья	продукт. обрабат. промышл.
					въ процентахъ къ общему экспорту.		
1880	50	1919	38	14	56	29	15
1890	63	890	45	22	42	36	21
1900	76	1101	135	56	40	24	35
1907	86	879	123	97	28	32	40

Какъ видно изъ этой таблицы, государственный долгъ Соединенныхъ Штатовъ уменьшается. Правда, въ 1900 году онъ возросъ, какъ и расходъ на армію, въ связи съ испанской войной. Но затѣмъ удалось его снова сократить, несмотря на растущія затраты на армію и флотъ. Расходы на сухопутное войско были на 1908 годъ высчитаны въ 190 милліоновъ долларовъ, или 800 милліоновъ марокъ, почти то же, что и въ Германіи, правда, при населеніи въ 86 милліоновъ.

Таблица же экспорта указываетъ на то, какъ быстро растетъ въ Америкѣ вывозъ продуктовъ обрабатывающей промышленности, какъ она выступаетъ на міровой рынокъ все болѣе и болѣе въ качествѣ промышленной, а не аграрной страны.

Въ *Германіи* изъ общей цифры вывоза въ 7500 милліоновъ марокъ въ 1907 году пришлось на продукты обрабатывающей промышленности 5000 милліоновъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ изъ общей цифры вывоза туземныхъ продуктовъ въ 8000 милліоновъ марокъ (1,853 милліоновъ долларовъ) на долю продуктовъ обрабатывающей промышленности пришлось болѣе 3000 милліоновъ марокъ (740 милліоновъ долларовъ). Въ 1890 году цифра германскаго вывоза продуктовъ обрабатывающей промышленности достигла 2147 милліоновъ марокъ, а американскаго—лишь 800 милліоновъ марокъ круглымъ счетомъ (179 милліоновъ долларовъ). Итакъ, первый увеличился въ теченіе одного и того же времени на 150%, а второй на 300%.

Какъ видно, Соединенные Штаты уже значительно нагнали насъ въ области промышленности.

Положеніе таково: въ то время какъ Соединенные Штаты съ 1900 до 1907 года уменьшили свой государственный долгъ на 230 милліоновъ долларовъ, (1 милліардъ марокъ), Германія увеличила его за тотъ же промежутокъ времени на $1^1/_2$ милліарда. И какъ разъ теперь, когда пишутся эти строки, вырабатывается планъ новаго колоссальнаго повышенія расходовъ и увеличенія налоговъ на полмилліарда марокъ.

Если это бремя упадетъ всего тяжелѣе на рабочій классъ, то оно будетъ давить также и на промышленность, затрудняя конкурренцію; это снова отразится на рабочихъ. На ихъ спинѣ разыгрывается эта борьба. Между тѣмъ, обремененіе рабочихъ не можетъ итти дальше извѣстнаго предѣла; такимъ образомъ, вооруженія въ концѣ концовъ мѣшаютъ даже и прогрессу промышленности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вооруженія все сильнѣе обостряютъ національныя противорѣчія и раздуваютъ пламя военной опасности, въ то время какъ они должны служить сохраненію мира.

Для каждаго правительства это непрерывное, все ускоряющееся вооруженіе становится все невыносимѣе, но ни одинъ изъ господствующихъ классовъ не ищетъ причины этого въ міровой политикѣ, которой они придерживаются. Они и не могутъ искать ея въ этой политикѣ, потому что въ ней—послѣднее прибѣжище капитализма. Такимъ образомъ, каждый винитъ сосѣда; нѣмцы—англичанъ, англичане—нѣмцевъ. И тѣ, и другіе, становятся все нервнѣе и раздраженнѣе, что является лишнимъ побужденіемъ къ продолженію вооруженій съ возрастающей быстротой, пока наконецъ, не приходятъ къ тому заключенію, что лучше конецъ, полный ужаса, чѣмъ ужасъ безъ конца.

Эта ситуація уже давно привела бы къ войнѣ, какъ къ единственному помимо революціи выходу изъ этого безумнаго взаимнаго взвинчиванія государственныхъ затратъ, если бы революція не была еще болѣе неизбѣжнымъ слѣдствіемъ войны, чѣмъ вооруженнаго мира. Возрастающая сила пролетаріата, которая за три послѣднихъ десятилѣтія мѣшала возникновенію европейской войны, заставляетъ и теперь каждое правительство отступать передъ этимъ шагомъ. Но власти ведутъ дѣло къ такому положенію вещей, при которомъ ружья начнутъ стрѣлять сами собой.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и другой факторъ, еще болѣе, чѣмъ вооруженіе, призванный довести міровую политику до абсурда и отнять у капиталистическаго производства послѣднюю возможность дальнѣйшаго развитія.

Колоніальная политика или имперіализмъ основывается на предположеніи, что одни лишь европейскіе народы способны къ самостоятельному развитію. Люди другихъ расъ считаются дѣтьми, идіотами или вьючнымъ скотомъ, смотря по тому, обращаются ли съ ними съ большей или съ меньшей мягкостью. Они считаются во всякомъ случаѣ низшими существами, которыми можно управлять по произволу. Даже соціалисты исходятъ изъ этого взгляда, какъ только они хотятъ вести колоніальную—разумѣется, этическую—политику. Однако, дѣйствительность вскорѣ научаетъ ихъ тому, что основное положеніе нашей партіи о равенствѣ всѣхъ людей—не одни слова, а вполнѣ реальныя силы.

Правда, народы, находящіеся внѣ европейской цивилизаціи, были въ теченіе послѣдняго столѣтія почти беззащитны, неспособны къ длительному сопротивленію; но причина этого не въ томъ, что они являются низшими по природѣ, какъ думаетъ спесивый обскурантизмъ европейской буржуазіи, выражающійся у насъ въ ученыхъ фантазіяхъ расовой теоріи.

Эти народы просто были подавлены превосходствомъ европейской техники, а также и европейскаго генія, превосходство котораго, въ концѣ концовъ, опирается также на технику.

Внѣ европейскіе народы,—за исключеніемъ, можетъ быть, немногихъ совершенно отсталыхъ племенъ въ нѣсколько тысячъ душъ,—вполнѣ способны воспринять духъ европейской цивилизаціи; имъ не доставало до сихъ поръ лишь необходимыхъ для этого матеріальныхъ условій.

Распространеніе капитализма долгое время лишь очень немного измѣняло это положеніе вещей.

Капиталистическіе экспортеры въ мѣстности, лежавшія внѣ сферы европейской цивилизаціи (куда теперь относятся, конечно, Америка и Австралія), привозили сперва только *продукты* капиталистической промышлен-

ности, а не само капиталистическое *производство*. При этомъ они ограничивали сферу своей дѣятельности главнымъ образомъ водяными путями, мѣстностями вдоль береговъ морей и нѣкоторыхъ большихъ рѣкъ. Но за послѣднее поколѣніе, и особенно за послѣднія двадцать лѣтъ, произошелъ крутой поворотъ: помимо начала новой эры въ заморской завоевательной политикѣ, эти годы отмѣчены тѣмъ, что къ вывозу *продуктовъ* производства изъ промышленныхъ государствъ въ варварскія страны присоединился также и вывозъ средствъ передвиженія и орудій производства современной промышленности.

Мы видѣли выше, какіе быстрые успѣхи сдѣлало за послѣднее время развитіе путей сообщенія на востокѣ (включая сюда и Россію). Такъ же быстро развилась тамъ и капиталистическая промышленность—текстильная, добываніе желѣза, горное дѣло. Это послѣднее произвело полный переворотъ также и въ Южной Африкѣ.

На этомъ вывозѣ *орудій производства* основывался новый расцвѣтъ капиталистической промышленности во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ первую половину этого десятилѣтія ростъ вывоза *продуктовъ* производства, казалось, прекратился; неожиданный, блестящій подъемъ экспорта связанъ съ началомъ вывоза орудій производства. Это стало возможнымъ благодаря тому, что въ странахъ внѣевропейской цивилизаціи было положено начало крупной капиталистической промышленности и быстро уничтожены отжившія хозяйственныя отношенія.

Это, въ свою очередь, сдѣлало невозможнымъ сохраненіе на Востокѣ старыхъ понятій. Вмѣстѣ съ европейской промышленностью у варварскихъ до тѣхъ поръ народовъ развитіе духа внезапно поднялось до европейской высоты. Но не любовью къ Европѣ вѣяло тамъ. Новыя страны стали конкуррентами старыхъ, а конкурренты всегда враги. Возникновеніе европейскаго духа въ странахъ Востока сдѣлало эти послѣднія не друзьями, а лишь равноправными врагами Европы. Это обнаружилось не сразу. Мы видѣли выше, какую роль играетъ въ общественной жизни *сознаніе силы*, и какъ долго вновь нарождающійся классъ или народъ можетъ оставаться въ подчиненномъ положеніи, хотя онъ уже обладаетъ самостоятельной силой—правда, еще не сознанной. То же проявилось и здѣсь. Народы Востока бывали такъ часто побѣждаемы европейцами, что считали всякое сопротивленіе безполезнымъ. Европейцы держались того же взгляда. На этомъ основывалась ихъ колоніальная политика, при которой они распоряжались другими народами, торговали ими и обмѣнивались ими, какъ скотиной.

Но стоило японцамъ разбить ледъ, какъ это немедленно отразилось на всемъ Востокѣ. Вся восточная Азія, какъ и весь магометанскій міръ, поднялись для самостоятельной политики, для противодѣйствія всякому господству извнѣ.

Этимъ останавливается развитіе имперіализма. Онъ уже не можетъ двинуться съ мѣста. А между тѣмъ необходимо развивать его все далѣе по мѣрѣ того, какъ капитализмъ развивается и долженъ развиваться все далѣе.

Единственной областью для расширенія колоніальной политики остается теперь экваторіальная Африка, гдѣ лучшимъ союзникомъ туземцевъ является климатъ, гдѣ непримѣнимы европейскія войска, гдѣ европейцы должны вербовать мѣстныхъ уроженцевъ, вооружать и обучать ихъ, подготовляя тотъ моментъ, когда эти наемныя войска обратятся противъ своихъ же начальниковъ.

Въ Азіи и въ Африкѣ всюду распространяется духъ возмущенія, но распространяется также и употребленіе европейскаго оружія, и растетъ со-

противленіе европейской эксплоатаціи. Нельзя насаждать въ странѣ капиталистическую эксплоатацію, не сѣя тамъ въ то же время сѣмянъ возстанія противъ этой эксплоатаціи.

Сперва это проявляется въ постоянномъ усиленіи гнета колоніальной политики, въ ростѣ затратъ на нее. Наши колоніальные мечтатели утѣшаютъ насъ тѣмъ, что бремя, налагаемое на насъ теперь колоніями, дастъ намъ въ будущемъ богатые барыши. Въ дѣйствительности военныя издержки, которыя требуются для того, чтобы удерживать за собою колоніи, будутъ отнынѣ непрерывно расти. Но этимъ дѣло не ограничится. Большинство странъ Азіи и Африки идутъ къ положенію, когда кратковременныя возмущенія превратятся въ открытыя и длительныя и приведутъ, наконецъ, къ избавленію отъ чужеземнаго ига. Всего ближе къ этому—британскія владѣнія въ Остъ-Индіи; ихъ потеря была бы для Англіи равносильна банкротству Британской имперіи.

Мы уже замѣтили, что со времени русско-японской войны восточная Азія и весь магометанскій міръ поднялись для отраженія европейскаго капитализма. Въ этомъ случаѣ они борются съ тѣмъ же врагомъ, какъ и европейскій пролетаріатъ. Мы, конечно, не должны забывать, что, борясь съ тѣмъ же врагомъ, они борются за совершенно иныя цѣли. Они возстаютъ не для того, чтобы вести пролетаріатъ къ побѣдѣ надъ капиталомъ, а для того, чтобы внѣшнему капитализму противопоставить внутренній, національный. Мы не должны создавать себѣ по этому поводу никакихъ иллюзій.

Точно такъ же, какъ буры являются настоящими живодерами, а японскіе правители—злѣйшими преслѣдователями соціалистовъ, такъ и младотурки уже почувствовали себя обязанными выступить противъ бастующихъ рабочихъ.

Итакъ, къ противникамъ европейскаго капитализма внѣ Европы мы должны относиться не безъ критики.

Но это нисколько не измѣняетъ того факта, что они ослабляютъ европейскій капитализмъ и его правительства и вносятъ въ міръ элементъ политическаго броженія.

Мы видѣли, какъ въ Европѣ съ 1789 по 1871 годъ длилось это состояніе броженія до тѣхъ поръ, пока буржуазія повсюду не завоевала себѣ политическихъ условій, дѣлавшихъ возможнымъ ея быстрое развитіе. Подобный же періодъ постояннаго политическаго броженія наступилъ со времени русско-японской войны 1905 года для Востока. Народы восточной Азіи и магометанскаго міра, а также и Россіи вступаютъ теперь въ состояніе, во многомъ сходное съ состояніемъ западно-европейской буржуазіи въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка. Конечно, отношенія не вполнѣ тѣ же. Они измѣнились уже вслѣдствіе того, что міръ сталъ съ тѣхъ поръ старше на сто лѣтъ.

Политическое развитіе страны зависитъ не только отъ ея собственныхъ общественныхъ отношеній, но и отъ отношеній въ остальномъ, окружающемъ ее мірѣ, который на нее вліяетъ.

Различные классы въ Россіи, въ Японіи, въ Индіи, въ Китаѣ, въ Турціи, въ Египтѣ и т. д. могутъ находиться одинъ къ другому въ отношеніяхъ, подобныхъ отношеніямъ классовъ во Франціи до Великой революціи.

Но на нихъ вліяетъ опытъ классовыхъ битвъ, которыя съ тѣхъ поръ пережили Англія, Франція, и Германія. Съ другой стороны, ихъ борьба за благопріятныя условія національнаго капиталистическаго производства является въ то же время борьбой противъ иностраннаго капитала и его

господства,—борьбой, которую не пришлось вести народамъ Западной Европы въ революціонный періодъ 1789—1871 гг.

Хотя эти различія дѣйствуютъ такъ, что въ настоящее время на Востокѣ не попросту повторятся явленія, которыя пережилъ Западъ столѣтіемъ раньше; но сходство ситуацій достаточно велико, чтобы для Востока наступилъ подобнаго рода революціонный періодъ,—періодъ заговоровъ, государственныхъ переворотовъ, возстаній, реакцій, вновь подымающихся возстаній, постоянныхъ переворотовъ, которые будутъ длиться до тѣхъ поръ, пока Востокъ не добьется условій спокойнаго развитія и національной независимости, никѣмъ не угрожаемой.

Благодаря міровой политикѣ, Востокъ (употребляя это понятіе въ широкомъ смыслѣ), однако, такъ тѣсно связанъ съ Западомъ экономически и политически, что политическое безпокойство Востока вызоветъ таковое же и на Западѣ. Съ такимъ трудомъ достигнутое политическое равновѣсіе державъ начинаетъ расшатываться, благодаря неожиданнымъ измѣненіямъ, на которыя эти державы не имѣютъ никакого вліянія; проблемы, мирное разрѣшеніе которыхъ казалось невозможнымъ и которыя поэтому откладывались въ дальній ящикъ, какъ, напримѣръ, отношеніе къ балканскимъ государствамъ,—эти проблемы внезапно становятся на очередь и требуютъ своего разрѣшенія. Смятеніе, недовѣріе, всюду неувѣренность, вызванная усиленнымъ вооруженіемъ, и напряженная нервозность достигаютъ высшаго предѣла. Всемірная война подвигается угрожающе близко, но война означаетъ и революцію. Еще въ 1891 году Энгельсъ думалъ, что для насъ было бы большимъ несчастьемъ, еслибъ вспыхнула война, которая повлекла бы за собой революцію и поставила бы насъ у кормила правленія, ибо это было бы преждевременно. Нѣкоторое время пролетаріатъ могъ бы еще путемъ использованія данной государственной основы надежнѣе продвинуться впередъ, чѣмъ при рискѣ революціи, вызванной войной.

Съ тѣхъ поръ ситуація сильно измѣнилась. Пролетаріатъ въ настоящее время такъ окрѣпъ, что онъ съ большимъ спокойствіемъ можетъ ожидать надвигающейся войны. О *преждевременной* революціи не можетъ быть больше рѣчи въ то время, когда пролетаріатъ извлекъ изъ данной государственной основы столько силъ, сколько можно было изъ нея почерпнуть, и когда ея перестройка стала условіемъ его дальнѣйшаго подъема.

Пролетаріатъ всѣми силами ненавидитъ войну, онъ приложитъ всѣ усилія, чтобъ не дать подняться военному настроенію. Если, однако, война, несмотря на это, вспыхнетъ, то пролетаріатъ въ настоящее время является тѣмъ классомъ, который съ наибольшими надеждами можетъ ожидать ея исхода.

Съ 1891 года пролетаріатъ не только значительно выросъ въ численности, не только укрѣпился организаціонно—онъ выигралъ необыкновенно много въ смыслѣ *моральнаго превосходства*. Два десятилѣтія тому назадъ въ Германіи соціалъ-демократіи приходилось еще считаться съ великимъ престижемъ, который повелители имперіи завоевали въ борьбѣ за ее основаніе. Теперь отъ этого престижа ничего не осталось.

Съ другой стороны, чѣмъ больше сказывается банкротство идеи имперіализма, тѣмъ болѣе соціалъ-демократія становится той единственной партіей, которая еще борется за великую идею и великую цѣль и можетъ вызвать къ жизни всю направленную къ этой цѣли энергію и преданность.

Напротивъ того, въ рядахъ противниковъ, благодаря сознанію, что въ ихъ средѣ господствуетъ испорченность и бездарность, сѣется малодушіе и апатія. Они не вѣрятъ больше въ свое дѣло и въ своихъ вождей, которые

какъ разъ теперь, когда затруднительность положенія становится изо дня въ день все значительнѣе, все болѣе обнаруживаютъ свое безсиліе и свое полное ничтожество.

И это не случайность и не вина отдѣльныхъ личностей, это вытекаетъ изъ положенія вещей.

Здѣсь имѣютъ мѣсто разныя причины. Если классъ или государство переходитъ изъ стадіи революціонной въ стадію консервативную, если ему не приходится бороться за свое существованіе или за свое восхожденіе, если ему приходится удовлетворяться настоящимъ и искать при этомъ лишь незначительныхъ улучшеній, то это должно суживать умственный горизонтъ его вождей и кормчихъ. Ихъ интересы къ крупнымъ вопросамъ угасаютъ, и храбрость ихъ не возбуждается больше; напротивъ того, смѣлые мыслители и борцы признаются неудобными и отодвигаются на задній планъ. На передній планъ выступаютъ мелочное интриганство и малодушное безволіе.

Въ такомъ же направленіи дѣйствуетъ тотъ фактъ, что у государственныхъ дѣятелей и идеологовъ класса и государства, которымъ не приходится больше бороться за великія дѣла—что у этихъ людей безкорыстный интересъ къ общимъ заданіямъ класса и общества вытѣсняется интересомъ къ своей собственной личности. Стремящіяся къ власти личности не воодушевляются больше побужденіемъ творить великое и новое для общаго дѣла; они воодушевляются только стремленіемъ къ стяжанію богатства и власти. Эти ихъ стремленія находятъ свое завершеніе въ стремленіи власть имущихъ привлекать не тѣ силы, которыя были бы болѣе всего способны служить общему дѣлу, но тѣ, которые умѣютъ наиболѣе гибкимъ или занимательнымъ образомъ приспособиться къ личнымъ нуждамъ или наклонностямъ власть имущихъ.

Къ этимъ общимъ причинамъ моральной и интеллектуальной деградаціи всего имущаго на консервативную стадію теперь присоединяются еще особыя причины, которыя возникаютъ изъ своеобразія капиталистическаго строя.

Прежде эксплоатирующіе классы были и классами правящими. По крайней мѣрѣ верхи государственнаго аппарата они сохраняли для себя. Классъ капиталистовъ, однако, настолько занятъ своими дѣлами, что онъ предоставляетъ политику другимъ, которые, конечно, представляютъ собой не что иное, какъ его приказчиковъ; въ демократическихъ странахъ это—дѣловые политики, парламентаріи и журналисты, въ абсолютистскихъ странахъ это—придворные, а въ странахъ промежуточнаго типа—пестрая смѣсь этихъ элементовъ, причемъ преобладаютъ тѣ или другіе изъ нихъ.

Пока капиталистическая эксплоатація не представляетъ собой затрудненій, лозунгъ капитала—„копи“. И капиталъ старается внушить этотъ лозунгъ государственному управленію. Мелкая буржуазія волей-неволей остается вѣрной этому лозунгу; крупный капиталъ, напротивъ того, по мѣрѣ роста степени эксплоатаціи, практикуемой имъ, развиваетъ стремленіе къ блеску и расточительности, которыя пріобрѣтаютъ такой же бѣшеный темпъ, какъ состязаніе въ вооруженіи, и принимаютъ въ концѣ концовъ такія же безумныя формы.

Прежде господа, стоявшіе во главѣ государства, въ богатствѣ и роскоши оставляли за собой всѣхъ подданныхъ. Теперь политики и государственные мужи до самыхъ высокихъ ранговъ все болѣе уступаютъ въ этомъ отношеніи заправиламъ банковъ (haute finance). Увеличеніе за счетъ казеннаго сундука регулярныхъ доходовъ государственныхъ мужей затруднительно, и именно въ парламентарныхъ странахъ, гдѣ приходится считаться съ избирателями

и плательщиками податей, которые кричатъ о бережливости. Это тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе вооруженіе поглощаетъ весь приростъ государственныхъ доходовъ.

Если политики и государственные мужи хотятъ не отставать отъ роскошнаго образа жизни крупныхъ эксплоататоровъ, то имъ остается только рядомъ съ законными источниками прибѣгать къ незаконнымъ, путемъ использованія и проституированія своего вліянія на государственныя дѣла. Они используютъ знаніе государственныхъ тайнъ и свое вліяніе на государственную политику въ цѣляхъ биржевой спекуляціи; они эксплоатируютъ самымъ паразитическимъ образомъ гостепріимство крупныхъ эксплоататоровъ; они предоставляютъ этимъ эксплоататорамъ уплачивать за себя долги и, наконецъ, въ худшихъ случаяхъ попросту принимаютъ взятки, продавая этимъ свою политическую власть.

Это зло встрѣчается всюду, во всѣхъ капиталистическихъ государствахъ, съ крупными эксплоататорами. Оно постоянно захватываетъ прежде всего органы, политически наиболѣе вліятельные: въ демократическихъ государствахъ—парламентаріевъ и журналистовъ, въ абсолютистскихъ—придворныхъ. Это зло воспитываетъ всюду глубочайшую испорченность, которая тѣмъ быстрѣе разъѣдаетъ окружающее, чѣмъ сильнѣе вырастетъ капиталистическая эксплоатація и расточительность, а вмѣстѣ съ ними и потребности политиковъ и государственныхъ мужей, чѣмъ больше становятся сила и хозяйственныя функціи государственной власти.

Но не слѣдуетъ думать, что причастные къ коррупціи это всегда сознаютъ, или что всѣ политики и государственные мужи подкуплены господствующими классами. Это было бы преувеличеніемъ. Но *соблазнъ* коррупціей все болѣе увеличивается въ этихъ кругахъ; требуется все большая сила характера, чтобы не обольститься ею; этому соблазну поддаются тѣмъ легче, чѣмъ болѣе подготовлена атмосфера подкуповъ, чѣмъ болѣе развита и замаскирована его практика,—практика, которая даже не даетъ чувствовать лицу, охваченному коррупціей, его собственное паденіе.

Итакъ, мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ проблемы политики все болѣе усложняются, когда онѣ предъявляютъ государственнымъ дѣятелямъ все большія требованія въ знаніяхъ, въ добросовѣстности, въ дальновидности и въ рѣшительности,—среди господствующихъ классовъ въ той же мѣрѣ вмѣсто научной серіозности все болѣе выступаетъ пустая болтовня, вмѣсто добросовѣстности—легкомысліе; мѣсто неуклоннаго преслѣдованія отдаленной цѣли заступаютъ личныя стремленія и ограниченное интриганство; на мѣсто спокойной и рѣшительной твердости становится неудержимое шатаніе между вызывающей грубостью и трусливымъ отступленіемъ. И въ то же время развивается глубокопроникающія алчность и коррупція, которыя сказываются въ одномъ мѣстѣ въ панамскомъ скандалѣ, въ другомъ мѣстѣ въ союзѣ правителей съ мошенниками и почти всюду выражаются въ плутняхъ поставщиковъ военныхъ матеріаловъ,—господъ, которые въ одномъ случаѣ поставляютъ хрупкую броневую сталь и негодныя къ употребленію пушки, а въ другомъ случаѣ, насчитываютъ отечеству цѣны, двойныя по сравненію съ тѣми, какія они берутъ съ заграницы. Военныя поставки съ давнихъ поръ составляли средство обогащенія многихъ капиталистовъ, но поставщики военныхъ матеріаловъ еще никогда не стояли такъ близко къ правительствамъ, какъ теперь; они никогда еще не имѣли такого сильнаго вліянія на политику, рѣшающую вопросы войны и мира, какъ въ настоящее время.

И эти самые поставщики являются теперь крупнѣйшими промышленниками и величайшими эксплоататорами пролетаріата. Они чрезвычайно

заинтересованы въ безчеловѣчной войнѣ, какъ противъ внутренняго, такъ и противъ внѣшняго врага, они же обладаютъ величайшимъ вліяніемъ на правительства, которыя все чаще состоятъ изъ поверхностныхъ людей.

Поэтому каждое государство ежеминутно должно быть готово встрѣтить провокацію со стороны своего сосѣда, подвергнуться нападенію, которое можетъ повлечь за собой необозримыя бѣдствія. Къ такому же нападенію со стороны господствующихъ классовъ долженъ быть готовъ и пролетаріатъ въ каждомъ государствѣ. Все это можетъ вызвать новую оріентацію въ мелкой буржуазіи.

Моральное паденіе господствующихъ классовъ совершается, конечно, въ сферахъ, которыя не доступны народнымъ массамъ. Требуется катастрофа, какъ, напримѣръ, русско-японская война, чтобы обнаружилась вся гниль господствующей системы. Въ обычное время здѣсь прежде всего лишь тамъ и сямъ, благодаря особой неловкости, подымается краешекъ завѣсы, которая все стыдливо покрываетъ. Сознательныхъ пролетаріевъ подобное разоблаченіе мало трогаетъ. Они издавна стоятъ противъ господствующихъ классовъ, какъ враги и не обманываютъ себя насчетъ нравственныхъ качествъ послѣднихъ.

Другое дѣло—мелкая буржуазія. Чѣмъ больше она измѣняетъ своему демократическому прошлому, чѣмъ больше она прячется за правительствами и ожидаетъ отъ нихъ помощи, чѣмъ больше довѣрія она питаетъ къ нимъ, тѣмъ больше ея вѣра въ несокрушимость правительствъ, тѣмъ больше ея ужасъ, когда ихъ моральное паденіе становится достояніемъ гласности, и когда престижъ расшатывается въ корнѣ.

Одновременно съ этимъ растетъ угнетеніе мелкой буржуазіи, вызываемое крупными капиталистическими рингами и требованіями, которыя государство предъявляетъ къ ея кошельку. Это не увеличиваетъ ея довѣрія къ господствующимъ классамъ.

Но мелкая буржуазія должна выйти изъ своего убѣжища, если бездарность, легкомысліе и испорченность господъ положенія вызовутъ самымъ легкомысленнымъ образомъ катастрофу—войну или государственный переворотъ, которые навлекутъ на страну наихудшія бѣдствія. Слѣпой гнѣвъ мелкой буржуазіи сразу обратится къ тѣмъ, кто будетъ править въ такое время; это произойдетъ тѣмъ легче и будетъ носить тѣмъ болѣе жестокій характеръ, чѣмъ больше она отъ нихъ ожидала, чѣмъ больше она преувеличивала ихъ благоразуміе и величіе.

Послѣднее десятилѣтіе безусловно развило въ мелкой буржуазіи все возрастающую ненависть къ пролетаріату. Онъ долженъ направлять свою политику, чтобъ сражаться въ предстоящихъ битвахъ только своими собственными силами. Но уже Марксъ указалъ на то, что мелкій буржуа, какъ нѣчто промежуточное между капиталистомъ и пролетаріемъ, колеблется между обоими и представляетъ собой двуликое существо. Намъ не слѣдуетъ на него разсчитывать: въ массѣ онъ всегда будетъ ненадежнымъ союзникомъ; отдѣльные мелкіе буржуа могутъ быть превосходными партійными товарищами, но вражда мелкой буржуазіи противъ насъ можетъ еще расти. Не исключена возможность, что мелкая буржуазія въ одинъ прекрасный день, подъ вліяніемъ невыносимаго налоговаго гнета и внезапнаго моральнаго банкротства стоящихъ у власти, въ массѣ перейдетъ на нашу сторону, этимъ она быть можетъ смететъ нашихъ противниковъ и рѣшитъ исходъ нашей борьбы. И мелкая буржуазія поистинѣ не могла бы сдѣлать болѣе умнаго шага, ибо побѣдоносный пролетаріатъ можетъ предложить огромное улучшеніе жизни всѣмъ неэксплоататорамъ, всѣмъ угнетеннымъ и эксплоатируемымъ

и всѣмъ, кто въ настоящее время прозябаетъ въ качествѣ мелкаго буржуа или мелкаго крестьянина.

Какъ бы враждебна ни была къ намъ подчасъ мелкая буржуазія, она все же далеко не можетъ образовать опоры существующему строю, ибо мелкая буржуазія, какъ и всѣ прочіе подпорки современнаго общества, шатается и трещитъ по всѣмъ швамъ.

Прочность существующаго строя все болѣе ослабляется въ сознаніи народа и въ дѣйствительности; чувствуется, что мы вступили въ періодъ всеобщей неувѣренности, что дѣло не можетъ больше продолжаться такъ, какъ оно шло въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, и что современное положеніе, которое быстро становится все менѣе прочнымъ, не можетъ больше пережить еще человѣческій вѣкъ.

Но въ этой всеобщей неувѣренности ближайшія задачи пролетаріата поставлены ясно. Мы уже развили ихъ. Пролетаріатъ не можетъ продвинуться впередъ безъ измѣненія государственныхъ основъ, на почвѣ которыхъ онъ ведетъ свою борьбу. Побудить на самые рѣшительные шаги демократію имперіи, а также отдѣльныхъ государствъ, именно Пруссіи и Саксоніи— вотъ ближайшая задача пролетаріата въ Германіи; его ближайшая международная задача—борьба противъ міровой политики и милитаризма.

Такъ же ясно, какъ эти задачи, стоятъ передъ нами и тѣ средства, которыя имѣются къ нашимъ услугамъ для разрѣшенія этихъ задачъ. Къ средствамъ, примѣнявшимся до сихъ поръ, присоединяется еще *массовая забастовка*, которую мы приняли теоретически уже въ началѣ девяностыхъ годовъ; съ тѣхъ поръ ея примѣнимость при благопріятныхъ обстоятельствахъ испытывалась неоднократно. Если массовая забастовка со времени славныхъ дней 1905 года отступила до нѣкоторой степени на задній планъ, то это только доказываетъ, что она дѣйствительна не при всякой ситуаціи, и что было бы грубо ошибочнымъ примѣнять ее при всѣхъ обстоятельствахъ.

До сихъ поръ ситуація ясна. Но не одинъ только пролетаріатъ долженъ быть принятъ во вниманіе при предстоящей борьбѣ; здѣсь окажутъ вліяніе и другіе многочисленные факторы, которыхъ напередъ совершенно невозможно учесть.

Невозможно опредѣлить напередъ позицію нашихъ государственныхъ людей; ихъ обликъ мѣняется такъ же быстро, какъ и ихъ настроеніе. О послѣдовательной, цѣлеосознанной политикѣ здѣсь и говорить не приходится.

Не поддаются учету и мелкобуржуазныя массы, которыя бросаютъ свою тяжесть то на одну, то на другую чашку вѣсовъ и заставляютъ ихъ постоянно колебаться.

Далѣе, еще менѣе можно учесть напередъ запутанный клубокъ внѣшней политики, въ которой принимаетъ участіе такъ много непрочныхъ государствъ.

Наконецъ, совершенно не поддаются учету перемѣны въ государствахъ Востока, гдѣ выступаетъ такъ много совершенно новыхъ факторовъ, которые пока совсѣмъ еще не изслѣдованы.

Всѣ эти факторы въ настоящее время вступаютъ въ тѣснѣйшее и непрерывное взаимодѣйствіе; они позаботятся о томъ, чтобъ мы не выходили изъ полосы неожиданностей.

Въ этомъ всеобщемъ шатаніи соціалъ-демократія удержитъ за собой тѣмъ больше, чѣмъ меньше она сама шатается, и чѣмъ болѣе она остается вѣрной самой себѣ. Въ противовѣсъ легкомысленной политикѣ настроеній, соціалъ-демократія тѣмъ выше будетъ поднимать сознаніе силы трудящихся массъ, что ея теорія даетъ ей послѣдовательную и вѣрно ведущую къ цѣли практику.

Чѣмъ больше соціалъ-демократія среди всеобщаго крушенія всякихъ авторитетовъ покажетъ себя на дѣлѣ, какъ непоколебимая сила, тѣмъ выше подымется ея авторитетъ, и чѣмъ больше она будетъ упорствовать въ своей непримиримой оппозиціи къ испорченности господствующихъ классовъ, тѣмъ жизненнѣе будетъ довѣріе, оказываемое ей широкими народными массами среди всеобщей гнилости, которую въ настоящее время постигла уже и буржуазная демократія, оставившая свои основныя принципы лишь для того, чтобы выиграть благоволеніе правительства.

Чѣмъ болѣе непоколебимой, послѣдовательной и непримиримой будетъ соціалъ-демократія, тѣмъ скорѣе она восторжествуетъ надъ своими противниками.

Требовать отъ соціалъ-демократіи участія въ коалиціонной или блоковой политикѣ именно теперь, когда понятіе „реакціонныя массы“ стало дѣйствительностью, значитъ требовать отъ нея политическаго самоубійства.

Желать, чтобы соціалъ-демократія связала себя блоковой политикой съ буржуазными партіями именно теперь, когда онѣ проституировали себя и компрометировали себя глубочайшимъ образомъ, желать чтобы соціалъ-демократія связалась съ ними для поощренія этой проституціи, значитъ требовать отъ соціалъ-демократіи моральнаго самоубійства.

Заботливые друзья боятся, чтобы соціалъ-демократія *путемъ* революціи не пришла преждевременно къ государственной власти. Но если возможно для насъ преждевременное достиженіе государственной власти, то это будетъ пріобрѣтеніемъ призрака власти *передъ* революціей, то есть раньше, чѣмъ пролетаріатъ завоевалъ дѣйствительную политическую власть. Пока это не удалось, соціалъ-демократія можетъ принять участіе въ государственной власти, лишь *продавая* свою политическую силу буржуазному правительству. *Пролетаріатъ*, какъ классъ, при этомъ никогда не можетъ выиграть; въ лучшемъ случаѣ могутъ выиграть только *парламентаріи*, которые заключили торговую сдѣлку.

Тотъ, для кого соціалъ-демократія представляетъ собой средство для освобожденія пролетаріата, долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивиться подобному участію его партіи въ господствующей коррупціи. Если есть средства, чтобы похитить у насъ довѣріе всѣхъ честныхъ элементовъ массъ, навлечь на насъ презрѣніе всѣхъ способныхъ и готовыхъ къ борьбѣ пролетаріевъ и остановить наше восхожденіе, то это есть участіе соціалъ-демократіи въ блоковой политикѣ.

Преуспѣвать при этомъ будутъ лишь тѣ элементы, для которыхъ наша партія представляетъ собой не что иное, какъ лѣстницу, чтобы самому забраться повыше, т.-е. *карьеристы*, гоняющіеся за должностями. Чѣмъ меньше мы притягиваемъ такихъ элементовъ, чѣмъ больше мы ихъ отъ себя отталкиваемъ, тѣмъ это лучше для нашей борьбы.

Какой видъ приметъ эта борьба въ деталяхъ, объ этомъ, помимо указаннаго здѣсь, едва ли можно сказать что-либо опредѣленное. Никогда еще предсказаніе формъ и темпа предстоящаго развитія не было труднѣе, чѣмъ теперь, когда всѣ принимаемые въ расчетъ факторы, исключая пролетаріатъ, такъ неопредѣленны и съ такимъ трудомъ поддаются учету.

Безусловна только всеобщая неувѣренность. Безусловно, что мы вступили въ періодъ всеобщаго безпокойства, постоянныхъ государственныхъ сдвиговъ, которые—каковы бы ни были ихъ формы и продолжительность—не въ состояніи кончиться длительнымъ покоемъ, прежде чѣмъ пролетаріатъ пріобрѣтетъ силу, чтобъ политически и экономически экспропріировать классъ капиталистовъ и открыть этимъ самымъ новую эру міровой исторіи.

Продлится ли этотъ революціонный періодъ такъ же долго, какъ революціонный періодъ буржуазіи, который наступилъ въ 1789 году и продолжался до 1871 года, этого, конечно, предсказать нельзя. Правда, въ настоящее время всякое развитіе идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ раньше, но зато и арена борьбы расширилась необыкновенно сильно. Когда Марксъ и Энгельсъ писали свой „Коммунистическій манифестъ", ихъ глазамъ въ качествѣ арены пролетарской революціи представлялась только Западная Европа. Въ настоящее время поле борьбы охватываетъ весь міръ. Въ настоящее время сраженія освободительной борьбы трудящагося и эксплоатируемаго человѣчества разыгрываются не только на берегахъ Шпрее и Сены, но и на Гудзонѣ и Миссисипи, на Невѣ и Дарданеллахъ, на Гангѣ и Гоанго.

Столь же величественной, какъ поле битвы, представляется и та задача, которая выростаетъ передъ пролетаріатомъ—общественная организація мірового хозяйства.

Но пролетаріатъ выйдетъ изъ революціонной эпохи, которая уже начинается и продлится, быть можетъ, на протяженіи человѣческой жизни, инымъ, чѣмъ онъ вступилъ въ нее.

Если его лучшая часть уже въ настоящее время представляетъ собой наиболѣе сильный, наиболѣе дальновидный, наиболѣе самоотверженный и храбрый, объединенный въ величайшія свободныя организаціи слой націй европейской культуры, то пролетаріатъ въ борьбѣ и черезъ борьбу вольетъ въ себя самоотверженные и дальновидные элементы всѣхъ классовъ, онъ воспитаетъ и организуетъ въ своемъ собственномъ лонѣ свои отставшіе элементы и выполнитъ это съ радостной надеждой и проницательностью. Онъ поставитъ свою лучшую часть во главѣ культуры и сдѣлаетъ ее способной руководить тѣми великими экономическими преобразованіями, которыя на всемъ земномъ шарѣ положатъ, наконецъ, предѣлъ всякимъ бѣдствіямъ, возникающимъ изъ рабства, эксплоатаціи и невѣжества.

Счастливъ тотъ, кому суждено принять участіе въ этой благородной борьбѣ и величественной побѣдѣ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе автора	3
1. Завоеваніе политической власти:	5
2. Предсказаніе революціи	9
3. Врастаніе въ государство будущаго	16
4. Экономическое развитіе и воля:	21
5. Ни революція во чтобы то ни стало, ни законность во чтобы то ни стало:	28
6. Ростъ революціонныхъ элементовъ:	39
7. Смягченіе классовыхъ противорѣчій.	47
8. Обостреніе классовыхъ противорѣчій	54
9. Новый вѣкъ революцій	67

Книгоиздательство и книжный складъ „ВОЛЖА“.

НА СКЛАДѢ ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

1. Великая французская революція..... 25 к.
2. Что значитъ пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!..... 10 к.
3. **Ор-скій.** Карлъ Марксъ..... 35 к.
4. Коммунистическій манифестъ..... 25 к.
5. **Ленинъ.** Письма о тактикѣ..... 15 к.
6. **Его же.** Къ лозунгамъ ..... 15 к.
7. **Невскій.** Уроки революціи 48 года..... 8 к.
8. **Степановъ.** Потребительныя о-ва и раб. классъ..... 35 к.
9. **Дикштейнъ.** Кто чѣмъ живетъ..... 25 к.
10. **Гедъ Лафаръ.** Чего хотятъ с.-д..... 20 к.
11. **Антоновъ.** Война и Германская с.-д..... 25 к.
12. **Волинъ.** Пролетаріатъ и его интересы въ город. самоуправл..... 15 к.
13. **Ольминскій.** Объ учредительномъ собраніи..... 15 к.
14. **Браке.** Долой соціалъ демократовъ..... 20 к.
15. Матеріалы по пересмотру партійной программы..... 40 к.
16. **Степановъ.** Жанъ Поль Маратъ. 2-е изданіе..... 55 к.
17. **Его же.** Какъ народъ возвратитъ себѣ землю и что сдѣлаетъ съ нею . 60 к.
18. **Его же.** Кто богатѣетъ и кто разоряется отъ войны ..... 35 к.
19. **Бухаринъ.** Классовая борьба и революція въ Россіи..... 50 к.
20. **Ярославскій.** Отчего въ деревнѣ нѣтъ товаровъ, хлѣба въ городахъ.. 45 к.

Куновъ. Великая французская революція ч. I. переводъ И. Степанова. Печатается.

Бухаринъ. Парламентарная или совѣтская республика. Гот. къ печати.

На складѣ имѣются всѣ изданія „Прибоя“, „Книти“, „Земли“.

Партійныя и Совѣтскія организаціи и всѣ культурно-просвѣт. организаціи имѣютъ скидку.

Заказы выполняются по полученіи задатка въ размѣрѣ $^1/_2$ суммы заказа. Упаковка и пересылка за счетъ покупателя.

Москва, Арбатъ, 40, тел. 4-79-11.